

**ФГБОУ ВО «РЯЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА»**

На правах рукописи

ТРУСОВА Мария Александровна

**ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918-1926 ГГ.
И ПОЗИЦИИ СТРАН ЗАПАДА**

Научная специальность 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:

к.и.н., доцент Жолудов Михаил Валентинович

Рязань – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Внешняя политика Советской России и Германии на завершающем этапе Первой мировой войны и по ее окончании.	30
1.1. Экономическая и политическая обстановка в Советской России и странах Запада на завершающем этапе и по окончании Первой мировой войны.	30
1.2. Германо-советские отношения в первые годы советской власти и политика западных держав.	47
1.3 Развитие экономических и политических отношений Германии и Советской России в 1921 году и политика стран Запада.	77
Глава 2. Борьба Германии и Советской России за выход из международной изоляции и позиции ведущих стран Запада	96
2.1. Германо-советские отношения и страны Запада в период подготовки к Генуэзской конференции 1922 года.	96
2.2. Политическая борьба в ходе Генуэзской конференции и установление германо-советских дипломатических отношений.	126
2.3. Реакция стран Запада на подписание Рапалльского договора 1922 года.	146
Глава 3. «Пострапалльский период» отношений между двумя странами (1922-1926 гг.).	167
3.1. Реализация Рапалльского договора в 1922-1923 гг. в условиях политики, проводимой западными странами.	167
3.2 Подготовка и подписание Московского торгового договора 1925 г. и позиция стран Запада.	193
3.3 Заключение Берлинского договора 1926 г. и политика западных государств.	209
Заключение	229
Приложения	237
Источники и литература	239

Введение

Изучение германо-советских отношений в период после окончания Первой мировой войны до 1926 г. является одним из наиболее дискуссионных вопросов Новейшей истории. Неизменное внимание ученых к этому периоду взаимоотношений двух государств связано со многими факторами. Германия и Советская Россия после Первой мировой войны оказались в положении изгоев в складывавшейся системе международных отношений. Тем не менее, потребности восстановления экономики подталкивали оба государства, а также и другие европейские страны к сотрудничеству, сначала в экономической, а затем и в политической сферах. Период 1918-1926 гг. отражает процессы восстановления и налаживания политических, экономических и культурных связей после коренных изменений общественно-политического устройства. Тем не менее, взаимоотношения двух стран нельзя изучать и анализировать в отрыве от глобальных процессов, общемировой политической обстановки, без учета интересов других государств и их влияния на развитие двусторонних связей. В то же время развитие германо-советских отношений оказывало воздействие на проведение внешней политики стран Запада. Таким образом, взаимоотношения между Германией и Советской Россией определяли развитие не только двух государств, но и развитие общемировой политики и экономики. В связи с вышеизложенным, изучение германо-советские отношений в 1918-1926 гг., их влияния на политику западных держав, попыток лавирования между интересами противостоящих друг другу групп государств и процесс поиска компромиссов для выхода из сложной в экономическом и политическом плане ситуации, сложившейся в мире по окончании Первой мировой войны представляет интерес для исторической науки.

Актуальность.

Первая мировая война 1914—1918 гг., закончившаяся в 1919 г. подписанием Версальского мирного договора, наложила глубокий отпечаток

на дальнейший ход истории. Она принесла разрушения и гибель миллионов людей, но она также выступила в роли генератора радикальных трансформаций в общественной жизни, в политике и экономике, которые далеко еще себя не исчерпали и по сей день. Итогом войны стало разрушение четырех империй и появление на их территории новых государственных образований, в том числе Советского государства и германской Веймарской республики.

Несмотря на определенную изученность проблематики становления отношений между этими двумя странами в отечественной историографии, многие сюжеты требуют более детального рассмотрения и переосмысления устоявшихся на них взглядов. В частности, на сегодняшний день в русскоязычной научной исторической литературе не представлено подробного и системного анализа отношения стран Запада к развитию контактов между советским и германским государствами в первые послевоенные годы.

Обращаясь к историческому опыту советского и германского государств в период после окончания Первой мировой войны, можно лучше осмыслить многие современные российские реалии, например, влияние на общество «комплекса проигравшего в войне» (имеется в виду проигрыш СССР в «холодной войне»).

Весьма актуальной представляется изучение характера взаимоотношений между «победившими» и «побежденными» странами в условиях трансформации системы международных отношений после завершения мировых конфликтов. И тогда, и сейчас страны-победители стремятся удержать свои лидерские позиции в системе международных экономических и политических отношений, что приводит к обострению военно-политической ситуации в мире.

Степень изученности проблемы.

Германо-советские отношения после окончания Первой мировой войны являются предметом изучения и анализа не только отечественных и

германских исследователей, но и входят в сферу научных интересов целого ряда французских, американских, английских историков. В отечественной историографии существует целый ряд работ, посвященных отношениям Советской России с Германией, Великобританией, Францией, США, государствами Малой Антанты. Однако большинство этих работы акцентируют свое внимание только на двусторонних связях советского государства с тем или иным западным государством. Большое внимание в отечественной историографии уделено отношениям Германии и Советской России после Первой мировой войны.

В первые десятилетия после окончания Первой мировой войны предпринимались попытки анализа взаимоотношений Германии и Советской России. Исследования в данный период велись как в России, так и за ее пределами российскими эмигрантами. Работы этого периода представляют особый интерес, поскольку выступают одновременно в качестве источников, и аналитических оценок авторами пережитых ими событий. Актуальным было рассмотрение вопроса взаимоотношений Советской России со странами Запада в контексте попыток западных держав вмешаться во внутреннюю политику советского государства: изучалась военная интервенция Германии и стран Антанты на территории России. Отправной точкой по истории международных отношений Советской России, Германии и западных стран стали работы современников: труды советского политического деятеля К. Радека¹, советского дипломата, полпреда в Великобритании Л.Б. Красина² и т.д. Карл Радек давал описание позиций стран запада накануне Генуэзской и Гаагской конференций 1922 г. В своих трудах он детально рассматривал экономическое положение советского государства, а также анализировал политические решения советского руководства с позиции экономических потребностей страны. К. Радек затрагивал позиции руководства западных держав к возможностям и перспективам торгового сотрудничества и

¹ Радек К. Генуэзская и Гаагская конференции. М., 1923; -Он же. Внешняя политика Советской России. М.; Пг., 1923.

² Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М.; Л., 1928.

восстановления дипломатических связей с Советской Россией, а также мнения, существовавшие в деловых и промышленных кругах. Уже с конца 1920-х гг. в научной литературе проявилась тенденция рассмотрения советско-германских в контексте лавирования Германии между Востоком и Западом с целью получения наиболее выгодных условий в период после Первой мировой войны. Подобной позиции придерживался А.С. Иерусалимский³.

Одной из ключевых проблем для русской эмиграции стал вопрос заключения мира и послевоенного устройства Европы. Первые попытки осмысления итогов Октябрьской революции для внутреннего положения России и европейской политики, а также анализ сложившейся международной обстановки и попытки прогнозирования возможных путей развития Советской России и ее взаимоотношений со странами Запада содержался в работах меньшевиков П.Гарви⁴ и Д.Ю.Далина⁵. Важное значение имели работы лидера кадетской партии, историка П.Н.Милюкова⁶, который предпринял попытку осмысления сущности большевистской власти и проанализировал основные задачи внутренней и внешней политики в 1920-х гг.

В 1920-1930-х гг. большое внимание уделялось также вопросам экономического восстановления и развития советского государства. В контексте взаимоотношений со странами Запада рассматривался вопрос о неправомерности предъявления западными державами претензий по возмещению долговых обязательств царского и Временного правительств, обосновывались контрпретензии советского правительства и в целом делалась оценка экономического положения Советской России и Европы⁷.

³ Иерусалимский А.С. Германия, Антанта и СССР. М., 1928.

⁴ Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига, 1928.

⁵ Далин Д. Ю. После войн и революций. Берлин, 1922.

⁶ Милюков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927.

⁷ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1907; Пазвольский Л., Моультон Г. Русский государственный долг и восстановление России. М., 1925; Преображенский Е.А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М., 1922.

В 1930-1950-х гг. историческая наука стала подвержена жесткому идеологическому влиянию. Большое внимание уделялось вопросам заключения дипломатических соглашений между Советской Россией и западными странами. Были опубликованы монографии советских ученых, историков государства и права Н.Л.Рубинштейна⁸, Р.Л.Боброва⁹, в которых авторы рассматривали вопросы дипломатического признания советского государства, его экономические и политические отношения с западными странами. Исследователи анализировали причины сближения Германии и Советской России, доказывали его объективную необходимость. В коллективном труде «История дипломатии»¹⁰ большое внимание уделялось Генуэзской конференции: давались новые сведения о предварительных переговорах советской делегации с германскими представителями в Берлине, анализировались причины колебания германской стороны перед подписанием Рапалльского договора, комментировался сам договор и давалась оценка последствий его заключения. В то же время в работах преувеличивается роль Советской России, а в последующем, Советского Союза в мировой политике, все акты иностранных государств воспринимались как антисоветские.

Особый интерес представляет работа историка-международника И.М.Лемина¹¹ «Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно: 1919-1925», в которой автор анализировал экономическое положение европейских государств после завершения Первой мировой войны, а также изучал подходы Великобритании и Франции по вопросам европейской безопасности, рассматривал влияние германской и советской внешней политики на британскую дипломатию.

⁸ Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921-1925 годах. М., 1953; Он же. Советская власть и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). М., 1948.

⁹ Бобров Р.Л. Международное признание Советского государства. Ученые записки ЛГУ: Серия юридических наук, 1948. Вып. 1. С.68-75.

¹⁰ История дипломатии: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919-1939 гг.). Т. 3. Под ред.: Потемкин В.П. М.; Л., 1945. 1-е изд.

¹¹ Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно: 1919-1925. М., 1947.

Во второй половине XX века начинается комплексное изучение отечественными учеными германо-советских отношений в 1918-1926 гг. В середине 1950-х гг. в научный оборот были введены новые источники, что способствовало развитию отечественной историографии. Особое внимание историков привлек Рапалльский договор, началось изучение позиций западных стран по отношению к германо-советскому сближению, подписанию Брестского мира и Рапалльского договора, изучались главные направления рапалльского сотрудничества: политическое, экономическое, культурное, научное¹². В то же время после Второй мировой войны усилилась конфронтация СССР со странами Запада, наступил период «холодной войны», что привело к идеологическому противостоянию советских и западных исследователей.

Значительный вклад в изучение германо-советских отношений от заключения Брестского мира и до прихода к власти в Германии А.Гитлера внес авторитетный специалист в области советско-германских отношений А.А.Ахтамзян¹³. В работах автора рапалльская политика освещалась не только на основе отечественных архивных материалов, но и с привлечением большого количества германских дипломатических документов из Политического Архива ФРГ. Исследования А.А.Ахтамзяна и специалиста в области истории международных отношений А.О.Чубарьяна¹⁴ были направлены на изучение факторов, побудивших правительства Германии и Советской России, различавшихся политическим устройством, вступить в переговоры о мире, а затем приступить к налаживанию экономических и политических отношений. Исследователь германской внешней политики в межвоенный период В.Б.Ушаков¹⁵ рассматривал советско-германские отношения в комплексе внешнеполитических проблем Германии.

¹² Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло: Очерки советско-германских отношений 1918-1922 г. М., 1954.

¹³ Ахтамзян А.А. Из истории германской политики накануне Рапалло // Вопросы истории. 1972. №1. С. 65-80; Он же. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 гг. М., 1974; Он же. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). М., 2009.

¹⁴ Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.

¹⁵ Ушаков В.Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.

Отечественный историк, исследователь истории внешней политики СССР в 1920-1940х гг., И.А.Росенко¹⁶ на основе изучения советской и зарубежной прессы не только подробно рассмотрел политические и экономические предпосылки сближения Германии и Советской России, но и осветил реакцию на Рапалльский договор общественно-политических кругов Германии и западных государств. В работе советского исследователя истории США В.Ф. Лопатина¹⁷ наряду с изучением внешней политики США в отношении Советской России проводился анализ влияния двусторонних германо-советских отношений на выработку и принятие решений правительством США.

Анализ современной отечественной историографии советско-германских отношений показывает, что на данном этапе исследование этой проблемы находится под влиянием нескольких основных тенденций. Одна из них заключается в комплексном пересмотре истории германо-советских отношений на основе привлечения новых источников и расширения аспектов исследования. Научному исследованию начинают подвергаться неизученные аспекты германо-советских отношений, такие как военно-техническое сотрудничество¹⁸. Работы российского дипломата и ученого С.А. Горлова посвящены вопросу военно-технического сотрудничества Германии и Советской России. В них автор детально рассматривает этапы и тенденции становления и развития германо-советских отношений, анализирует процессы, связанные с эволюцией военно-технического взаимодействия, основываясь на изучении договоров и документов в этой сфере.

¹⁶ Росенко И.А. Советско-германские отношения. 1921-1922 гг. Л., 1965; Он же. Из истории советско-германских отношений после Рапалло // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1959. №258. Вып. 30. С. 173-199.

¹⁷ Лопатин В.Ф. Провал антисоветских планов США. Генуя – Гаага, 1922. М., 1963.

¹⁸ Байков А.Ю. Советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1920-1933 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008.; Горлов С. А. Советско-германское военное сотрудничество в 1920—1933 гг. // Международная жизнь. 1990. № 6. С. 107-124; Он же. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 4-11; Мишанов С. А., Захаров В.В. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1921—1933 гг. Анализ западной историографии. М., 1991; Черноперов В. Л. Советско-германское сотрудничество в военной авиации 1919-1921 гг. // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919-1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права: Материалы международной научной конференции. Витебск, 2019. С. 48-50.

Также появляется ряд работ, посвященных деятельности и взглядам отдельных германских и советских политиков¹⁹. Ряд работ был посвящен Г.В.Чичерину²⁰ и его вкладу в развитие советской внешней политики в целом и советско-германских отношений в частности. В статье Г.М. Садовой рассматривались внутренние противоречия среди большевиков по вопросам развития отношений с капиталистическими странами, позиции Советской России на конференции в Генуе в 1922 г., оценивалась роль Г.В.Чичерина в разработке внешнеполитического курса советской страны. П.В.Макаренко в статье «Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика» также анализировал тактику советского руководства и негативное влияние разногласий, существовавших между лидерами Советской России, на проведение внешней политики страны²¹.

На рубеже 80-90-х гг. наука стремилась к «разоблачительству», что приводило к появлению большого числа критических работ, особенно по вопросам военно-технического сотрудничества Германии и Советской России. При этом сохранялась и сохраняется высокая степень политизации

¹⁹ Авдеенко Е.Г. Крал Йозеф Вирт: партийно-государственная деятельность (1918—1933 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Челябинск, 2004; Артемов В.А. Кардашова Е.В. Фридрих Эберт - первый президент Германии. Воронеж, 2001; Евдокимова Т.В. Йозеф Вирт как политик Веймарской республики // Германия и Россия: события, образы, люди: сб. рос.-герм. исслед. 2006. Вып. 4. С. 127–136; Она же. Правящая политическая элита Веймарской Германии: Матиас Эрцбергер и Вальтер Ратенау // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. 2007. Вып. 9. С. 26–41; Кардашова Е.В. Фридрих Эберт: партийно-государственная деятельность в 1919—1925 гг. :дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 Воронеж, 2000; Греков Б.И. Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов (1914—1922 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Молодчик А.В. Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау, 1912—1922 гг. :дисс. ... канд. ист.наук: 07.00.03. Челябинск, 2001; Лучников А. В. Ульрих фон Брокдорф-Ранцау о секретном военно-техническом взаимодействии с государством большевиков // Власть. 2008. № 01. С. 88-92; Садовая Г. М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор. Материал к спецкурсу. Самара, 2001; Семенов В.В. Рейхсканцлер Йозеф Вирт и «политика выполнения» 1921—1922 гг.: дисс.... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2004; Целищев А.О., Гарипов Р.Ф. В. Ратенау об экономическом сотрудничестве с Советской Россией // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа, 2019. С. 254-257; Черноперов В. Л. Дипломат В.Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии (1919-1924 гг.): дисс. ...дист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2006; Черноперов В.Л. Из истории становления советско-германских отношений (миссия В.Л. Коппа в Веймарской республике осенью–зимой 1920 г.) // Гуманитарное измерение меняющегося мира: Материалы IV Фестиваля гуманитарных наук. Иваново, 2002. С. 110-136.

²⁰ Садовая Г. М. Роль интеллектуала Георгия Чичерина в нормализации советско-германских отношений (январь-март 1922 г.) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1. С. 41-47; Черноперов В. Л. Дипломат В. Л. Копп в становлении советско-германских научных связей и политике трудовой миграции из Веймарской республики в РСФСР (1919 - 1921 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2(63). С. 246-252.

²¹ Макаренко П.В. Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика // Научная редакция «История». 26 января 2011 года. С. 105-111.

истории, а дискуссии носят идеологический характер. В этих работах, как правило, не учитывался фактор давления со стороны западных держав, а их политика представлена только как реакция на те или иные изменения, происходящие во внутренней и внешней политике Германии и Советской России. Кроме того, большинство работ отечественных авторов изучали отдельные аспекты взаимоотношений Советской России с Германией и странами Запада, например военно-техническое сотрудничество, установление политических отношений²².

Еще одним направлением изучения советско-германских отношений в начале 2000-х гг. стал анализ отношения советской эмиграции и эмигрантской прессы к тем или иным событиям внешней политики Советской России. В статье А.В.Урядовой²³ рассматривалась позиция русской эмиграции по отношению к Генуэзской конференции и ее результатам. В работе автор привела большое количество фактического материала, а также сделала анализ эмигрантской прессы в период подготовки и проведения Генуэзской конференции 1922 г.

Многие авторы изучали вопросы не только двусторонних отношений Советской России и Германии, но и влияние этого сотрудничества на развитие Европы и отдельных западных государств²⁴. Например, в работе Н.Н. Станкова²⁵ раскрыта позиция Чехословакии по вопросу налаживания германо-советских отношений, проанализированы действия чехословацкой дипломатии в условиях германо-советского сближения.

Предметом интереса на современном этапе является поиск новых подходов к изучению и пониманию развития советско-германских

²² Сорокин Н.Д. Великобритания в решении «ключевых германских вопросов» в 1918-1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иваново, 2012; Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.00. М., 2012.

²³ Лысенко А.В. Президент Эберт: «Из газетных новостей я узнаю, что германо-русский договор заключен и опубликован». Эпизод «непубличной» журналистики эмигрантской газеты «Руль» // Медиаскоп. 2017. Вып. 3.; Урядова А.В. Генуэзская конференция и русская эмиграция // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 17/09. С. 137-147.

²⁴ Бетмакаев А.В. Между Версалем и Рапалло. Германо-американские мирные переговоры летом 1921 г. // Известия Алтайского государственного университета. 1999. №4 (14). С.7-12; Любин В.П. Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы // Вопросы истории. 2002. №11. С. 54-72.

²⁵ Станков Н.Н. Рапальский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 3-15.

отношений в послевоенный период. Исследователи обращают внимание на период после заключения Брест-Литовского мирного соглашения и влияние советско-германского взаимодействия на заключительном этапе Первой мировой войны на развитие внутренних процессов в государствах²⁶.

В 2000-х гг. в России и Белоруссии появилось значительное количество исследований, рассматривавших различные аспекты германо-советского сотрудничества в период 1918-1926 гг. в области культуры, медицины, науки и т.д.²⁷. Большое внимание исследователи также уделяли рассмотрению процесса организации и проведения Гёнуэзской конференции 1922 г. и подписанию Рапалльского договора. Основой для исследований становились новые архивные источники, которые были опубликованы в сборниках документов по внешней политике и дипломатии во Франции, Великобритании, США²⁸. Среди таких работ необходимо отметить

²⁶ Ватлин А. Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230; Ланник Л. В. Миссия Гельфериха в Москве: Забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г // Россия и современный мир. 2020. № 4(109). С. 186-209.; Он же. Имплементация Брестского мира как проблема современной историографии // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 21-36; Он же. Германский фактор в разворачивании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов / Институт истории СО РАН. Новосибирск: Издательство Параллель, 2022. С. 257-270; Репников А. В., Ланник Л.В. Историк М.Н. Покровский о мирных переговорах в Брест-Литовске // Россия и современный мир. 2021. № 3(112). С. 180-214.

²⁷ Абрамова О. М. Актуальные проблемы истории России: развитие Советско-германского экономического сотрудничества в 1920-е гг // Астраханские Петровские чтения: Материалы IV Международной научной конференции, Астрахань / Отв. ред. и составитель: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. Астрахань, 2020. С. 69-71; Дианова Е. В. Прорыв международной изоляции СССР и киноимпорт 1920-х годов // Международное сотрудничество: историко-психологические аспекты: Материалы ЛП Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12 декабря 2022 года / Под редакцией С. Н. Полторака. СПб, 2022. С. 90-99; Космач В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922–1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 1984; Плотниченко П.К., Ратманов П.Э. Трансфер идей и технологий в области зубопротезирования между Советской Россией и Веймарской республикой в 1920-1930-е гг // Стоматология. 2022. Т. 101. № 1. С. 103-107; Ратманов П. Э. Связи в области медицины между СССР и Веймарской республикой в 1921-1932 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 3. С. 158-168; Трухнов Г.М., Космач В.А. Общества германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества в период веймарской республики (1919–1933) // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. 1984. № 3. С. 18–19; Целищев А. О. Советско-германский хлебный договор 1923 года // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1(169). С. 126-132; Юдин А. Н. Испытание новейших боевых самолетов в Липецком авиационном центре рейхсвера (1924-1933) // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов. М., 2022. С. 231-233.

²⁸ Баев В. Г., Фролов С. А., Мещерякова С. В. Советско-германский Рапалльский договор: причины, цели, подписанты // Вопросы истории. 2022. № 6-2. С. 87-93; Космач В. А. Сюрприз для англо-саксов в Гёнуэ: Рапалльский договор между Москвой и Берлином 16 апреля 1922 года // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: Материалы VI Международной научно-практической

исследования А.В. Лысенко, в которых автор подробно излагал оценку Рапалльского договора русской эмиграцией, привлекая в качестве источников статьи эмигрантской прессы²⁹.

В работах целого ряда исследователей советско-германские отношения в период 1920-х гг. анализировались с позиции их влияния на формирование нового мирового порядка в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, применялись междисциплинарный и комплексный подходы³⁰. Предметом научного интереса также стали вопросы

конференции. Витебск, 2022. С. 117-121; Борисов А. А. Рапалльский договор - первый шаг к международному признанию законности актов о национализации промышленности // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Том 2. Курск, 2022. С. 68-77; Дегтярева Н. А. Проблема международного признания СССР // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Оренбург, 2022. С. 30-33; Котов А. В. Столетие Рапалльского договора: юбилей на фоне кризиса экономических связей России и Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2(26). С. 117-127; Магадеев И. Э. "Русский вопрос" на конференции Антанты в Каннах // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 723-738; Он же. Французская дипломатия на Генуэзской конференции (апрель-май 1922 г.) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2022. № 6. С. 15-28; Он же. Дух Рапалло и европейская политика Франции (апрель-ноябрь 1922 г.) // История. Общество. Политика. 2022. № 2(22). С. 6-15; Мезга Н. Н. Рапалльский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922-1925) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 3. С. 61-70; Он же. Деятельность дипломатии РСФСР, направленная на распространение Рапалльского договора на другие советские республики // Мозырщина: люди, события, время: Материалы Международной научно-практической конференции. Мозырь, 2020. С. 54-60; Парапанова М. Н. Европейское направление британской внешней политики после Первой мировой войны. Внешнеполитические стратегии Д. Ллойд-Джорджа // Научные труды магистрантов и аспирантов : Сборник научных трудов. Нижневартовск. Вып. 17. 2020. С. 43-46; Родин Д. В. Берлинский договор 1926 г. как противовес «западному» и «восточному Локарно» // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сборник материалов IX Всероссийской научной конференции. Самара, 2021. С. 176-183; Черноперов В. Л. США в планах "полуофициального полпреда" РСФСР в Веймарской республике В.Л. Коппа по развитию советско-германских экономических связей в 1919 - 1920 годах // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: Сборник статей III Международной научно-практической конференции. Рязань, 2018. С. 186-193.

²⁹ Лысенко А. В. Рапалльский договор в освещении прессой русской эмиграции Он же. "Дух Рапалло" и Русский Берлин // Гетерогенность и плюрицентризм немецкоязычного пространства: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Ульяновск, 2010. С. 229-239; Он же. В фокусе "особого общественного значения": германская власть и русские эмигрантские СМИ в период становления Веймарской республики (по материалам Федерального архива Германии и Земельного архива Берлина) // Медиаскоп. 2016. № 2.

³⁰ Баев В. Г., Воликова И.А. Рапалльский договор 1922 г. В парадигме международно-правовых отношений: исторические параллели // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2022. С. 11-15; Богдашкин А. А. Советско-германские экономические отношения 1922-1933 гг. в оценках американских историков // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство: доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР. Москва, 2022. С. 66-72; Ланник Л. В. Наследие Брестской системы в ходе становления "версальского порядка" в Восточной Европе // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2019. Т. 10, № 6(80). С. 14.

развития внешней политики Советского государства и международных отношений в 1920-е гг.³¹.

Многие зарубежные историки также занимались исследованием германо-советских отношений в 1920-е гг., рассматривали вопросы влияния двусторонних связей на европейскую политику. Одним из таких исследователей является Дж. Уиллер-Беннет, сферой научного анализа которого был период от подписания Брест-Литовского мирного договора до начала Второй мировой войны³². В своей книге «Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии», вышедшей в 1938 г., Дж. Уилер-Беннет анализировал последствия заключения Брестского мира не только на Советскую Россию и Германию, но и на политику стран Антанты. Отдельного внимания также заслуживают работы А. Уолферса и В.М. Джордана³³, в которых проводился анализ и сравнение позиции Франции и Великобритании относительно Германии и устройства Европы после Первой мировой войны. Большое внимание проблеме послевоенного устройства, а также экономических, политическим и геополитическим последствиям Первой мировой войны уделяют французские авторы. В начале 1920-х гг. Пьер Ренувен начал выпускать журнал «Обозрение истории мировой войны»

³¹ Ватлин А. Ю. Советская Россия и Веймарская Германия на рубеже 20-х годов: переплетенная история // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия. 1990-2020: материалы Международной научной конференции, Липецк, 2019. С. 16-33; Гамидов Н. Г. Густав Штресеман и подписание берлинского договора между Веймарской Республикой и СССР // Вестник магистратуры. 2018. № 12-4(87). С. 62-64; Голубев А. В. Германия 1920 -х-1930 -х годов глазами советского общества // "Свой" / "Чужой" в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. Санкт-Петербург, 2019. С. 445-470; Матвеев Г. Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 100-122; Мигун Д. А. Советско-германский договор о нейтралитете 1926 г // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск, 2022. С. 134-138; Осипов Е. А. К вопросу о долгах царской России. Советско-французская конференция 1926-1927 годов по материалам архива МИД Франции // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 131-141; Швейцер В. Я. СССР и Германия в контексте событий 1920-1930-х годов // Современная Европа. 2020. № 5(98). С. 193-203.

³² Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / Пер. с англ. С. К. Меркулова. М.: Центрполиграф, 2009; Wheeler-Bennett John W. The Treaty of Brest-Litovsk and Germany's Eastern Policy. Oxford, 1939; Wheeler-Bennett John W. Twenty Years of Russo-German Relations: 1919-1939// Foreign Affairs. 1946. Vol. 25. P. 23-43

³³ Wolfers A. Britain and France between Two Wars: conflicting strategies of peace since Versailles. New York, 1940; Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918- 1939 гг. М., 1945.

(Revue d'histoire de guerre mondiale), а в 1934 г. вышло первое издание крупной работы «Европейский кризис и Первая мировая война»³⁴.

В 50-60-е гг. XX века в Германии появился ряд работ, в которых рассматривались германо-советские отношения послевоенного периода³⁵. Предметом изучения становились как экономические отношений двух стран, так и аспекты подготовки и подписания Рапалльского договора. Однако, немецкие историки не уделяли внимания обстоятельствам, приведшим к заключению соглашения, в том числе за пределами анализа оставались вопросы влияния политики западных государств, а также последствия заключения договора для общеевропейской обстановки. В работах многих зарубежных авторов подчеркивается дуализм советской внешней политики, на первый план выдвигалась ее революционная направленность. При этом анализировались попытки налаживания отношений между советским государством и странами Запада в соответствии с провозглашенной идеей о мирном сосуществовании. Исследователи из ГДР (А. Андерле, Г. Розенфельд) уделяли большое внимание борьбе КПГ за установление дружественных отношений с Советским государством, стремились проводить многосторонний анализ советско-германских отношений в рапалльский период, в то время, как для западногерманских историков более характерно было рассмотрение отдельных сторон германо-советского взаимодействия. В 1970-80-х гг. основной темой для исследований стало изучение германо-советских экономических отношений³⁶. Ряд авторов также начали поднимать вопрос о германо-советском взаимодействии в военно-

³⁴ Renouvin P. La Crise européenne et la Première Guerre mondiale, P., 1934, 1e éd.

³⁵ Anderle A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922-1929. Berlin (Ost) 1962; Blücher W. Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden 1951; Helbig H. Die Träger der Rapallo-Politik. Göttingen, 1958; Krummacher F.A., Lange H. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München, 1970; Linke H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1972; Rosenfeld G. Sowjetrußland und Deutschland. 1917-1922. Berlin, 1984; Schieder T. Die Probleme des Rapallo-Vertrages. Eine Studie über die deutsch-russischen Beziehungen 1922-1926. Köln; Opladen, 1955.

³⁶ Beitel W., Nötzold J. Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik. Baden-Baden 1979; Müller R. D. Das Tor zur Weltmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard am Rhein, 1984.

технической и военно-экономической сферах³⁷. Важнейший вклад в изучение германской политики на Востоке сделали в 1960-1970-х гг. В. Баумгарт и Х. Линке, труды которых до сих пор представляют интерес³⁸.

Во Франции в послевоенное время появился ряд работ, посвященных комплексному исследованию дипломатических отношений³⁹. Особый интерес вызывают работы Ж.Б.Дюрозеля «История дипломатии с 1919 до наших дней» и «Внешняя политика Франции в 1914-1945 годах», в которых автор пытался анализировать внешнюю политику и дипломатию, учитывая такие факторы как экономические интересы, влияние общественного сознания.

В начале 1960-х гг. были опубликованы работы одного из ведущих американских советологов Дж.Кеннана, одна из которых, «Россия и Запад при Ленине и Сталине»⁴⁰, представляет собой подробное исследование политики Советской России в 1918-1941 гг. Автор стремился рассмотреть обстоятельства, в которых советское руководство предпринимало те или иные шаги во внешней политике, в том числе и выявить причины, побудившие советское государство предпринять шаги для достижения соглашений и получения признания капиталистическими странами. Вместе с тем книга носит весьма тенденциозный характер, Дж.Кеннан старался показать советское руководство с наиболее неприглядной стороны и настраивал читателя против Советского государства и его политики.

В книге британского дипломата и историка Э.Карра⁴¹ «Германо-советские отношения между двумя мировыми войнами» подчеркивался дуализм советской внешней политики, анализировались причины подписания Рапалльского договора 1922 г. и изучалась внутривосточная борьба в

³⁷ Wunsche W. Strategie der Niederlage, Zur imperialistischen deutschen Miitarwissenschaft zwischen den beiden Weltkriegen. Berlin, 1961; Müller G. H. Rapallo Reexamined: A New Look at Germany's Secret Military Collaboration with Russia in 1922 // Military Affairs. 1976. № 40. P. 40-80.

³⁸ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München, 1966; Linke H. G. Op.cit.

³⁹ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, 2e éd. , P., 1953; Artaud D. La question des dettes interllieés et la Reconstruction de l'Europe (1917-1929), 2 vol. Lille, 1978

⁴⁰ Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1961.

⁴¹ Carr E. H. German-Soviet relations between the two World Wars, 1919-1939. Baltimore, 1951.

английских правящих кругах и ее влияние на советско-английские отношения. Французские исследователи изучали франко-германские отношения после Первой мировой войны, а также анализировали сложившийся после окончания войны европейский порядок, указывая на неблагоприятные для Франции факторы европейского устройства⁴².

Зарубежные авторы делали вывод о том, что советскому правительству удалось расколоть единый фронт союзников и заложить основы двусторонних отношений со странами Запада. Вместе с тем, многие историки видели причины успеха советской дипломатии в несогласованности действий западных политиков. Книга британского советолога С.Уайта «Начало разрядки»⁴³, опубликованная в 1985 г., в большей степени посвящена изучению событий Генуэзской конференции 1922 г. Автор обращал внимание на экономический кризис в Европе после окончания Первой мировой войны и делает выводы о необходимости участия советского государства в торговых связях на европейском континенте. Как следствие этого, С.Уайт негативно относился к нежеланию европейских государств пойти на соглашение с Советской Россией, подводя итог о том, что нерешенность основных проблем на Генуэзской конференции навредила капиталистическим странам в большей степени, чем Советской России. Наиболее подробно внешняя политика Советской России анализировалась в книге известного американского журналиста и специалиста по международным отношениям Л.Фишера «СССР в мировой политике»⁴⁴. Автор рассматривал все направления советской внешней политики, анализировал влияние внутривнутриполитических процессов на принятие внешнеполитических решений. Монография Л. Фишера имеет большое значение не только при изучении образа советского государства в западной

⁴² Bariety J. Les relations franco-allemandes après la Première Guerre mondiale, Pédone, 1977; Bariety J., Poidevin R. Les Relations franco-allemandes (1815-1975), P., 1977; Girault R., Frank R. Turbulente Europe et Nouveaux Mondes (1914-1941), P.; Masson, 1988.

⁴³ White St. The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921-1922. Cambridge, 1985.

⁴⁴ Fisher L. The Soviet in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917-1929. Princeton, 1951.

американистике, но и дает анализ советской внешней политики и развития советско-американских отношений в 1920-х гг.

Советско-германские отношения рассматривались в книге английского исследователя Л. Кохана⁴⁵. Используя большое количество фактического материала, историк стремился выявить причины, которые привели к проведению советско-германских переговоров в ходе Генуэзской конференции, результатов которых стало подписание Рапалльского договора. Несмотря на то, что автор являлся представителем зарубежной исторической науки, он анализировал целый ряд советских источников, стремясь соотнести процессы, происходившие в Советской России, изменения внутренней политики и экономики в их связи с проводимой внешней политикой.

Большой вклад в изучение германо-советских отношений пострапалльского периода внесли работы Р.Бурназель⁴⁶. В книге «Рапалло: рождение мифа» автор обращал внимание на политику Франции в период установления германо-советских дипломатических отношений. Борьба двух стратегий политики по отношению к странам, проигравшим в Первой мировой войне, которые на тот момент существовали во Франции, и проводниками которых были А. Бриан и Р. Пуанкаре, приводили к тому, что изменение германо-советских отношений имело важное значение не только для принятия внешнеполитических решений, но и как фактор внутривнутриполитической борьбы во Франции в 1922-1923 гг.

Работа американского историка К. Финк «Генуэзская конференция: европейская дипломатия, 1921-1922»⁴⁷ посвящена детальному анализу Генуэзской конференции 1922 г.: подготовке к конференции, дипломатической борьбе в ходе конференции, влияния итогов конференции на европейскую политику. Автор изучал позиции не только великих держав, но и таких стран, как Бельгия, Турция, Италия и других. При написании

⁴⁵ Kochan L. *Russia and the Weimar Republic*. Cambridge, 1954.

⁴⁶ Bournazel R. *Rapallo: naissance d'un mythe. La politique de la peur dans la France du bloc national*, P., 1974.

⁴⁷ Fink C. *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921-1922*. Chapel Hill, 1984.

книги К.Финк использовала большое количество архивных материалов из фондов британских и германских архивов.

В коллективном труде «Германо-советские отношения в эпоху Веймарской республики. Дружба по необходимости»⁴⁸ внимание отношениям с Советской Россией уделялось лишь как фактору внутренней и внешней политики Германии. В то же время подчеркивалось особое значение советско-германских отношений для развития мировой политики, а также изучалось то, как отношения Германии и Советской России влияли на позицию советской страны в ее взаимоотношениях с капиталистическим миром.

Ряд работ был посвящен деятельности политических фигур и их мнениям об установлении и развитии германо-советских отношений⁴⁹. В работе Р.Гиммера прослеживался процесс формирования дипломатическими кругами Германии позитивного взгляда на установление отношений с Советской Россией, выработка внешнеполитических решений анализировалась не только с учетом интересов Германии, но и на основе внешнеполитической обстановки и политики западных держав. Автор показывал, как мнение В.Ратенау, одного из активных участников ведения переговоров с Советской Россией в 1922 г., поменялось от нежелания установления отношений с Советской Россией до принятия решения о подписании Рапальского договора. Эволюция взглядов В.Ратенау объяснялось, прежде всего, экономическими интересами и потребностями Германии.

⁴⁸ Haigh R.H., Morris D.S., Peters A.R. German-Soviet Relations in the Weimar Era (1919-1933) Friendship From Necessity. NY, 1985.

⁴⁹ Goldbach M.-L. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923. Bonn, 1973.; Hallgarten G. W. F. General Hans von Seeckt and Russia, 1920-1922// The Journal of Modern History. 1949. №21(1). P. 28-34; Himmer R. Rathenau, Russia, and Rapallo // Central European History. 1976. №9 (2). P. 146-183; O'Connor T. E. Diplomacy and Revolution: G.V. Chicherin and Soviet Foreign Affairs, 1918-1930. Iowa, 1988; Phillips H. D., Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov. Boulder, 1992; Francis C. Lloyd George et le traité de Rapallo // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1976. №. 1. P. 44-67; Maurice B. Walther Rathenau et son système //Annales d'histoire économique et sociale. 1932. T. 4. №. 13. P. 50-58.

В трудах современных зарубежных историков исследовались новые аспекты германо-советских отношений. Американский историк Д. Кэмерон⁵⁰ обращал внимание на позиции в отношении установления отношений с Советской Россией, существовавшие в германском Министерстве иностранных дел, на деятельность экономических экспертов по сбору информации относительно финансового положения Советской России. Автор делал выводы о закономерности и необходимости установления двусторонних советско-германских отношений.

Многие зарубежные авторы, также как и их российские коллеги рассматривали проблему германо-советских отношений через призму их воздействия на внешнюю и внутреннюю политику европейских государств⁵¹. В этих работах раскрывались планы, которые были у отдельных государств в отношении Советской России, а также анализировалось то, как становление и развитие советско-германских отношений в начале 1920-х гг. повлияло на внешнюю политику западных стран и пересмотр их внешнеполитических задач. В данных работах особенно подчеркивалась сложность выработки и проведения политики Италией, Польшей, странами Малой Антанты, так как с одной стороны, они стремились к проведению самостоятельной внешней политики и развитию экономических связей для выхода из кризиса, а с другой стороны испытывали давление со стороны западных держав.

Таким образом, историография представлена преимущественно отечественными, британскими, французскими, германскими, американскими работами. В них делается анализ и характеризуется становление и развитие германо-советских экономических и политических отношений, общие тенденции развития международных отношений, внешняя политика Великобритании, Франции и США в межвоенный период, влияние

⁵⁰ Cameron D.J. An Economic Bridgehead: Weimar Germany's Attempt to Mediate Between Soviet Russia and the United States// *Diplomacy and Statecraft*. 2010. V. 21. № 4. P. 614-630.

⁵¹ Becker W. The Role played by the German Embassies in Moscow and Rome in the Relations between Russia and the Vatican from 1921 to 1929 / *The Catholic Historical Review*. 2006. Vol. 92. №1. P. 25-45; Fink C. Italy and the Genoa Conference of 1922 // *The International History Review*. 1986. Vol. 8. №. 1, P. 41-55; Zygmunt J. Gąsiorowski Poland's Policy towards Soviet Russia, 1921-1922 // *The Slavonic and East European Review*. 1975. Vol. 53. №. 131. P. 230-247.

политических и дипломатических деятелей на выработку внешнеполитического курса указанных государств. Историографический обзор позволяет сделать вывод о недостаточности исследований, посвященных вопросам взаимовлияния германо-советских отношений и политики, проводимой Великобританией, Францией и США в период 1918-1926 гг.

Предметом исследования служит степень взаимовлияния и взаимозависимости германо-советских отношений в 1918-1926 гг. и дипломатии стран Запада в рамках системы международных отношений конца 10-х – середины 20-х гг. XX века.

Объектом настоящего исследования являются советско-германские отношения в период 1918-1926 гг.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с 1918 г. по 1926 г. Выбор периодизации обусловлен важными этапами германо-советских отношений. Подписание в марте 1918 г. Брестского мирного договора задало вектор для будущего развития отношений между Германией и Советской Россией, а также оказало влияние на позицию стран Антанты по отношению к советско-германскому взаимодействию. Несмотря на противоречивость Брест-Литовского соглашения и сложность практической реализации его положений, серия последовавших за ним соглашений между Германией и Советской Россией стали важнейшими факторами, которые оказывали влияние на развитие ситуации на завершающем этапе Первой мировой войны, а также при оформлении послевоенного устройства Европы. Верхняя граница определена 1926 г., когда подписание Берлинского договора о ненападении и нейтралитете еще раз подкрепило стремление Германии и Советской России к укреплению двусторонних связей независимо от позиции стран Запада и попыток Лиги Наций влиять на внешнюю политику и принятие решений обоими государствами.

Цель исследования – проанализировать процесс становления германо-советских отношений в 1918-1926 гг. в контексте европейской политики западных держав.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать ситуацию, сложившуюся в Германии, Советской России и в странах Запада после окончания Первой мировой войны с целью выявления факторов, которые способствовали сближению и установлению экономических и политических отношений между Германией и Советской Россией;
- раскрыть различные точки зрения, существовавшие в Советской России и Германии на необходимость налаживания двусторонних политических и экономических отношений;
- проследить основные этапы становления германо-советских отношений и проанализировать основные соглашения между двумя странами;
- определить степень влияния внешнеполитических стратегий западных держав на развитие германо-советских отношений;
- изучить воздействие германо-советских экономических и политических отношений на международную обстановку и внешнюю политику западных государств.

Методологическая основа исследования. Проблема германо-советских отношений и политики стран Запада находится на междисциплинарном пересечении. При ее изучении затрагиваются проблемы отечественной и западной истории, истории дипломатии, вопросы международных отношений. Исходя из этого, методологическую основу исследования составили принципы, применяемые в исторических исследованиях: историзма, объективности, всесторонности рассмотрения субъекта, а также исторические методы: историко-генетический, позволивший проследить динамику становления германо-советских отношений и изменения позиций западных стран, изучить причинно-

следственные связи в развитии дипломатических отношений в 1918-1926 г., а также историко-сравнительный, который дал возможность сравнить позиции западных держав по отношению к становлению германо-советских отношений. Принцип системности предполагает, что развитие системы международных отношений находится в тесной взаимосвязи с внутренней эволюцией государств, ее составляющих. При этом внешняя политика государств, несмотря на все разногласия, существовавшие у политических элит, рассматривается как целостное явление. В качестве теоретического инструмента можно также использовать положение о том, что государства как субъекты международных отношений обладают объективными интересами, которые включают стратегические, политические, экономические и идеологические составляющие.

Характеристика источников. Источниковую базу исследования составил широкий круг опубликованных и архивных материалов, которые можно разделить на следующие группы:

1. Неопубликованные документы, которые содержатся в архивах города Москвы, прежде всего в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Важное значение имеют документы фонда 082 АВП РФ – реферантура по Германии, фонд 04 – фонд Г.В. Чичерина. Отдельно стоит отметить документы из РГАЭ: фонд 2305 – Коллекция документов по подготовке к Генуэзской конференции, фонд 413 – Министерство внешней торговли СССР, фонд 3104 – русско-германское торговое акционерное общество «Русгеторг» и его контора и отделения. Архивные документы разнообразны по содержанию: ноты и отчеты послов, переписка между ведомствами, протоколы заседаний комиссий, проекты соглашений и договоров, записи бесед дипломатических работников с представителями германского правительства, общественности, журналистами. Также в архивах представлены обзоры германской прессы, письма между наркомом иностранных дел и представителями Советского государства в Германии.

2. Для анализа внешней политики отдельных государств большое значение имеют опубликованные дипломатические документы:

- сборник «Документы внешней политики СССР»⁵² - документы, опубликованные МИД СССР в 1957-1967 гг. в. Сборник располагает целым рядом документов деловой переписке наркомата иностранных дел с посольствами, представительствами и представителями за рубежом (телеграммы, письма, инструкции), а также содержит тексты сообщений, депеш, писем, меморандумов западных государств в адрес Советской России.
- «Документы по британской внешней политике 1919-1939 годов»⁵³ под редакцией Е.Л. Вудворда и Р. Батлера, в котором содержится большое количество документов британского Форин Офиса, стенографические отчеты заседаний на международных конференциях.
- «Французские дипломатические документы»⁵⁴ за 1920-е гг., опубликованные в 1997-2010 гг., которые представляют богатый материал (договоры, протоколы заседаний, стенографические отчеты, записи бесед, донесения из различных стран, обзоры прессы).
- «Документы по внешней политике США»⁵⁵ - многотомная публикация дипломатических документов США, которая позволяет выявить позицию США в отношении международных событий и отдельных государств.
- Большой интерес представляют также публикации дипломатических документов в серии «Документы германской внешней политики 1918 – 1945 гг.». К веймарскому периоду относятся документы серии “А” – 1918 – 1925 гг. и серии “Б” – 1925 – 1933 гг.⁵⁶.

⁵² Документы внешней политики СССР. Т.1-9. М., 1957-1964.

⁵³ Documents on British Foreign policy, 1919-1939. Ser. 1, Vol. 1-18. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1947-1972.

⁵⁴ Documents diplomatiques français. P., 1997-2005.

⁵⁵ Papers relating to the foreign relations of the United States. Washington, 1918-1926.

⁵⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918 – 1945 (ADAP). Serie A: 1918 - 1925. 14 Bd. – Göttingen, 1982 – 1995, Serie B: 1925 – 1933. 21 Bd –Göttingen, 1966- 1983.

- Необходимо отметить отечественные и зарубежные издания и публикации договоров, дипломатических документов, переписки⁵⁷. Большое значение имеют стенограммы⁵⁸, которые позволяют взглянуть на процесс ведения переговоров, происходивший в ходе международных конференций.

3. Источники личного происхождения, в первую очередь мемуары политических и дипломатических деятелей начала XX века: премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа⁵⁹, посла Великобритании в Берлине Д'Абернона⁶⁰, советского дипломата, полпреда РСФСР в Германии А.А.Иоффе⁶¹, участников Генуэзской конференции Н.Н.Любимова и А.Н.Эрлиха⁶², советского дипломата И.М.Майского⁶³ и др., которые позволяют воссоздать картину происходивших событий и выявить те мнения о развитии внешней политики государств, которые были в руководстве стран. Суждения и оценки авторов в то же время отражают их личную точку зрения, обладают субъективизмом, поэтому, используя этот тип источников, диссертант учитывала то, что к ним следует относиться критически. Для изучения советско-германских отношений использовались опубликованные дневники британского посла в Германии Эдгара Винсента д'Абернона⁶⁴. Автор фиксировал все, что ему удавалось узнать о налаживании германо-советского партнерства, а также мнения относительно этого партнерства в политических кругах Германии и Великобритании. Полезный для изучения германо-советских отношений материал представлен в мемуарах Герберта фон Дирксена⁶⁵, даются личные оценки автора событиям, происходившим на

⁵⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973; Т. 1; Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, Ч. III, вып. I, М., 1928; Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961; Documents of Soviet-American relations. Edited by Harold J. Goldberg Gulf Breeze, Fla., Vol.1., 1993–2006.

⁵⁸ Documents on British Foreign Policy. Vol.19, L., 1980; Материалы Генуэзской конференции. (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.). М., 1922.

⁵⁹ Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. М.;Л., 1924.

⁶⁰ D'Abernon E. An Ambassador of Peace. Lord D'Abernon's Diary. L., 1929-1930. Vol. 1-3.

⁶¹ Иоффе А. А. От Генуи до Гааги. М., 1923.

⁶² Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М, 1963.

⁶³ Майский И.М. Путешествие в прошлое. М., 1960.

⁶⁴ D'Abernon E. Op.cit.

⁶⁵ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001.

Генуэзской конференции, а также мнение о заключенном Рапалльском договоре. Интересной является позиция Г. фон Дирксена о том, что подписание Рапалльского соглашения стало неожиданностью для внешнеполитического ведомства Германии. Необходимо также отметить публицистические работы, в частности труды В.И.Ленина⁶⁶, наркома иностранных дел Г.В.Чичерина⁶⁷, советского дипломата, участника Генуэзской конференции Б.Е.Штейна⁶⁸, которые позволяют оценить взгляды руководства страной на проводимую политику, понять причины принятия тех или иных политических и дипломатических решений.

4. Для анализа общественного мнения широко использовался такой вид источников, как пресса. В диссертации были использованы статьи, опубликованные в советских газетах и журналах: «Правда», «Международная жизнь», «Бюллетень НКВД», «Известия»; в германской печати: «Berliner Tageblatt», «Die Frankfurter Zeitung», «Deutsche Allgemeine Zeitung», «Fossische Zeitung», «Der Tag» и др.; в британских средствах массовой информации: «The Times», «Daily Chronicle» и др.; в американской печати: «New York Tribune», «New York Herald», «Washington Post». Важное значение имеют статьи, опубликованные в прессе Советской России и западных государств в 1920-х гг. В них проводится анализ советско-германских отношений, оцениваются первые результаты развития двусторонних связей, а также делаются прогнозы относительно перспектив влияния взаимодействия на Европу⁶⁹.

Научная новизна диссертации заключается в проведении комплексного и системного анализа проблематики развития советско-германских отношений в 1918-1926 гг. и изучения реакции стран Запада на растущее укрепление политических, экономических и военных контактов между двумя странами в

⁶⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44-54. М., 1975.

⁶⁷ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

⁶⁸ Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М., 1922.; Штейн Б. Е. Гаагская конференция. М., 1922.

⁶⁹ The foreign policy of Little Entente // Advocate of Peace through Justice. 1927. Vol. 89. №. 9/10. P.549-557; David Lloyd-George The Genoa conference and the Britain's part // Advocate of Peace through Justice. 1922. Vol. 84, №. 4. P. 131-137; Dennis Alfred L. P. The Genoa Conference // The North American Review. 1922. Vol. 215. №. 796. P. 289-299.

этот период. На основе междисциплинарного подхода и существующей историографической базы с привлечением широкого спектра исторических источников и их подробного анализа более детально рассмотрению были подвержены недостаточно освещенные в отечественной исторической науке оценки, данные западными дипломатами, наиболее существенным событиям в истории становления советско-германских контактов в послевоенный период – Рапалльскому (1922 г.), Московскому (1925 г.) и Берлинскому (1926 г.) договорам. В ходе настоящего исследования на основе изучения дипломатических аспектов, личностного фактора, сопоставления различных точек зрения были расширены и дополнены знания по подготовке советского и германского дипломатических ведомств к проведению Генуэзской конференции (1922). Даны авторские оценки спорным трактовкам результатов сближения Советской России и Германии в этот период. Исследование архивных материалов, государственных актов, отображавших официальную позицию правительства и богатого эпистолярного наследия современников, позволило реконструировать события, изложенные в диссертационной работе, и проследить характерные закономерности и определенную специфику установления советско-германских отношений в 1918-1926 гг.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблемы международных отношений в Европе в межвоенный период, так как содержат обширные сведения по экономической, дипломатической, политической деятельности государств. Результаты исследования могут найти применение в учебном процессе при разработке соответствующих тем и курсов, как по международным отношениям межвоенного периода, так и по двусторонним германо-советским отношениям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Октябрьская революция 1917 г. в России и сепаратное окончание Первой мировой войны привели к исключению Германии и Советской

России из европейской политики. Подобная ситуация не могла устраивать оба государства, что приводило к постоянным попыткам выхода из международной изоляции и поиска партнеров. Так как страны Антанты, прежде всего Великобритания и Франция стремились к экономической эксплуатации Германии и Советской России, то закономерным было стремление этих государств к налаживанию двусторонних связей в экономической и политической областях.

2. Среди западных держав (Великобритания и Франция) не было единого мнения по дальнейшему устройству послевоенного порядка, что приводило к многочисленным разногласиям, а отказ США от участия в европейских конференциях и их попытки навязывать свою позицию, используя другие государства только усугубляли эти противоречия. Кроме того, во всех государствах большое влияние на политическое руководство оказывали финансовые круги, вследствие чего невозможно было выработать единую линию политики в отношении германо-советского взаимодействия. И Германия, и советское государство старались использовать данные разногласия в своих интересах, добиваясь собственных экономических и политических целей.

3. На протяжении 1918-1926 гг. развитие советско-германских отношений сталкивалось со множеством проблем, вызванных как колебаниями внутренней и внешней политики самих государств, так и изменениями международной обстановки. В данный период двустороннее взаимодействие оценивалось как взаимовыгодное и развивалось по нарастающей.

4. Фактором установления и развития политических взаимоотношений между Германией и Советской Россией была экономическая заинтересованность государств, о чем свидетельствует привлечение большого числа экономистов и финансистов для ведения переговоров, анализа текущей ситуации и разработки рекомендаций для внешнеполитических ведомств двух стран.

5. Установленный западными державами Версальский миропорядок практически с самого начала не соответствовал интересам многих государств. Подписание Рапалльского договора 1922 г. и начавшееся на его основе сотрудничество Германии и Советской России практически выводило оба государства из-под политического давления Великобритании, Франции и США, что делало необходимым изменение позиции стран Антанты и приспособление их политики к новым условиям.

6. Установление и эволюция отношений между Германией и Советской Россией оказало как положительное, так и отрицательное воздействие на международное положение этих государств, так как стало основанием для недоверия со стороны западных держав. Особые опасения вызывала возможность складывания германо-советского союза, которую видели в расширении экономического и политического сотрудничества, а также взаимодействия в военно-технической сфере.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на девять параграфов, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Апробация результатов. Основные положения диссертации изложены автором в 20 публикациях, из них 6 в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертационных исследований. Материалы диссертации были представлены автором на Всероссийских научно-практических конференциях: «Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства» (Рязань, 2015); «Внешнеполитические интересы России: история и современность» (Самара, 2023); «Новейшие исследования в области истории и педагогики» (Орел, 2023), X Бартеневские чтения «Власть и народ: проблемы взаимодействия (IX - начало XXI вв.)» (Липецк, 2023).

Глава 1. Внешняя политика Советской России и Германии на завершающем этапе Первой мировой войны и по ее окончании.

1.1. Экономическая и политическая обстановка в Советской России и странах Запада на завершающем этапе и по окончании Первой мировой войны.

С самого начала своего существования советское государство столкнулось с большим количеством не только внутренних, но и внешнеполитических проблем. Задачи стабилизации экономической и политической обстановки внутри страны требовали нормализации отношений со странами Запада, поиска партнеров для экономического развития. При этом западные державы не были склонны признавать Советскую Россию. Установление отношений ставилось в зависимость от решения целого ряда экономических проблем, вызванных приходом к власти правительства большевиков и принятыми ими постановлениями, декларировавшими отказ от долгов царского и Временного правительств, национализацию собственности, в том числе и принадлежавшую иностранным инвесторам и т.д. Исходя из этого, первоочередной задачей внешней политики советского государства в начале 1920-х гг. стала борьба за выход из международной изоляции, отстаивание экономических и политических интересов перед единым фронтом стран Антанты, разработка основ для дальнейшего урегулирования отношений со странами Запада и привлечения их к экономическому восстановлению Советской России.

Участие России в Первой мировой войне, революция, интервенция и гражданская война серьезно повлияли на экономическую обстановку в стране. Ситуация осложнилась и введением странами Антанты экономической блокады осенью 1918 г. Советская Россия нуждалась в помощи, так как было невозможно решить все накопившиеся экономические проблемы самостоятельно. При этом были возникали сложности, связанные с определением внешнеполитических партнеров. С одной стороны, взаимные

обязательства и сотрудничество, возникшее в годы Первой мировой войны, толкало Россию на восприятие Великобритании и Франции в качестве основных партнеров, с другой стороны, все более очевидным было то, что содействия в экономическом восстановлении можно было ожидать только от Германии, которая еще недавно представляла угрозу для России.

С момента образования нового государства советское руководство принимало все возможные шаги для получения международного признания. Это было необходимо для того, чтобы стать полноценным участником международного сообщества и иметь возможность влиять на процесс выработки решений на международной арене. Экономическая и военная ситуация, сложившаяся на тот момент, создавали предпосылки для урегулирования и нормализации отношений между Советской Россией и европейскими, азиатскими и американскими государствами. Г.В. Чичерин настаивал на необходимости юридического признания Советской России, считая, что основой для заключения соглашений с другими странами должно явиться признание рабоче-крестьянского правительства Советской России, поскольку только такое признание могло стать юридической предпосылкой для обеспечения деловых контактов с иностранными инвесторами⁷⁰. Одним из острых вопросов для Советской России была проблема долгов.

Дореволюционные долги являлись предметом научного анализа как отечественных, так и зарубежных исследователей. В разных исследованиях приводились различные данные относительно суммы задолженностей России до прихода к власти большевиков, что связано и с разногласиями относительно состава внешнего долга и с колебаниями курса валют в период до и во время Первой мировой войны. Статистика, наиболее распространенная среди отечественных историков, была предложена в монографии П.П. Мигулина⁷¹. Иностранные экономисты также предлагали разные данные, но наибольший интерес представляют оценки американских

⁷⁰ Чичерин Г.В. Указ соч. С. 207.

⁷¹ Мигулин П.П. Указ соч.

экономистов Л. Пазвольского и Г. Моультона, труд которых был переведен на русский язык, что можно считать косвенным доказательством признания их расчетов со стороны СССР⁷² (Приложения: Таблица 1).

До начала Первой мировой войны Российская империя находилась на втором месте после Франции по размеру государственного долга, при этом общая сумма долга перед иностранными инвесторами была самой большой в мире. Участие в Первой мировой войне привело к резкому увеличению задолженностей, что было связано с тяжелым положением экономики и необходимостью обращаться к иностранным займам для преодоления внутриэкономического кризиса. Кроме того, наблюдалось падение курса рубля по отношению к доллару, что привело к еще большему итоговому значению внешнего долга при пересчете на национальную валюту. В период участия в Первой мировой войне были взяты кредиты в размере 7,7 млрд рублей⁷³. Основные задолженности были у России по отношению к Великобритании и Франции, на долю которых приходилось 80% всего внешнего долга, третьим по величине долга кредитором была Германия (7-8% общего долга).

После февральской революции 1917 г. не произошло значительных изменений по динамике и общей политике правительства в вопросе долгов. По-прежнему, для выполнения обязательств перед населением и пополнения государственного бюджета Временное правительство было вынуждено обращаться к новым кредитам от западных государств. Одной из важнейших статей расходов являлись затраты, связанные с продолжением участия в Первой мировой войне. Так, например, один из кредитов, взятых у США в размере 325 млн. долл. был необходим для оплаты военного заказа⁷⁴.

Ключевые изменения в отношении иностранных займов произошли после Октябрьской революции и декрета ВЦИК, который провозглашал, что

⁷² Пазвольский Л., Моультон Г. Указ соч.

⁷³ Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация. Российская экономика и финансы // Россия и современ. мир. 2002. № 1. С. 78-98.

⁷⁴ Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968.С. 112.

«безусловно и без всяких ограничений аннулируются все иностранные займы»⁷⁵. Данное постановление создало основу для последующего регулирования государственного долга, а также определило советскую внешнюю политику конца 1910- начала 1920- х гг. и условия экономического развития Советского государства.

После решения советской власти об отказе от выплат по задолженностям царского и Временного правительств, данный вопрос стал предметом обсуждения в англо-французских двусторонних переговорах, а также в их переговорах с другими странами. При этом французское руководство настаивало на том, что до возобновления отношений с Советским государством необходимо признание последним долгов царского правительства и гарантий их возврата или компенсации. Английское руководство было более склонно установить торговые отношения без предварительного признания условий по долгам. Советские дипломаты при этом исходили из того, что установление экономических отношений с западными странами было важнейшей задачей для внутривнешнеполитического развития. При этом советская власть допускала возможность обсуждения долговых претензий, но только в условиях развития взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Особые разногласия со странами Запада существовали в отношении компенсации убытков, которые возникли в результате национализации частной собственности и потерь инвесторов-граждан иностранных государств. В советском руководстве не существовало единого подхода к решению данной проблемы: Г.В. Чичерин считал необходимым идти на уступки, В.И. Ленин полагал, что выплату компенсаций необходимо связать с вопросом о получении кредитов и крупных займов от европейских правительств. При этом советскому руководству была очевидна необходимость привлечения иностранного капитала для полноценного

⁷⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1917-1918 гг. Ст. 353. М., 1942. С.375-376.

восстановления экономики. В ходе подготовки к Гёнуэзской конференции, проводивший экономический анализ профессор А.Н. Долгов указывал: «Срок достижения довоенной производительности русской промышленности будет всецело зависеть от того, в каких размерах, формах и в какие сроки удастся привлечь иностранный капитал в течение указанного первого этапа ее восстановления»⁷⁶.

В начале 1920-х гг. развитие общеевропейской политики во-многом зависело от того, какую позицию занимали Франция и Великобритания, сильно влиявшие на политические и экономические процессы в Европе. Их общей целью было сохранение статус-кво, при этом методы достижения цели весьма различались⁷⁷. Для Великобритании важным было создать условия для сохранения мира и стабильности на европейском континенте⁷⁸. Это гарантировало ей возможность восстановления в роли мировой державы, а также обеспечивало стабильное экономическое восстановление, поскольку сводило к минимуму опасности начала нового военного конфликта, на который необходимо было бы тратить значительные суммы. Основным фактором, определявшим политику Великобритании в этот период, несомненно, был финансовый. При этом, реализация стратегических целей требовала сохранения военной мощи. Для французского руководства необходимо было противодействовать любым попыткам агрессии со стороны Германии. Сделать это наиболее эффективно было возможно через создание системы коллективной безопасности⁷⁹. Также важным было восстановление экономики, что предполагало получение германских репараций в полном объеме и в установленные Версальским договором сроки. Таким образом, британская политика была направлена на экономическое восстановление, подкрепляемое колониальной и международной стабильностью, в то время,

⁷⁶ РГАЭ. Ф. 2305. Оп.1. Д. 1194. Л. 48.

⁷⁷ Orde A. Great Britain and international security, 1920-1926. L.: 1978. P. 2.

⁷⁸ Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939. Cambridge, 2006. P.5.

⁷⁹ Jacobson J. Strategies of French foreign policy after World War I // The Journal of modern history. 1983. №1. P. 79.

как политика Франции была нацелена на Европу и на предотвращение германской гегемонии и ревизионизма.

Мирные соглашения 1919-1920-ых гг. стали попыткой решить проблемы, ставшие причиной Первой мировой войны. С самого начала было понятно, что эти соглашения не удовлетворяли требованиям и интересам государств и населения. Во время Парижской мирной конференции 1919 г. Д. Ллойд Джордж придерживался позиции, согласно которой излишнее экономическое давление и ограничение Германии может стать основой для нестабильной внутривластной обстановки и привести к революционным потрясениям и даже приходу к власти большевиков: «Мы толкаем Германию в объятия большевизма. Кроме того, чтобы она могла заплатить то, чего мы хотим и чего требует справедливость, необходимо, чтобы она заняла на рынке еще более значительное место, чем то, какое она занимала до войны»⁸⁰.

Фактор «большевистской опасности» использовался властями Германии как во внутренних, так и во внешнеполитических целях. Прежде всего, Германия использовала угрозу революции для того, чтобы надавить на страны Антанты в преддверии, а затем и в ходе Версальской мирной конференции. Однако ставка на запугивание, тем более предложения о совместных действиях с Антантой против Советской России, не нашли отклика у союзных держав и не привели к улучшению взаимопонимания между Берлином и западными державами.

Тем не менее, на Парижской конференции был выработан план, который впоследствии был включен в Версальский договор. Статья 231 Версальского договора гласила: «Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением

⁸⁰ Тардьё А. Мир. М., 1943. С.258.

Германии и ее союзников»⁸¹. Данное положение означало признание Германией вины за начало Первой мировой войны. Кроме того, Версальский мирный договор создавал существенные ограничения для развития экономической, политической и военной сфер Германии, значительно уменьшал ее возможности по использованию природных ресурсов, а также лишал колониальных владений.

Для Германии подписанный Версальский договор привел к значительным территориальным потерям, которые были переданы соседним государствам, в том числе Франции, Бельгии, Польше и др. Серьезный удар был нанесен по экономике вследствие потери Саарского угольного бассейна, отторгнутого в пользу Франции, потери всех колоний и сфер влияния⁸². Немаловажным был удар по международному авторитету, нанесенный условиями, связанными с разоружением, потерей флота, ограничением численности армии⁸³.

Германия потеряла экономически важные регионы; промышленность также пострадала в годы войны; на страну были наложены репарации, кроме того Германия была признана разжигателем войны. Важным оказалось и то, что население перестало доверять правительству, авторитет власти упал. Все эти факторы вызывали экономический и социальный дисбаланс в стране, который привел к безработице, инфляции и снижению уровня жизни населения. Промышленное производство резко сократилось, составляя половину того уровня, которого оно достигло в предвоенный период. Сельское хозяйство также находилось в кризисном состоянии, что привело к необходимости закупки продуктов питания за рубежом. Общее тяжелое положение экономики сказывалось на ценах, рост которых в 40 раз за 1920-1922 гг. приводил к снижению уровня жизни населения, обесцениванию

⁸¹ Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина. М., 1925. С. 84

⁸² Там же, с. 16-54.

⁸³ История дипломатии. Т.3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической. М., 1965.С. 161-164.

заработной платы, пенсий и пособий⁸⁴. В Германии безработица составляла вплоть до 1922 г. около 3% рабочей силы, в 1923 г. она поднялась до 10%, а в 1924 г. – до 13,5%. В Великобритании она была на уровне 10% в 1924 г, во Франции и в Италии она установилась на таком же уровне⁸⁵. Не менее серьезным для европейских стран был и вопрос инфляции.

Важным фактором стало признание ответственности за начало войны, что воспринималось как унижение и оскорбление. Д. Ллойд Джордж приводил следующее описание для того, чтобы сравнить образ Германии в пред и послевоенный периоды: «...с ее августейшим главой, облаченным почти самодержавной властью, и с населением, стремившимся гигантскими шагами к процветанию и богатству; империю, обладавшую несравненной армией, чья поступь ужасала Европу; флотом, заставлявшим опасаться вторжения в Англию, и обширными владениями за морем. Теперь вместо самоуверенной, могущественной и дерзкой империи он увидел бы робкую, пугливую и вечно извиняющуюся республику...»⁸⁶.

Одним из острых вопросов для Германии стала проблемы репараций. Начальная сумма была установлена в размере 226 млрд. золотых марок, но в результате длительных дискуссий между странами Антанты произошло уменьшение до 132 млрд. золотых марок с условием выплаты в течение 37 лет⁸⁷. В правящих кругах Германии возникали разногласия по поводу необходимости выполнения условий Версальского договора в области выплаты репараций. Сторонники принятия Версальского договора предполагали, что для уменьшения общей суммы необходимо проводить переговоры отдельные с союзниками, идя на уступки и торгуясь. Представителем данной линии был Й. Вирт, предложивший и проводивший в жизнь, так называемую, «политику выполнения». Она была направлена на создание условий для сохранения потенциала германской экономики,

⁸⁴ Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике: Учебное пособие. Иваново, 1990. С.18.

⁸⁵ Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918-1999 гг.). В 2-х томах. Т. 1. М., 2003. С. 55

⁸⁶ Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. М.; Л., 1924.С. 111.

⁸⁷ История дипломатии. Т.3. С. 215-217.

предоставления социальных гарантий населению, что обеспечивало политическую стабильность, а также создавало условия для сохранения территориальной целостности Германии и сводило к минимуму риски военного вторжения на территории Германии со стороны стран Антанты. С другой стороны, выплата репараций происходила во многом за счет налогов, что вызывало недовольство народных масс и приносило значительный вред политической стабильности в государстве.

Совершенно противоположной позиции придерживались представители бизнеса, прежде всего отраслей тяжелой промышленности и крупные банкиры. Так, Г. Стиннес, придерживался мнения о необходимости прямого отказа от выполнения условий Версальского договора⁸⁸. Подобное открытое противостояние с западными державами, отказ от выплаты репараций могло привести к немедленной оккупации территории Германии союзникам, следствием чего стало бы открытое выступление народных масс, стачки и бунты. Для подавления недовольства со стороны народа возникла бы необходимость прибегнуть к военной диктатуре и восстановлению монархии.

Обе позиции, – политика выполнения и угроза революции, – вели к единой цели – ослаблению и последующей ликвидации Версальского договора. Эта же цель диктовала отношение Германии с соседним странам, поскольку Австрия Чехословакия, Польша и другие государства находились под сильным влиянием со стороны западных союзников, прежде всего Франции. При этом Франция заняла жесткую позицию в отношении репараций и требовала их неукоснительной выплаты, угрожая военным вторжением. Ослабление позиций Германии на Балканах не давало возможность оказывать влияние на государства Южной Европы, а страны Северной Европы были отделены от Германии Польшей, Финляндией и прибалтийскими странами, которые находились под сильным влиянием со стороны Франции и согласовывали с ней свою внешнюю политику. После

⁸⁸ Норден А. Уроки германской истории. М., 1948. С. 72.

окончания Первой мировой войны Германия возобновила дипломатические отношения со всеми государствами, однако ее положение в политическом плане было близко к изоляции. Германия не имела союзников, которые могли бы поддержать ее, при этом находясь в окружении недружественных стран. В определенном смысле Германия испытывала изоляцию и в экономическом плане, поскольку не имела возможностей торговать на мировых рынках, была ограничена тяжелыми условиями Версальского договора. В такой трудной внутренней и международной обстановке Германия пыталась использовать в своих интересах разногласия западных держав.

Проведение политики выполнения, а также утверждение новой схемы выплаты репараций позволили в мае 1921 г. начать обсуждение с Францией пересмотр репарационных выплат. Английское руководство обращало внимание на слабый уровень экономики Германии, что ставило под сомнение ее платежеспособность. В данных дискуссиях проявились различия в целях и задачах Великобритании и Франции. Если для Великобритании важным было восстановление европейской экономики, а вопрос репарационных выплат стоял на втором месте, то французское руководство было в первую очередь заинтересованно в получении репараций от Германии, которые были основой для восстановления хозяйства, пострадавшего в период военных действий. Английское руководство оспаривало необходимость выплат Германией репараций любой ценой для внутривнутриполитического и внутриэкономического положения страны, что создавало основу для сближения Великобритании и Германии в обсуждениях данного вопроса с Францией⁸⁹.

Английское министерство финансов считало необходимым объединить вопросы о моратории на репарации и русском долге в единую проблему. Это соответствовало позиции Д. Ллойд Джорджа, который считал необходимым рассматривать восстановление Европы комплексно, что предполагало объединения в единый блок проблем, требующих решения, а именно вопроса о репарациях, долгов стран Антанты друг другу, восстановление российской

⁸⁹ Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. P. 107.

экономики и хозяйств государств Восточной Европы. Советский исследователь И.М. Лемин возлагал именно на Д. Ллойд Джорджа ответственность за неадекватное восприятие обстановки, сложившейся в Европе после окончания Первой мировой войны. По его мнению, английское руководство видело для себя важнейшей угрозой вероятное распространение революционных идей, опиралось на необходимость противодействовать усилению Франции на европейском континенте и при этом недооценивало перспективы агрессии со стороны Германии в случае и при условии ее экономического восстановления⁹⁰.

После окончания Первой мировой войны одним из острых вопросов международных отношений стал «русский вопрос»: предпринять ли в широком масштабе интервенцию против России, или избрать путь соглашения с Россией. Внутри английского кабинета, среди правящих классов Великобритании и среди союзников существовали разногласия по этой проблеме.

По вопросу отношения к Франции и Германии в политических кругах Великобритании не было единого мнения. Существовало антигерманское профранцузское направление, чьи сторонники боялись усиления Германии и превращения ее в соперника Великобритании и настаивали на полной поддержке политики Франции. Британский политик О. Чемберлен, являясь представителем этого направления, настаивал на необходимости соблюдения Версальского мира и участия Великобритании в его сохранении⁹¹. Существовало также антифранцузское направление, характерное в основном для лейбористов и либералов. Сторонники этого направления выдвигали программы частичного пересмотра Версальского мира и противодействия осуществлению французских планов в Европе. Наиболее влиятельным было третье направление, которое выдвигало программу лавирования, сохранения «свободы рук», установления некоего «равновесия сил» в Европе.

⁹⁰ Лемин И.М. Указ соч. С. 70.

⁹¹ Fritz S.E. Lloyd George and peacemaking, 1918-1922. Thesis. Kentucky, 1972. P.108-109.

Великобритания должна оказывать ограниченную поддержку Германии, противопоставляя ее Франции, и в то же время не порывать с Францией, давая ей гарантии против германского реванша⁹². К этому направлению примыкали влиятельные круги консервативной партии, и оно, в конечном счете, определило внешнеполитический курс британской дипломатии. Традиционный принцип «равновесия сил» оказывал большое влияние на английскую политику. При этом большое внимание уделялось возможной угрозе французской гегемонии в Европе, что привело к обострению англо-французских отношений. Кроме того, перед Великобританией встали вопросы предотвращения новой германской агрессии и борьбы против Советской России и народных движений в Европе. При этом между державами-победительницами начали проявляться противоречия при определении судьбы Германии и послевоенного устройства мира. Одновременно с этим Франция стремилась укрепить свою экономическую базу в Европе и ослабить экономическую мощь Германии. Великобритания, руководствуясь политикой «равновесия сил», стремилась не допустить усиления Франции и чрезмерного ослабления позиций Германии в Европе. Лорд д'Абернон в связи с этим придерживался позиции, что для достижения задач английской внешне политики в центральной Европе необходимо сохранить Германию как единое государство, не допустить ее раздробления. В случае распада Германии он видел опасность в усилении Франции, ее гегемонии в Европе, который будет достигнут за счет усиления военной мощи и создания союза с другими европейскими государствами. При этом он утверждал, что положение Франции и ее задачи после Первой мировой войны в европейской политике было схоже Германии до начала войны. В случае усиления Франции он предполагал ухудшение англо-французских отношений, которое было вызвано давними разногласиями государств: «Кто предполагает, что Франция, господствуя на континенте, как Наполеон после

⁹² Ibid. P. 124-125.

Тильзита, останется другом Англии, – тот плохо разбирается в национальной психологии»⁹³.

В результате подписания Версальского договора Германия оказалась за пределами экономической жизни Европы, что не давало ей возможность успешно восстанавливать хозяйство. Вместе с тем, обязательства по репарационным выплатам, требовали от страны возобновления старых и установление новых торговых контактов. Будучи исключенной из политической жизни Европы, Германия искала новых союзников, одним из которых могло стать молодое советское государство.

Условия Версальского договора вызывали недовольство не только проигравших, но и победивших в Первой мировой войне стран. США считали Версальский договор нарушением 14 пунктов Вильсона и отказались подписать его. Из-за противоречий с Великобританией Франция была неспособна достичь своих экономических и военных целей в Германии. Германия была ослаблена, но не до такой степени, чтобы сделать невозможным восстановление своей военной мощи. Среди побежденных государств также были Австрия, Венгрия и Турция, которые потеряли значительные территории. Германия, с другой стороны, надеясь на 14 пунктов Вильсона, ожидала менее жесткого урегулирования, но не получила его. Многие германские политики преувеличивали несправедливость Версаля, подготавливая тем самым почву для поддержки националистических настроений и осуществления переворота.

Напряженным было и внутреннее положение в Великобритании после Первой мировой войны. Потери империи составляли 946 тыс. убитыми и 2 млн. 122 тыс. ранеными, на Великобританию приходилось 743,7 тыс. убитыми и 1 млн. 963 тыс. ранеными. Резко ухудшился внешнеторговый баланс. Конкуренты Великобритании, в первую очередь США, не участвовавшие в войне или соблюдавшие нейтралитет, использовали сложившуюся обстановку для того, чтобы вытеснить ее с мировых рынков. В

⁹³ D'Abernon E. Op.cit. Vol. 2. P.238-239.

Центральной и Южной Америке усилились позиции американского капитала, в Китае и на Дальнем Востоке все большую роль играла Япония.

Во время Первой мировой войны Великобритания была финансовым центром Антанты. Предоставление многим странам-союзникам кредитов, а также мобилизация собственной экономики для ведения военных действий привели к увеличению внешнего долга. До войны страна также была мировым кредитором, после войны внешний долг превысил 1200 млн. ф. ст. Если до войны США были должником Великобритании, то во время войны Великобритания была вынуждена распродать американские ценные бумаги, превратившись в должника США. Английский долг Америке составлял 3,7 млрд. долл. Тем не менее, Великобритания выступала в качестве заимодавца по отношению к большинству европейских стран.

Общая сумма межсоюзнических долгов достигла 4000 млн. фунтов стерлингов, при этом США были единственной страной, которая была кредитором, Великобритания предоставила кредитов на сумму в два раза больше той, которую она взяла в долг, в то время как Франция наоборот получила втрое больше, чем дала в долг (Приложения: Таблица 2).

Проблема межсоюзнических долгов была тесно связана с вопросом выплаты Германией репараций. Германия стремилась уменьшить сумму репараций. Уже в 1921 г. на совещании в Спа было достигнуто соглашение о следующем распределении германских платежей: Франции – 52%, Великобритании – 22%, Италии – 10%, Бельгии – 8%. В конце апреля 1921 г. была установлена и общая сумма репарационных платежей – помимо пошлины в 26% на германский экспорт в течение последующих 42 лет, Германия должна была выплатить репарации деньгами на сумму 132 млрд. золотых марок. К этому добавлялись 5,5 млрд. военного долга Бельгии и вычитались 11 млрд. государственного имущества Германии, оставленного на утраченных территориях⁹⁴. В январе 1922 г. Германии удалось получить временный мораторий на платежи. Дальнейший вопрос о приостановке или

⁹⁴ Ди Нольфо Э. Указ соч. Т. 1. С. 58.

списании репараций наталкивался именно на проблему долгов союзников Соединенным Штатам, особенно после того, как США ввели норматив, категорически запрещающий снижение сумм, которые должны были поступать от союзников. Таким образом, существовала прямая зависимость между двумя аспектами экономического положения Европы – чем труднее странам Антанты было получить репарации с Германии, тем острее перед ними вставал вопрос об оплате собственных задолженностей.

Французское руководство полагало, что репарации, возложенные на Германию, должны были не только способствовать восстановлению пострадавших государств, но и ослаблять германскую экономику, что обеспечивало безопасность Европы. Английское руководство видело основной задачей восстановление европейской экономики за счет увеличения торгового оборота между странами, в том числе и включение в экономические связи Германии, что предполагало уменьшение репарационного давления. Позиция Великобритании была основана, прежде всего, на потребностях собственной промышленности, которая была ориентирована на выпуск и сбыт продукции на европейских рынках. Восстановление торговых связей в Европе было невозможным без участия Германии. Таким образом, проявлялись различные внешнеполитические позиции со стороны Великобритании и Франции, заинтересованной в ограничении промышленного развития и экономического возрождения Германии путем давления и жесткого ограничения.

Противоречия Версальской системы были очевидны с самого начала ее формирования. В своей книге, «После войн и революций» Д.Ю. Далин (меньшевик, находившийся в эмиграции), анализируя сложившийся миропорядок, обращал внимание на его нестабильность и потенциальную угрозу нового конфликта в ближайшем будущем: «Кто поверит тому, кто станет объяснять, что они самые близорукие из всех дипломатов последних столетий; что гордое здание нарисованной в Версале Европы держится на

глиняных ногах; и что оно рухнет неизбежно еще тогда, когда очень многие из его творцов не успеют уйти от политики в домашний покой»⁹⁵.

При этом он с самого начала предполагал, что развитие отношений между Германией, Советской Россией и странами запада может развиваться разными способами, но наиболее вероятной является ситуация, когда произойдет советско-германское сближение. Д.Ю. Далин полагал, что между Германией и Советской России вполне может сложиться союз, поскольку оба государства связаны «общностью интересов во множестве международных вопросов», чем сближение России со странами Антанты⁹⁶.

Можно заключить, что послевоенное устройство не отвечало интересам не только побежденных, но и победивших стран. Среди государств Антанты не было единого понимания будущего Европы и согласованности по восстановлению европейской экономики. Противоречия, существовавшие в политической сфере, прежде всего, между Францией и Великобританией, а в экономической – между Великобританией и США, мешали полному урегулированию послевоенной жизни.

Кроме того, и перед победителями, и перед побежденными встала задача переустройства внутренних и международной систем. Экономическое положение европейских государств значительно ухудшилось после войны, произошли изменения, связанные с увеличением выпуска военной продукции, что вызывало недовольство населения и становилось поводом для политической нестабильности.

Великобритания в отличие от стран европейского континента меньше всех испытала сложности, связанные с разрушением хозяйства. В связи с этим она выступала в качестве кредитора для других союзников. При этом задолженности европейских государств друг другу сопровождалась и долгами по отношению к США. Таким образом, после окончания Первой мировой войны вопрос возврата долгов стоял остро и был для многих стран

⁹⁵ Далин Д. Ю. Указ. соч. С. 265.

⁹⁶ Там же. С. 273.

связан с репарационными выплатами Германии. Однако, различия в общем уровне экономического развития, разный уровень разрушения хозяйства в годы Первой мировой войны и другие различия приводили к разногласиям среди стран Антанты по путям выхода из кризиса, что усложняло принятие совместных решений и давало возможность проигравшим странам использовать противоречия для реализации собственных интересов. Дополнительным фактором стало появление Советской России, которая рассматривалась с позиции противодействия распространению революционных идей. При этом экономическая и, в некоторой степени, политическая изоляция Германии и Советской России не давала возможность быстрого восстановления европейского континента и возвращения его к мирной жизни.

1.2. Германо-советские отношения в первые годы советской власти и политика западных держав.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции появилось новое государство – Советская Россия, которое было основано на новом политическом режиме, экономической и социальной системах. Социалистическая революция началась и осуществлялась в условиях участия страны в Первой мировой войне, что требовало от большевистской партии решения не только внутривополитических проблем, но и урегулирования вопросов международной политики. Поэтому с самого начала возникновения Советского государства перед властью возникла проблема разработки внешнеполитической стратегии и участия в международных отношениях. Уже в первых программных документах советского правительства были указаны базовые положения для проведения внешней политики, провозглашались интернациональные принципы равноправия народов, право самоопределения наций, политика дружбы и сотрудничества народов всех стран. Декрет о мире, принятый Вторым съездом Советов 26 октября 1917 г., осудил империалистическую войну как «величайшее преступление против человечества». Советская Россия призвала народы и правительства западных стран заключить демократический мир «без аннексий и контрибуций». Задачи дальнейшего развития государства требовали выхода из Первой мировой войны.

В начале 1918 г. в советском руководстве существовали три основные позиции по проблеме заключения мирных договоров с Германией и ее союзниками. В.И. Ленин считал Брестский мир временной уступкой, Л.Д. Троцкий выдвинул известную формулу «ни войны, ни мира», Н.И. Бухарин полагал недопустимым подписание договора, который считал предательством государства и идей революции⁹⁷.

⁹⁷ Борщукова Е. Д. Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №115. С. 16.

Изначально на переговорах в Брест-Литовске российская делегация делала ставку не на скорейшее подписание мирного договора, а на затягивание переговоров. Тем не менее, довольно скоро такая тактика показала свою несостоятельность и 18 февраля 1918 г. на заседании ЦК РСДРП Г.Е. Зиновьев признал, что удобный момент для заключения договора был упущен, и его необходимо было подписать еще в ноябре. Причиной такой ошибки он считал «стачки в Вене и Берлине», которые были восприняты советским руководством как начало революции в Германии⁹⁸.

В итоге решающей стала точка зрения В.И. Ленина. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключен мирный договор с Четверным союзом, который имел тяжелые последствия для Советской России. От нее были отрезаны Литва, Латвия, Эстония, Украина и часть Белоруссии. К Турции отходили области Карса, Ардагана, Батуми. Общая площадь отторгаемых территорий составляла примерно 1 млн. кв. км с населением почти в 50 млн. человек. Это были в основном экономически развитые районы России, где было сосредоточено производство металла и угледобывающая промышленность, находилось большое количество текстильных фабрик и сахарных заводов. Условия договора обязывали Советскую Россию демобилизовать армию и флот. Тем не менее, договор имел и позитивное значение, так как в сложной международной ситуации советскому правительству удалось обеспечить жизненные интересы страны и отстоять само существование социалистической республики.

Отношение к Брест-Литовскому миру в Советской России было неоднозначно. Кадеты считали, что большевики не обладали достаточными полномочиями для подписания подобного соглашения, а, следовательно, Россия сохраняла свои союзнические обязательства по отношению к Великобритании и Франции. С другими политическими партиями также возникал целый ряд разногласий по поводу Брест-Литовского договора, что привело к открытому противостоянию. Американский исследователь А.

⁹⁸ Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б): Август 1917-1918. М., 1958. Т. VIII. С.203.

Рабинович, анализируя внутривосточную обстановку после подписания сепаратного договора, обращали внимание на то, что со второй половины марта 1918 г. значительно ухудшились отношения между большевиками и левыми эсерами. Большинство руководящего состава левых эсеров были не согласны с подписанием Брестского мира, вслед за чем внутривосточные разногласия только усугублялись: «С апреля до конца июня отношения лидеров двух партий неуклонно ухудшались из-за продолжавшихся уступок Германии со стороны большевиков, а также из-за разных аспектов внутренней политики»⁹⁹.

Д.Г. Фокке, непосредственный участник Брест-Литовских переговоров, высказывал позицию, что в период проведения переговоров участники советской делегации исходили из объективных оценок уровня советско-германских отношений, и намерений Германии: «Нам в Бресте было совершенно очевидно, что... кошка – Германия будет играть с зарвавшейся мышью – Смольным, имея за собой все преимущества и военной силы, и дипломатических способностей»¹⁰⁰.

Брест-Литовское соглашение стало первым шагом советско-германского взаимодействия, оно стало одним из первых внешнеполитических актов нового правительства в России. Несмотря на то, что заключение соглашения было продиктовано для Советской России внутривосточной ситуацией, сложившейся в ноябре 1917- ноября 1918 гг., оно заложило основу для развития германо-советских отношений на последующий период. Брест-Литовский договор был выгоден для обеих стран, так как и для Германии, и для Советской России необходимо было закончить военные действия на Восточном фронте. Для В.И. Ленина мир был важен для сохранения и упрочения своей власти в стране. Для Германии также было важным сохранение у власти партии большевиков поскольку

⁹⁹ Цит. по Борщукова Е. Д. Указ. соч. С. 20.

¹⁰⁰ Фокке Д.Г. Брестский мир. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров). М., 2017. С. 96.

«Брест-Литовский мир был ратифицирован только большевиками»¹⁰¹. Перед германским руководством стояла цель достижения победы на Западе, поэтому мирное урегулирование отношений с Россией соответствовало интересам Германии.

Западные державы не признали Брест-Литовский договор, считая, что он был навязан силой. Д. Бьюкенен, посол Великобритании в России, после своего возвращения из России дал интервью журналистам, в котором подчеркивал свои симпатии русскому народу. Он говорил об истощенности русского народа, связывая это с революционными потрясениями¹⁰². Переговоры с Германией он считал нарушением соглашения союзников о недопустимости заключения сепаратного мира. Среди западных историков подобная позиция, согласно которой большевики, заключив мирное соглашение с Германией, нарушили обязательства по отношению к странам Антанты, является довольно распространенной. Последствием соглашения стало ухудшение военного положения союзников. В труде «Русская революция» Ричард Пайпс писал по этому поводу, что после отказа России от выполнения союзнических обязательств по отношению к странам Антанты, последние «понесли неисчислимы человеческие и материальные потери... Ценой огромных жертв в конце концов удалось поставить Германию на колени»¹⁰³.

Вместе с тем, дальнейшая ратификация Брестского договора во многом зависела от политики западных стран. В марте 1918 г. В.И. Ленин направил США официальную ноту, целью которой было уточнить позицию американского правительства, а также Франции и Великобритании по окончательной ратификации Брестского договора. Он также уточнял, какие действия могут предпринять союзники в случае отказа советского государства от выполнения условий договора или при нарушении условий со стороны Германии и продолжения военных действий. В.И. Ленина

¹⁰¹ Baumgart W. Op. cit. S. 386.

¹⁰² Борщукова Е. Д. Указ. соч. С.17-18.

¹⁰³ Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. Ч.2. Л.; М., 1994. С.352.

интересовала как общая возможность получения поддержки от союзников, так и условия и объема получения помощи¹⁰⁴.

В этот же период времени специальный уполномоченный английского военного кабинета Р.Х. Брюс Локкарт направил в Лондон телеграмму о необходимости признать Советское правительство, в которой указывал: «Если правительство Его Величества не хочет немецкого господства в России, я просто умоляю вас не упускать этой возможности...»¹⁰⁵

Ни со стороны США, ни со стороны Великобритании не последовало реакции на ноту В.И. Ленина и телеграмму Р.Х. Локкарта, и 15 марта 1918 г. IV Всероссийским Съездом Советов Брест-Литовский договор был ратифицирован.

Анализируя политику западных государств в данный период времени и отсутствие ответа на запросы советской стороны, американский историк и дипломат Дж.Ф. Кеннан приходил к мнению, что основной причиной подобной реакции было то, что в западных странах существовали разногласия в оценках перспектив взаимодействия с правительством большевиков, а также стороны, которую западные государства должны занять в Гражданской войны¹⁰⁶. Для французского руководства наиболее важной внешнеполитической задачей было противодействие германской агрессии, в связи с чем оно было готово вступить в союз с советским государством для продолжения войны. В свою очередь Великобритания и США считали более важным поддержать антибольшевистские силы, видя в них перспективных союзников, заявивших после революции о верности обязательствам перед странами Антанты¹⁰⁷.

Вопреки условиям Брестского мира, Германия продолжала наступление, продвигаясь в восточном направлении, кроме того 6 июля 1918 г. в Москве был убит немецкий посол В. фон Мирбах. Однако, это не привело

¹⁰⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.С. 208.

¹⁰⁵ Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 35–36.

¹⁰⁶ Kennan G. F. Op.cit. P. 43.

¹⁰⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.С. 208.

к разрыву советско-германских отношений, что свидетельствует о двусторонней заинтересованности государств к сохранению юридически мирных отношений.

15-16 марта 1918 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров и министров иностранных дела Франции, Великобритании и Италии, на которой была принята резолюция о непризнании Брестского договора, после чего страны Антанты начали активную интервенцию. США также проводили политику, направленную против сотрудничества с Советской Россией, о чем свидетельствует отзыв американского посла Робинса – наиболее активного сторонника сотрудничества с Россией.

В этот период времени в США, Великобритании, Франции необходимо было сделать выбор между двумя основными стратегиями – соглашение с большевиками и совместные действия против Германии или противостояние Советскому правительству. Событием, которое, во-многом, повлияло, на окончательное решение, стало восстание Чехословацкого корпуса. В момент восстания Вильгельм II отдал приказ о приостановке военных действий, что позволило советскому правительству перебросить войска от Петрограда для подавления восстания¹⁰⁸.

В августе барон К. фон Ботмер, представлявший при немецкой дипломатической миссии Верховное главнокомандование, записал в своем дневнике, что большевистское правительство рассматривало вопрос о союзе с Германией против Антанты, однако пойти на официальное объявление войны Великобритании и Франции не решилось из-за опасности того, что это не найдет поддержки у народа¹⁰⁹.

В указанный период военные Германии и Советской России предприняли шаги для разработки совместных военных операций против войск Антанты, развернувших интервенцию на территории России. Н.Е.

¹⁰⁸ Случ С.З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Россия и Германия в годы войны и мира (1941-1995): Сб. ст. М., 1995. С.31.

¹⁰⁹ Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1997. С. 120.

Быстрова полагает, что данные намерения были весьма серьезны, о чем «свидетельствует факт проведения в конце августа совещания представителей немецкого и советского высшего военного руководства по согласованию деталей предполагаемых совместных действий против англичан»¹¹⁰. Реализации подобных планов помешало поражение войск Германии в начале августа 1918 г., в результате чего государств прекратили дальнейшее обсуждение совместных планов.

Дальнейшему развитию германо-советских отношений способствовал ряд факторов. Государства были взаимно заинтересованы друг в друге. Для России, которая испытывала значительные экономические сложности после окончания Первой мировой и гражданской войн, необходимым было привлечение иностранных инвестиций, поиск торговых партнеров, которые могли бы поставлять промышленные товары. Кроме того, Советская Россия потеряла значительные человеческие ресурсы, испытывала нехватку в высококвалифицированных специалистах. Все это могла предоставить Германия, которая в свою очередь находилась в состоянии потери традиционных рынков сбыта и торговых партнеров. Взаимные геополитические и военно-стратегические интересы также играли важную роль в создании благоприятных условия для сотрудничества. Германию окружали враждебно настроенные государства – страны Антанты и кольцо подконтрольных им малых государств (Польша, Чехословакия, Австрия и т.д.). Стремясь к восстановлению баланса сил, Германия видела в России естественный противовес. Кроме того, германская экономика, сохранившая свои ресурсы и мощь, стремилась найти новые рынки сбыта для своей продукции. На мировых рынках Германия сталкивалась с конкуренцией со стороны США и Великобритании, в то время как рынок восточных соседей, в том числе и российский, был заинтересован в немецких товарах и капиталовложениях. До Первой мировой войны Россия и Германия являлись

¹¹⁰ Быстрова Н.Е. Из истории дипломатических отношений Советской России, 1917-1918 годы // Российская история. 2012. №5. С.136.

торговыми партнерами. Германия вывозила 9,7% своего экспорта в Россию. В немецком импорте доля России составляла 13,6%¹¹¹. Средний годовой торговый оборот Германии и России до Первой мировой войны составлял более 932 млн. руб. импорт из Германии был на сумму свыше 497 млн. руб., экспорт в Германию – свыше 435 млн. руб¹¹². Главное место в германском импорте занимали орудия производства, Россия же поставляла Германии необходимое сырье, в частности, она покрывала почти все потребности Германии в зерне. После Первой мировой войны, Россия, несмотря на тяжелое экономическое положение, продолжала представлять значительный интерес для Германии. Этому способствовало близкое географическое положение обеих стран, хорошее знание немецкими фирмами русского рынка, его возможностей и потребностей.

6 апреля 1918 г. первым послом России в Германии был назначен А.А. Иоффе, известный германской стороне еще по заключению договора в Брест-Литовске. В этот период Советская Россия находилась в политической изоляции, бывшие союзники не признали новое правительство, а Германия, с которой формально были установлены отношения, сохраняла свои войска на восточном фронте. А.А. Иоффе прибыл в Берлин с посольством в 30 человек. Советское правительство сталкивалось с различными проблемами, в том числе и с подбором кадров для посольства в Берлине. Германская дипломатия включала в себя цвет аристократической элиты, в то время как с советской стороны никто, в том числе и А.А. Иоффе, не имели опыта дипломатической службы. Тем не менее, переговоры с Германией продолжались, и в апреле были открыты Генеральное консульство в Берлине, затем в октябре – Генеральное консульство в Гамбурге и консульство в Штеттине.

В начале июля 1918 г. в Берлине состоялся ряд встреч советских и германских представителей, во время которых обсуждались политические и

¹¹¹ Kuczynski J., Wittkowski G. Die Deutsch-Russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin, 1947. S.32.

¹¹² Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С.105.

экономические проблемы. Советская сторона в ходе встреч старалась заинтересовать германские деловые круги перспективой экономического сотрудничества с Советской Россией. Налаживание торгового обмена было поставлено в прямую связь с урегулированием политических взаимоотношений. В качестве условий экономического взаимодействия советская делегация требовала остановить интервенцию со стороны Германии на территории России и прекратить вмешательство во внутренние дела Советского государства.

27 августа 1918 г. в качестве дополнения к Брестскому миру было подписано советско-германское финансовое соглашение, которое возложило на Советскую Россию военные контрибуции. Германская сторона предъявила претензии в связи с аннулированием государственных займов России и национализацией капиталистической собственности, в том числе, принадлежавшей и германским капиталистам. «Россия уплатит Германии для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок»¹¹³. «Добавочный договор» и финансовое соглашение налагали на Советскую Россию новые обязательства в дополнение к тяжелым условиям Брестского мира. По мнению Г.В. Сироткина, данное соглашение было вызвано желанием кайзеровских властей сделать Россию финансовым союзником, поскольку с 1 декабря 1919 г. планировалось «начать распространение «русского займа» в Германии»¹¹⁴. А.Ю. Ватлин полагает, что в данный период обсуждения добавочного договора между Германией и Советской Россией сложились довольно тесные отношения, выходявшие за пределы экономического взаимодействия. Несмотря на то, что официальная позиция правительства состояла в непризнании военного сотрудничества и наличия соглашений в военной сфере, отдельные договоренности можно расценивать как военный союз государств: «согласно ноте в рамках новых обязательств по взаимодействию

¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 446.

¹¹⁴ Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М., 1997. С. 87.

с РККА германские войска должны были при необходимости выступить против союзной им османской армии»¹¹⁵.

Тем не менее, отношения между Советской Россией и Германией продолжали оставаться достаточно напряженными и после подписания «добавочных соглашений». Основная причина этого заключалась в том, что германские правящие круги не отказались от проведения враждебной политики в отношении Советской России. Германское правительство продолжало поддержку контрреволюционных сил, обостряло обстановку на Балтике, на Кавказе и на Украине. Осенью 1918 г. германские власти провели широкую реквизицию продовольствия, скота и имущества в оккупированных областях, что еще больше обострило отношения между Германией и Советской Россией. В ответ на действия германских властей, советское правительство приостановило дальнейшую выплату сумм, обусловленных финансовым соглашением, а также в начале ноября предприняло попытку препятствовать безвозмездному вывозу Германией нефти и нефтепродуктов из Баку, потребовав соответствующей компенсации.

Осенью 1918 г. окончательно распался Четверной союз. В этой сложной обстановке германские власти продолжали нагнетать антисоветскую политику. Еще в середине октября 1918 г. в рейхсканцелярии, министерстве внутренних дел и генштабе Германии стали разрабатывать и обсуждать планы разрыва отношений с Советской Россией. 4 ноября берлинские власти инсценировали враждебный акт в отношении советского посольства, когда один из ящиков дипломатической почты был «случайно» разбит на вокзале немецкими официальными лицами, после чего с немецкой стороны было заявлено, что из ящика будто выпали «подстрекательские листовки». На следующий день германское руководство разорвало дипломатические отношения с Советской Россией, заявило о необходимости

¹¹⁵ Ватлин А. Ю. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 218.

выезда советских представителей с территории Германии¹¹⁶. К. Радек, оказавшись в Берлине в 1918 г., был удивлен слабостью левых сил в стране, проявлением симпатии германским руководством к странам Антанты, и в особенности к США, стремлением солдат и населения не к революции, а к миру и спокойствию. Советская политика, направленная на «мировую революцию», начала показывать свою несостоятельность. Разрыв отношений с Советской Россией был призван предотвратить революцию в Германии, однако революционное движение продолжало нарастать. Кроме того, «Германия пошла на разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, надеясь, что этот антибольшевистский жест облегчит ей ведение переговоров с державами-победительницами»¹¹⁷.

Разработка политики в отношении Германии вызывала определенные сложности. Г.В. Чичерину, наркому иностранных дел, приходилось балансировать между политикой, на которой настаивал В.И. Ленин и другие лидеры большевиков, нацеленной на подготовку и осуществление революции в Германии, а, с другой стороны, не менее важной задачей было установление и укрепление деловых связей с Германией.

Советское правительство стремилось к урегулированию отношений с новым руководством Германии. 13 ноября 1918 г. ВЦИК принял постановление об аннулировании Брест-Литовского мирного договора и дополнительного соглашения к нему¹¹⁸. Таким образом, Германская революция стала одним из важнейших факторов, позволивших начать установление отношений между Советской Россией и Германией на новой основе.

В германской внешней политике особое место занимал вопрос о репарациях. С одной стороны, необходимо было добиваться пересмотра условий Версальского мира, с другой стороны, для его выполнения

¹¹⁶ Горлов С.А. Указ. соч. С. 24.

¹¹⁷ Быстрова Н.Е. Указ соч. С.137.

¹¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т.1. С. 56

требовалось восстанавливать экономику, в том числе и путем восстановления внешнеэкономических связей.

Большинство германских политиков в качестве основных партнеров видели западные страны, в первую очередь Великобританию и США. Особенно настойчиво эту позицию отстаивали М.Ю. Бонн, Т. Вольф, Г. Герлах, В. Ратенау, К. Петерсен, К. Симмонс, Я. Шахт и др. Незначительная часть НДП склонялась к союзу с Францией, отдельные представители НДП называли Россию в качестве возможного партнера¹¹⁹. В.Ратенау считал, что важнейшей задачей для Германии было скорейшее решение репарационной проблемы, что могло быть достигнуто за счет «игры на противоречиях» между Великобританией и Францией, а также обращением за помощью к США. Только с оглядкой на репарационный вопрос можно было строить отношения с Советской Россией. Однако, постепенно фокус внешней политики Германии начал смещаться в сторону выстраивания отношений с Советской Россией, что требовало разработки новых методов и подходов.

В феврале 1919 г. министр иностранных дел У. Брокдорф-Ранцау заявил на 7-й сессии Национального собрания Германии: «Что касается Германии, я не вижу возражений против того, чтобы... стремиться к взаимопониманию с Россией»¹²⁰. Являясь активным сторонником восстановления отношений между Германией и Советской Россией, У. Брокдорф-Ранцау видел опасность в проникновении союзников на российский рынок. Он обращал внимание на то, что изменение отношений Советской России с другими государствами требует от Германии незамедлительных действий, поскольку промедление может привести только к ухудшению условий установления советско-германских экономических и

¹¹⁹ Ткачев С.М. Германский либерализм и проблема преодоления международной изоляции: советско-германские отношения в 1919-1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №34. С. 108.

¹²⁰ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. М., 1971. С. 68.

политических отношений: «В первую очередь экономическая деятельность Антанты в России может заставить нас действовать быстро»¹²¹.

В марте 1919 г. представитель германских деловых кругов, банкир Б. Дербург писал по поводу сближения с Россией в «Берлинер тагеблат»: «... если Запад не даст Германии шансов на эффективное решение экономических проблем, мы должны будем направить свой взгляд на восток и там найти понимание наших жизненных неурядиц»¹²². Политические круги Германии также обсуждали перспективы восстановления экономических отношений с Советской Россией. В большинстве случаев подобные заявления имели своей целью оказать влияние на страны Запада для того, чтобы вынудить их смягчить для Германии условия Версальского договора.

Советское руководство, в свою очередь, предпринимало попытки нормализовать отношения с Германией, понимая, что это может способствовать мирному существованию немецкой и русской наций, подчеркивая желание установления экономических отношений, «но, к сожалению, все наши шаги не увенчиваются успехом, и до сих пор германское правительство не может выйти из той крайней пассивности, вследствие которой оно даже не отвечает на наши попытки завязать с ним выгодные для обеих сторон экономические отношения»¹²³.

Английские правящие круги внимательно следили за развитием экономических отношений между Германией и Советской Россией. В июле 1919 г. в Форин Офисе высказывалась позиция, согласно которой, Великобритания проиграла в торговом соперничестве относительно российских рынков Германии, поскольку вторая уже начала устанавливать отношения с Россией, а также обладала привлекательной системой долгосрочных кредитов, которые позволяли ей получать контракты на поставки товаров в советское государство. В связи с этим представитель русского департамента Форин Офиса Селби делал вывод о том, что Германия

¹²¹ ADAP. Ser. A. B. II. Göttingen, 1984. S. 111.

¹²² Berliner Tageblatt. 23.03.1919.

¹²³ Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 650.

имела определенные преимущества перед Великобританией по развитию торговли с Советской Россией: «пока наше казначейство и банки будут придерживаться консервативных методов в вопросах установления торговли с иностранными государствами, я не вижу возможные преимущества в конкуренции с Германией»¹²⁴. К осени 1919 г. начинали высказываться позиции относительно возможности использования Германии для скрытого проникновения в экономику России: «Если английские капиталисты получат контроль над германскими фабриками сейчас, то в последующие месяцы они будут продавать все то, что производят эти фабрики, и затем будут готовы занять российский рынок через немецкие фабрики. Иными словами, они зайдут в Россию через Германию»¹²⁵.

Тенденции к экономическому сотрудничеству Германии и Советской России не оставались без внимания и со стороны французского руководства. Французские представители обращали внимание на последствия Первой мировой войны и тяжелое экономическое положение обеих стран как на важнейшее основание для налаживания отношений¹²⁶. Французские дипломаты начинали высказывать позиции о возможном сотрудничестве с Германией в вопросах экономического восстановления России, в том числе и потому, что это дало бы Франции возможность оказывать давление на Германию¹²⁷.

Во время советско-польской войны 1919-1920 гг. Германия заняла выжидательную позицию. Ее решения могли серьезно повлиять на исход войны, поскольку маршруты Антанты для поставок польским частям пролегли через ее территории. Кроме того, несмотря на ограничения, установленные Версальским договором, Германия обладала значительной военной мощью, что могло стать фактором оказания давления на Польшу. При этом начальник управления сухопутными войсками германской армии

¹²⁴ Documents on British foreign Policy. 1919-1939 / edited by E.L. Woodward. Ser. 1. Vol.VI. L., 1956. P. 127.

¹²⁵ Ibid. P. 295.

¹²⁶ Joeres N. Der Architekt von Rapallo: der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Heidelberg, 2006. S.108.

¹²⁷ Ibid. S. 157.

Х. Сект считал недопустимым участие Германии в военном столкновении с Россией на стороне стран Антанты, так как это делало Германию подчиненной Великобритании и означало полную потерю самостоятельности во внешней политике¹²⁸. При этом он полагал, что сотрудничество с Россией давало возможность Германии усилить свои позиции в Европе и мире, так как другие государства будут вынуждены принимать в расчет Советскую Россию и возможный германо-советский союз.

По сообщениям британской дипломатии, Германия рассматривала советско-польский конфликт с позиции тех преимуществ, которые она могла получить для себя. В связи с советско-польским конфликтом и успехами в нем советской стороны в Великобритании начинали высказываться опасения о возможном захвате Польши, утверждении в ней советской власти. Это грозило возможной революцией в Германии. В случае установления прокоммунистического режима в Германии возникала угроза формирования советско-германского союза, что виделось английскими политиками как наихудший вариант, грозивший дестабилизацией в Европе, поскольку «...самая большая опасность, с которой мы сталкиваемся – это улучшение отношения и даже возможно союз между Германией и Советской Россией»¹²⁹.

Развитие советско-польской войны также являлось предметом пристального внимания со стороны США, поскольку могло оказать влияние на проведение политики в отношении Германии. В августе 1920 г. американский представитель в Германии обращал внимание на то, что разнообразные силы в Германии, начиная от социалистов до профсоюзных организаций, прилагали усилия для того, чтобы не допустить участие Германии в советско-польском конфликте. Предполагалось, что в случае принятия германским правительством положительного решения по вопросу пропуска войск и грузов через свою территорию для поставок Польше, это

¹²⁸ Горлов С.А. Указ. соч. С. 35-36.

¹²⁹ Documents on British foreign Policy. 1919-1939. Ser.1. Vol. X. L., 1960. P. 276.

может привести к обострению внутривосточного положения, началу забастовок, разрушению сети коммуникаций и даже вооруженному сопротивлению «до такой степени, что заставит Германию открыто принять сторону Советов, и тогда Европа опять будет в огне»¹³⁰. В США считали, что одним из факторов, который мог сказаться на германо-советских отношениях, могла стать политика Франции, в связи с чем французскому руководству следовало выступить с публичным заявлением о том, что позиция Франции в отношении Германии не претерпела изменений в связи с осложнением обстановки в соседних государствах «и что Франция готова занять либеральную позицию в отношении условий договора и согласиться на окончательную и разумную сумму репарационных выплат»¹³¹.

Еще до начала вооруженного противостояния советский представитель в Германии В.Л. Копп провел встречу с советником МИД Германии У.фон Мальцаном, в ходе которой попытался выяснить отношение германского руководства к возможному конфликту между РСФСР и Польшей. Германия приняла решение не поддерживать Польшу, но и не препятствовала провозу через свою территорию снаряжений для армии Ю. Пилсудского. В своем выступлении перед Рейхстагом В. Симонс объяснил позицию Германии в советско-польской войне: «В войне между Россией и Польшей мы хотели бы придерживаться нейтралитета, но мирный договор делает эту позицию для нас сложной»¹³². Для Германии одинаковую опасность представляла как антинемецкая позиция Антанты, так и угроза интервенции со стороны большевистской России. В свою очередь В.Л. Копп предпринимал попытки убедить германское руководство в том, что политика России была нацелена на то, чтобы установить «с германским народом более тесные экономические, политические и культурные связи»¹³³. Успехи Красной Армии, убеждения В.Л. Коппа и новые антинемецкие действия Антанты

¹³⁰ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. II. Washington, 1936. P. 847.

¹³¹ Ibid. P. 977.

¹³² Ibid. P. 282.

¹³³ Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва-Берлин, 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999. С. 28.

заставили руководство Германии внести некоторые изменения в свою политику по отношению к РСФСР. Весной-летом 1920 г. германские военные были всерьез обеспокоены советско-польской войной и неверно оценили возможные ее итоги. В период, когда Красная Армия перешла в наступление и вела военные действия на территории Польши, министр иностранных дел В. Симонс обратился к Г.В. Чичерину с предложением обсуждения соглашения, которое незамедлительно восстанавливало бы германо-советские отношения. Советское руководство не откликнулось на данное предложение, поскольку позиция В.И. Ленина состояла в стремлении «штыками прощупать – не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше»¹³⁴. Кроме того В.И. Ленин считал необходимым прощупать и революционные настроения в Германии, полагая что «в международном отношении другой силы для Германии, кроме как Советская Россия, нет»¹³⁵. Несмотря на все сложности 7 июля 1920 г. было заключено советско-германское соглашение, по которому советский представитель в Берлине В.Л. Копп и германский в Москве Г. Хильгер получили некоторые права дипломатов. Советско-германские переговоры также касались обсуждения нового устройства Восточной Европы после победы РСФСР в советско-польской войне. Таким образом, удалось достичь определенного сдвига в сторону нормализации советско-германских отношений.

В августе 1920 г. произошел спад набиравших динамику советско-германских отношений. В письме Г.В. Чичерину В.Л.Копп резюмировал, что германо-советские отношения находились в состоянии «охлаждения», которое было вызвано тем, что первоначальные ожидания Германии на продвижение Красной Армии вглубь территории Польши не оправдались, кроме того «сказалась лихорадочная работа Англии и Франции, стремящихся всеми силами оттащить Германию от мерещившегося им союза с Советской

¹³⁴ Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП (б) на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г.// Исторический архив. 1992. №1. С.16.

¹³⁵ Там же. С.19.

Россией». При этом он высказывал надежду на то, что «охлаждение это не будет ни достаточно глубоким, ни слишком продолжительным»¹³⁶.

Примечательным является то, что Л.Б. Красин в своем письме А.М. Лежаве связывал данное охлаждение в советско-германских отношениях не столько с объективными факторами внутренней и внешней политики Германии и давления на нее со стороны союзных государств, сколько с личностью В.Л. Коппа, который, по его мнению, гораздо лучше говорил о своей деятельности, чем на деле работал: «Я Коппа знаю с 1905 года и в общем был о нем также благоприятного мнения до весны этого года. Во-первых, у Коппа, по-видимому, несколько закружилась голова и он, что называется, начал зазнаваться»¹³⁷. Он обращал внимание на то, что позиция В.Л. Коппа находилась под сильным влиянием разнообразных лиц, личные качества и предпринятые ранее действия вызывали сомнения в честности.

Несмотря на антисоветскую пропаганду, население Германии требовало от правительства прекращения недружелюбной политики в отношении Советской России. За нормализацию отношений между Германией и Россией высказывались: Восточно-Европейский экономический Союз, который объединил более 500 владельцев промышленных и коммерческих фирм, Восточная Ассоциация экспорта-импорта, Немецкая компания «Гермес», «Рубен и Билефельд», «Отто Вольфа» и другие. В феврале 1920 г. руководители «Всеобщей компании электричества» (АЭГ) Вальтер Ратенау и Феликс Дейч характеризовали вопрос об укреплении советско-германских отношений как жизненно важный для экономического и политического будущего Германии. В.Ратенау и Ф.Дейч подчеркивали, что в случае, если Германия упустит возможности по политическому и экономическому урегулированию отношений со странами Восточной Европы, то она «станет колонией европейских государств Антанты, станет для них объектом эксплуатации, а если понадобится, то и поставщиком

¹³⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 328. Л.2.

¹³⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1396. Л. 19.

наемников, которым придется сражаться во славу Антанты»¹³⁸. Позицию экономических кругов Германии понимали в правящих кругах Германии, отмечая, что произошедшие изменения связаны как с постепенным пониманием того, «что не стоит ожидать падения большевистского режима и страх того, что если Германия установит дипломатические отношения с Россией слишком поздно, то Англия и другие страны ее опередят»¹³⁹. В ноябре 1920 г. с целью активизации торговых отношений между Германией и Советской Россией был создан экономический союз. Кроме того, отдельные компании, например «Торговый дом Вагнера и Фюртера» занимались изучением перспектив развития торговли, для чего в советское государство были направлены специалисты. Результаты подобных поездок становились предметом внимания со стороны германского руководства. Так, отчет работы специалистов был направлен в Рейхстаг. В нем содержались выводы о взаимной выгоде от развития двусторонних советско-германских торговых отношений. Эксперты полагали, что развитие экономических связей не только поспособствует экономическому развитию стран, но и даст им возможность преодолеть негативные стороны экономической изоляции.

В интервью газете «Известия» Г.В. Чичерин сообщал, что дальнейшее восстановление германо-советских экономических отношений было связано с урегулированием спорных вопросов по поводу возмещения убытков «причиненных немецкому имуществу в России царским военным законодательством и социальным законодательством Октябрьской революции»¹⁴⁰, а с другой стороны, задачами восстановления экономик государств после Первой мировой войны.

После того, как в советском руководстве утвердилась позиция о сложности реализации мировой революции, что приводит к утверждению принципа мирного сосуществования, возникла задача восстановления

¹³⁸ Из истории советско-германских экономических отношений. Документы из германских архивов // «Международная жизнь». 1957. №1. С.184.

¹³⁹ ADAP. Ser. A. B. III. Göttingen, 1985. S. 64.

¹⁴⁰ Чичерин Г.В. Указ соч. С. 47.

экономических и политических отношений со странами Запада. Одновременно с этим предпринимались шаги для поддержки революционных движений в западных государствах, что влияло на выработку внешнеполитических решений, а также создавало сложности в установлении контактов с другими государствами. На противоречие советской внешней политики и содержащиеся в ней противопоставленные друг другу цели обращали внимание не только отечественные, но и зарубежные исследователи. Так, Дж. Якобсон, справедливо отмечал, что недостижимой была единая стратегия, так как «не было найдено единого пути, чтобы участвовать в международных отношениях с капиталистическими странами и при этом уничтожить капиталистический строй»¹⁴¹.

Одним из сторонников нормализации отношений с Советской Россией стал экономический эксперт МИД Германии К. Граап. Он считал, что более тесные отношения с Германией и развитие торговли, подтолкнув России к смягчению режима. С точки зрения К. Граапа восстановление экономических отношений отвечало потребностям и Германии и России, но осложнялось политическими трудностями. К. Граап обращал внимание на схожесть экономических проблем Германии и России, что создавало основу для долгосрочного взаимодействия. Германской промышленности требовались природные ресурсы, которыми располагала Советская Россия. При этом Германия могла предложить высококвалифицированные кадры и технологии, в которых советская страна испытывала нехватку. На основании данных положений К. Граап рекомендовал установление более тесных связей между странами, для чего в первую очередь необходимо было изучить экономические возможности Советской России, чтобы в последующем направить усилия на предоставление помощи в восстановлении хозяйства. Он полагал, что вслед за экономическим восстановлением может произойти смена политического режима и руководства. В связи с этим необходимо

¹⁴¹ Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley, 1993. P.142.

было способствовать экономическому развитию советского государства, что предполагало отказ от проводимой политики изоляции, которая, по его мнению, не ускоряла, а тормозила возврат страны к капитализму¹⁴².

В сентябре 1920 г. еще один специалист по Советской России М. Шлезингер в своем отчете дал подробное описание экономической обстановки в Советской России. Несмотря на то, что доклад касался экономического положения, в нем содержались и выводы об утверждении большевистского правительства и стабилизации политической обстановки в стране. При этом М. Шлезингер прогнозировал изменения экономической политики, в связи с чем давал рекомендации по выработке конкретных шагов, нацеленных на установление торговых отношений и обсуждение дальнейших перспектив расширения экономических связей государств. За установление и развитие советско-германских отношений высказывался и экс-министр иностранных дел У. Брокдорф-Ранцау¹⁴³. По его мнению, несмотря на заявления советского руководства о неизменности политического курса, переход к НЭПу демонстрировал отказ от идеи мировой революции, переход к эволюционному пути развития, в связи с чем подвергались корректировке как задачи внутренней, так и внешней политики.

Важным фактором, который влиял на германо-советские отношения, несомненно, была политика западных стран. Правящие круги Великобритании надеялись на реставрацию в Советской России капитализма. После провала интервенции Великобритания взяла курс на установление торговых отношений с советским государством. Начатые в конце мая 1920 г. в Лондоне переговоры были прерваны в связи с советско-польской войной, но затем вновь продолжены в октябре 1920 г. Осенью 1920 г. Советская

¹⁴² Cameron D. J. Carl Graap and the Formation of Weimar Foreign Policy Toward Soviet Russia from 1919 until Rapallo // *Diplomacy & Statecraft*. 2002. V. 13. №. 4. P. 75-95.

¹⁴³ Клышевич М.А. Эксперты Министерства иностранных дел Германии о перспективах установления отношений с Советской Россией (1919-1922 годы) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов. 2013. № 8. Ч. 2. С. 83.

Россия начала вести переговоры об установлении торговых отношений с Италией, Францией и другими странами. В английских правящих кругах возникло опасение опоздать и упустить свою долю в торговле с РСФСР. Экономическое положение Великобритании в этот период было довольно трудным. Возникла недостаточность рынков сбыта для английской продукции, а русский рынок давал возможность найти выход из надвигавшегося экономического кризиса, Россия имела также большое значение как поставщик зерна.

Английские капиталисты также надеялись, что восстановление торговых отношений приведет к признанию советским правительством царских долгов и восстановлению или возмещению национализированной собственности иностранных владельцев. Вклады Великобритании и Франции в российскую экономику были примерно одинаковыми, при этом значительную долю английских инвестиций составляли военные займы, в то время как у Франции превалировали довоенные вложения (Приложения: Таблица 3). Это привело в дальнейшем к разнице в подходах двух стран к решению долгового вопроса.

На сложность позиции Великобритании и Франции, существование в них противоречий и возможность использования этих разногласия для улучшения отношений с одним из государств указывал Г.В. Чичерин в письме от 12 апреля 1920 г. В.И. Ленину. По его мнению, «щель в Антанте превращается в борьбу между двумя мировыми политиками 1) финансово-коммерческой и 2) политически-территориальной, причем Франция настолько зависима от Англии экономически, что будет принуждена уступить ей или же независимо от Англии искать путь сближения с Германией и Россией»¹⁴⁴.

После того, как советское правительство аннулировало иностранные займы, Великобритания и Франция заключили соглашение о непризнании этого постановления. Для французского правительства вопрос о признании

¹⁴⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 52. П. 340. Д.55231. Л. 100.

долгов был важнейшим для признания большевистского правительства. Вместе с тем, в начале 1920 г. Франция отмечала стремление Великобритании к улаживанию отношений с Советским правительством, отмечая, что Великобритания оказывала влияние не только с целью урегулирования экономических разногласий, но и «с целью установления окончательного мира с большевиками»¹⁴⁵.

25 ноября 1920 г. А. Бриан обратился к английскому правительству с нотой, в которой упоминал о необходимости тесного сотрудничества в «русском вопросе». Еще в июле 1920 г. состоялась международная конференция, в которой приняли участие страны, предоставлявшие займы России. В ходе нее государства достигли договоренности о том, что в переговорах с Советской Россией необходимо совместно отстаивать интересы кредиторов. Французское руководство основывалось на нескольких важных положениях. Во-первых, необходимо было при проведении переговоров с Советской Россией исходить из общих интересов Великобритании и Франции, что означало в случае достижения соглашений, одинаковые условия для этих государств и требовало предварительного согласования позиций. Получение задолженностей советской страны предлагалось посредством международной организации, созданной для этой цели. Идея А. Бриана не нашла поддержки со стороны английского премьер-министра. В целом он положительно относился к перспективам обсуждения с Францией проблемы русского долга, однако считал важным урегулирование данного вопроса в формате двусторонних соглашений, условия которых для разных стран могут различаться. Кроме того, Д. Ллойд Джордж настаивал на том, что допустимым являлось восстановление торговых отношений до урегулирования проблемы долгов. В период проведения переговоров с Великобританией по вопросам заключения торгового соглашения, Л.Б. Красин указывал на англо-французские договоренности по русскому вопросу, отмечая неготовность французов идти на уступки: «Мне лично

¹⁴⁵ Documents diplomatiques français, 1920. T. I. P. 157.

думается, что неуступчивость Англии объясняется, главным образом, французским давлением. Для французов же главнейший вопрос – вопрос о государственных долгах»¹⁴⁶. Неуступчивость Франции в отношении долгов была вызвана более высокими суммами довоенных задолженностей, а также меньшей заинтересованностью в ведении торговли с Советской Россией: «В вопросе проведения переговоров по восстановлению торговли с Россией необходимо обратить внимание на различия между нашей и английской позициями. Они, имея требований частных лиц только на 3 млрд. франков, вполне могут пожертвовать прошлым в интересах будущего и не требовать от советского правительства признания этого долга, с тем, чтобы в качестве компенсации получить выгодные концессии»¹⁴⁷.

В формировании внешней политики Великобритании появилась новая позиция, основанная на существовании революционного государства на восточных границах Европы. Советская Россия была основана на принципе свержения международной капиталистической системы, центром которой являлась Британия и ее колонии, и на отрицании установившихся дипломатических правил, что осложняло для западных государств установление мира. В июле 1920 г. в «Ивнинг Ньюз» появилась статья В. Черчилля, который оценивал возможные варианты развития Европы, делая основной акцент на политике Германии, считая, что расширение германо-советских отношений приведет не только к революционным потрясениям в самой Германии, но и может «распространить хаос по всему континенту». Вместе с тем, он считал, что если Германия сможет удержаться от развития отношений с Советской Россией, то это даст возможность «построить дамбу мирной, законной, терпеливой силы против потока красного варварства, текущего с Востока...»¹⁴⁸

Установление коммунистического правительства в России создавало определенные трудности, которые оказывали влияние на стратегию

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп.2. Д. 1396. Л. 19-20.

¹⁴⁷ Documents diplomatiques français, 1920. T. I. P. 456-457.

¹⁴⁸ Documents on foreign British Policy 1919-1939. Ser. 1. Vol.VIII. P. 742.

выработки политических решений в Великобритании. В отношении Советской России в британской политике существовали две основные проблемы: географическая и идеологическая¹⁴⁹. Советская Россия и Великобритания являлись двумя государствами, которые могли препятствовать установлению гегемонии в Европе двумя континентальными державами (Германией и Францией). Конфликт или противостояние между Германией и Францией могли в значительной степени повлиять на стабильность в Европе. При этом в 1920-х гг. ни Германия, ни Советская Россия не были достаточно сильны, чтобы проводить агрессивную политику против своих соседей. Однако фактор отношений Советской России с Германией не мог не влиять на ту политику, которую проводила Великобритания, чем пыталась пользоваться советская дипломатия. Л.Б. Красин неоднократно предлагал прибегать к запугиванию англичан сближением с Советской Россией с целью получения от них экономических выгод: «поставить ультиматум Англии: либо немедленное возобновление торговых сношений и в первую очередь снятие золотой блокады или вся наша делегация из Англии уезжает, и мы базируемся на Скандинавии и Германии, не упуская, конечно, из виду Америки»¹⁵⁰.

Позиции Франции и Великобритании по проблеме политики в отношении Советской России в этот период значительно различались, что было внутривластной нестабильностью в первые годы советской власти, а также призывами большевиков к мировой революции. Для британских и французских аналитиков Советская Россия в 1920-е гг. была сложным и меняющимся предметом исследования. Она превращалась из разрушенной страны со слабой армией и революционными идеями в государство с восстановленной экономикой, стремящееся к проведению разносторонней внешней политики и начинающее кампанию по созданию военной

¹⁴⁹ Cabel P.M. Op.cit. P.39-40.

¹⁵⁰ РГАЭ. Ф. 413. Оп.2. Д. 1396. Л.12.

экономики. Эти преобразования вызывали у Лондона и Парижа сложности в анализе и проведении политики в отношении Советской России.

В 1920 г. в англо-французских переговорах начал обсуждаться вопрос о мерах, препятствующих установлению германо-советских торговых отношений. Французские дипломаты начинали высказывать позицию, согласно которой «Если Париж и Лондон хотят предотвратить германо-русский союз, то позитивные шаги со стороны Франции и Великобритании хотя бы в сторону демократической Германии необходимы как можно скорее»¹⁵¹. Несмотря на общность цели, уже в этих обсуждениях проявилась разница в позиции двух стран. Для Франции наибольшее беспокойство вызывали перспективы увеличения поставок промышленного оборудования из Германии в Россию, что могло привести к взаимодействию в военно-технической области. Французское руководство полагало, что для Германии важным было не только захватить советский рынок для получения прибыли, сколько «оказывать влияние на ее вооруженные силы, которые могли бы после восстановления порядка в России оказывать Германии эффективную помощь»¹⁵². Кроме того, французское руководство полагало возможным существование германо-советского договора, заключенного еще весной 1920 г., в связи с чем позиция «французская политика должна была сосредоточиться на строгом выполнении положений Версальского договора»¹⁵³.

В то же время в Германии был разработан проект консорциума. Его основные положения предполагали, что европейские страны при участии Германии предложат помощь России для восстановления экономики, Россия будет приобретать промышленные товары, в том числе и германских фирм и оплачивать их золотом. Вырученные средства Германия сможет перенаправить на репарационные выплаты, что будет выгодным как для нее, так и для страны Антанты. Поскольку проект связывал восстановление

¹⁵¹ Joeres N. Op. cit. S. 155.

¹⁵² Documents diplomatiques français. 1920. T. III. P. 535.

¹⁵³ Joeres N. Op. cit. S.178.

отношений с Россией с проблемой репараций, то он был представлен на обсуждение на конференции в Спа в июле 1920 г. В качестве стран-участниц консорциума В. Ратенау видел Великобританию, Францию, Италию и Бельгию. Идея совместного ведения бизнеса в России рядом европейских стран не раз выдвигалась в англо-германских переговорах. Позже в переговорах с Д. Ллойд Джорджем В. Ратенау доказывал преимущества от совместной эксплуатации России только для промышленности европейских стран и США. Результатом подобной политики могло стать создание международного синдиката, что привело бы восстановлению российской экономики. Однако, западные державы не поддержали идею В. Ратенау. Великобритания допускала возможность создания консорциума, но без участия США, в то время как Франция была категорически против самой идеи по его созданию¹⁵⁴.

Д. Ллойд Джордж придерживался позиции постепенного включения Германии в русло европейской политики с целью недопущения складывания союза между Германией и Советской Россией. Его также беспокоили перспективы сближения Германии и России и, по его мнению, «если когда-нибудь Россия получит общую границу с Германией, то эти два государства могут бросить вызов блокаде французского и английского флотов. Германия могла бы поставлять локомотивы, в то время как Россия могла бы поставлять зерно»¹⁵⁵.

Во время переговоров с итальянским премьер министром, Д. Ллойд Джордж высказывал позицию, согласно которой основным методом недопущения советско-германского сближения должно было стать в первую очередь улучшение отношений с Германией, возвращение ее в европейскую экономику, что предполагало постепенное снижение экономического давления, в том числе и уменьшение репарационных выплат: «Немцы –

¹⁵⁴ Salzmann St. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922-1934., NY, 2003. P. 12.

¹⁵⁵ Documents on foreign British Policy 1919-1939. Ser.1. Vol.VIII. P. 743.

порядочный народ, чье настроение антибольшевистское. Но если он будет ограничен слишком сильно, то он может быть принужден к большевизму»¹⁵⁶.

США, являясь крупнейшей мировой державой, не могли оставаться в стороне от решения проблем, связанных с Советской Россией и Германией. Для американского руководства важнейшим вопросом в отношении Советской России было решение претензий по долгам между западными странами и Советской Россией, поскольку это касалось возврата долгов стран Антанты США. По отношению к Германии американское руководство считало важным урегулировать репарационные споры, а также решить проблему ее экономического восстановления.

При этом в американской прессе обращали внимание и на развитие германо-советских отношений. Проправительственная газета «Нью-Йорк Трибьюн» разместила статью, в которой отмечала возрастание стремления Германии и Советской России к обсуждению экономических проблем и поиску путей их решения. В связи с этим высказывались предположения, что дальнейшее развитие германо-советских отношений могло привести к тому, что в Европе возникнет блок государств, противостоящий англо-французскому союзу. При этом, большое значение для развития германо-советских отношений имела позиция Германии, ее ориентация ее внешней политики, «признает ли она свое поражение, будет ли она оплачивать проигранную войну (деньгами и потерей мощи) или она будет стремиться избежать этой оплаты путем поиска соглашения с большевиками»¹⁵⁷.

Представители американских деловых кругов видели возможности установления трехстороннего сотрудничества, при котором Германия могла выступать в качестве посредника для торговли между Советской Россией и США. Одним из первых подобную идею высказал К. Ферманн еще в 1918 г., видевший целый ряд не только политических трудностей для прямого взаимодействия американского бизнеса с советским государством, но и

¹⁵⁶ Ibid. P. 757

¹⁵⁷ New York Tribune. 25.01.1920.

полагавший, что в США не располагали специалистами, обладавшими знанием языка, культуры, пониманием потребностей рынка. При этом Германия, обладавшая богатым опытом сотрудничества с дореволюционной Россией, могла выступить в качестве посредника и тем самым помочь в решении данных затруднений. Деловые круги США выступали за развитие торговых отношений с Советской республикой, что подтверждается большой заинтересованностью, проявленной к открытой в мае 1919 г. в Нью-Йорке миссии Л. Мартенса¹⁵⁸. Представители многих крупных фирм обращались в советскую миссию с вопросом, какие товары и в каком объеме могут быть предметом экспорта в Россию. Однако работа миссии подвергалась противодействию со стороны американского правительства. Власти США отказывались не только от признания советского правительства, но и от установления торговых связей до тех пор, пока не будет урегулирована проблемы долговых обязательств.

Л.Б. Красин полагал при этом, что позиция американского руководства была продиктована давлением со стороны Великобритании. Обращая внимание на заинтересованность со стороны деловых кругов, он высказывал надежду на то, что «рано или поздно и это препятствие будет прорвано, и нам придется ехать в Америку»¹⁵⁹.

В период окончания Первой мировой войны существовал целый ряд экономических и политических предпосылок для установления не только торговых, но и дипломатических отношений между Германией и Советской Россией. При этом, существовавшая в Германии внутривнутриполитическая обстановка и взятый советским руководством курс на распространение революционных идей создавали сложности для налаживания политических отношений. Угроза большевизации Германии, опасение складывания союза между государствами становились предметом обсуждения между западными державами. При этом выявились англо-французские разногласия в

¹⁵⁸ Трусова М.А. Позиция США в отношении германо-советского взаимодействия в 1918-1922 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2023. С. 162.

¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 413. Оп.2. Д. 1396. Л.12.

восприятию перспектив развития германо-советских отношений и их влияния на общеевропейскую политику и экономику. Французская позиция заключалась в необходимости недопущения экономического восстановления Германии и всяческого противодействия ее торговым связям с Советской Россией. Великобритания склонялась к необходимости постепенного включения и Германии, и Советской России в мировую экономику, предполагая, что излишнее ограничение может, напротив, способствовать германо-советскому сближению и создавать угрозу послевоенному устройству мира. В США в этот период времени существовало противоречие между правительственными кругами и представителями бизнеса. Первые заняли жесткую позицию непризнания большевистского правительства, в то время как вторые допускали возможность экономического взаимодействия с Советской Россией, в том числе и при посредничестве Германии.

1.3 Развитие экономических и политических отношений Германии и Советской России в 1921 году и политика стран Запада.

Уже в первые годы существования Веймарской республики, правительство пыталось восстановить сильную Германию, используя для этого антибольшевизм. Призывая бороться против большевистской угрозы, германская пропаганда работала в двух направлениях. Активно поддерживал эту мысль генерал Х. Сект, утверждая, что Германия готова противостоять большевизму не только в своих интересах, но и в интересах всего Запада. Но для этого ее необходимо обеспечить вооружением. Позднее Х. Сект говорил о нормализации отношений с Советской Россией и в то же время продолжал находиться на позиции противника большевизма.

Владельцы промышленных предприятий и тех отраслей промышленности, где не существовала необходимость получения российских ресурсов, а также землевладельцы, опасавшиеся конкуренции со стороны России на рынке зерна были противниками расширения экономических связей с Россией. Многие политики также предполагали, что основной задачей внешней политики Германии было восстановление отношений с западными державами и предполагали, что восстановление отношений с Россией обладало меньшими преимуществами¹⁶⁰. Кроме того, давление на Германию оказывали и страны Антанты, прежде всего Франция и США, которые использовали репарационный вопрос в качестве эффективного инструмента воздействия. Несмотря на все сложности, тенденции к германо-советскому сближению оставались весьма устойчивыми.

В январе 1921 г. У. фон Брокдорф-Ранцау разработал меморандум, в котором он указал основные задачи германской внешней политики. В нем он обосновал необходимость развития дружественных отношений и более тесного сближения с Советской Россией и США. Он развивал идею,

¹⁶⁰ Садовая Г.М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор. С. 36.

существовавшую еще ранее, согласно которой Германия могла выступать посредником между США и Советской Россией. С этой целью необходимо было переориентировать германскую внешнюю политику на взаимодействие с этими странами. Германия, задавленная ограничениями Версальского договора, не располагала средствами для предоставления кредита советскому государству. Однако могла способствовать восстановлению сельского хозяйства и промышленности путем направления специалистов. Он делал вывод, что «естественным является то, что Германия и ее бывшие противники должны работать вместе для возрождения России»¹⁶¹. Такая кооперация будет полезна для всех государств: России она даст экономическое восстановление, США – прибыли, Германии – рабочие места.

В этот период времени довольно активную политику по установлению торговых отношений в Советской Россией заняли правящие круги Великобритании. В конце 1920-1921 гг. европейская политика Великобритании претерпевала значительные изменения. Это было связано с рядом экономических и внешнеполитических факторов. Среди важных факторов, влиявших на политику Великобритании, были проблемы экономического характера, вызванные сложностями восстановления государства после Первой мировой войны, а также перераспределением финансовых потоков на мировом рынке в пользу США. Это приводило английское руководство к рассмотрению возможностей для восстановления европейских торговых связей. В качестве вероятного сценария изменений стала программа «европейской реконструкции», которая основывалась на необходимости возвращения Советской России и Германии в экономические отношения в Европе. Французский посол в Берлине уже в начале 1921 г. обращал внимание на взаимосвязь между советско-английскими переговорами об установлении экономических отношений и политикой Германии в отношении советского государства. Он полагал, что германские деловые круги расценивали англо-советский торговый договор как

¹⁶¹ Cameron D.J. An Economic Bridgehead. P. 615.

возможность для того, чтобы «расширить с Россией экономические отношения»¹⁶².

В 1921 г. произошел поворотный момент в послевоенных отношениях между Советской Россией и Великобританией. Подписание договора в Риге и заключение англо-советского торгового соглашения в марте 1921 г. продемонстрировали установление большевистской власти в России. Эти соглашения завершили период борьбы нового руководства за власть в стране, прежде всего со странами Антанты, а также с Польшей. Дальнейшее развитие событий показало признание Великобританией большевистского руководства правительством России, британская попытка переломить соотношение сил в стране не удалась.

6 мая 1921 г. между Германией и Советской Россией был подписан торговый договор¹⁶³. Он носил характер экономического соглашения, не содержал положений, подразумевавших налаживание политических связей. Тем не менее, он демонстрировал общий курс развития германо-советских отношений в сторону нормализации и урегулирования споров. Фактически договор подразумевал признание Германией советского правительства, поскольку торговля с Россией проводилась через представительство РСФСР.

Заключение торгового соглашения создавало основания для дальнейшего обсуждения вопросов юридического признания советского государства. Комментируя заключение договоров Советской России с Великобританией и Германией, Л.Б. Красин обращал внимание на их важное значение для развития внешней торговли¹⁶⁴. Для Германии договор также являлся важным шагом на пути выхода из международной изоляции после Первой мировой войны. Торговый договор стал основой для более детального изучения экономик государств, для чего со стороны Германии была подготовлена группа экономических экспертов для отправки в Россию.

¹⁶² Documents diplomatiques français. 1921. T. I. P. 30.

¹⁶³ Документы внешней политики СССР. Т.4. М., 1961. С. 99-105.

¹⁶⁴ Красин Л.Б. Указ соч. С. 399.

Целью их работы было рассмотрение перспектив расширения двусторонней торговли, а также анализ внутриэкономического положения.

Германская пресса с одобрением отнеслась к заключению соглашения. Орган компартии Германии «Роте Фане» оценивала его как важный и значительный успех советского правительства. «Франкфуртер Цайтунг», газета рурских промышленников писала 11 мая 1921 г. о поддержке политики Германии по улучшению отношений с Советской Россией¹⁶⁵. Газета «Дейче альгемайне цайтунг», несмотря на свою проанглийскую ориентацию, была вынуждена подчеркнуть, что советско-германское соглашение полностью отвечает интересам двух стран. Оно облегчает сбыт товаров Германии и помогает Советской России решить проблему экономического восстановления¹⁶⁶.

Работа представительств Германии в России и России в Германии в 1921 г. была, тем не менее, крайне затруднена. Немецкое посольство в Москве поначалу было вынуждено делить свое помещение с солдатами-повстанцами, которые ожидали своей репатриации в Миссии Красного Креста, освободившись от русского плена. В советском представительстве в Берлине вплоть до ратификации Рапалльского договора продолжала действовать старая Посольская церковь – центр русской белой эмиграции. При этом был нарушен принцип экстерриториальности и дипломатического иммунитета. При этом сложности возникали и с проведением переговорных процессов, поскольку отношения развивались не только посредством связей между правительствами двух стран, но и по линии Коминтерна и через переговоры с Коммунистической партией Германии: «Не всегда ясно, где располагается центр представительских интересов Советской России: в коминтерновском Берлине или в посольстве на Унтер ден Линден, у полпредов Советского государства или в центральном комитете КПГ»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Die Frankfurter Zeitung. 11.5.1921.

¹⁶⁶ Deutsche Allgemeine Zeitung. 8.5.1921.

¹⁶⁷ Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945). М., 2004. С. 317-318.

При этом, германское руководство не отказывалось от полного прекращения связей с русской эмиграцией в Германии. Немецкий представитель Г. Хильгер писал по поводу дипломатической работы в Москве: «Надо было иметь незаурядное самообладание, чтобы вести переговоры с людьми, которые буквально пытались поджечь крышу у нас над головой»¹⁶⁸.

В Германии развернулось соперничество по поводу отправки в Россию группы экспертов. Решающая роль оставалась за крупными промышленными союзами и министерством хозяйства. Для оценки общего уровня экономики Советской России эксперты составили анкету, которая предполагала десятки вопросов по различным сферам экономики.

Деловые круги Германии оказывали давление на правительство и призывали к скорейшему расширению экономического сотрудничества с Советской Россией. Общая группа экспертов примерно из десяти человек должна была разделиться на отдельные группы по 2-3 человека. Планировалось, что данные группы будут постепенно отправляться в Москву и там входить в состав германского представительства. Многие фирмы заявили о готовности выделить соответствующих лиц и оплатить расходы, связанные с поездкой. Многочисленные документы германского министерства хозяйства свидетельствуют о том, что в 1921 г. правительство было заинтересовано в скорейшем решении вопросов экономического сближения с Советской Россией¹⁶⁹.

Германские власти намеревались отправить экспертов без какой-либо огласки, так как это могло вызвать недовольство западных стран, а также эксперты не считались официальной делегацией или экономической миссией. Основными задачами экспертов было не установление деловых связей и проведение переговоров с советским руководством, а изучение и анализ состояния экономики Советской России.

¹⁶⁸ Там же. С.319.

¹⁶⁹ Ахтамзян А.А. Из истории германской политики накануне Рапалло. С. 66-67.

В качестве экспертов в Москву были направлены: бывший статс-секретарь А. Мюллер, депутат рейхстага О. Гуго, К. Ферман (от Имперского союза германской индустрии), Э. Мельхозе (эксперт по сельскохозяйственным машинам), В. Бернштейн (эксперт по Южной России), К. Рейсиг (Эксперт по коже), К. Шиллер (эксперт по транспорту), Г. Кортс и Л. Даум (эксперты по метизам)¹⁷⁰. Руководителем группы был назначен А. Мюллер, на него также возлагалось составление отчета по результатам поездки. Кроме того, он должен был заняться кооперативами, игравшими в тот момент важную роль в налаживании германо-советских торговых и экономических отношений.

Когда в мае 1921 г. министром иностранных дел стал Ф. Розен, в правящих кругах Германии усилилась антисоветская позиция. Ф. Розен был известен как один из авторов Брест-Литовского договора и противник сближения с Советской Россией. Он сместил главу восточного департамента У. фон Мальцана из-за симпатии последнего к Советской России, по той же причине из Москвы был отозван член Красного Креста Э. Хильгард.

Отстаивая антисоветскую позицию, Ф. Розен считал, что она является важнейшим методом ведения германской внешней политики. В связи с этим К. Радек отмечал, что Германия в тот период времени не обладала достаточными силами и ресурсами для того, чтоб противостоят странам Запада. При этом, «чем сильнее, чем прочнее будет позиция Германии по отношению к России, тем больше союзникам придется считаться с Германией»¹⁷¹.

Хотя правительство Германии стремилось выполнить заключенные соглашения, оно по-прежнему сохраняло антисоветское настроение. Об этом свидетельствовал инцидент с кораблем «Трансбалт» и вхождение германского флота в территориальные воды Советской России¹⁷². Корабль

¹⁷⁰ Rosenfeld G. Op. cit. S. 352.

¹⁷¹ Правда. 15.10.1921.

¹⁷² Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т.2. С. 347-348.

принадлежал российскому Красному Кресту и должен был привезти в Россию 446 военнопленных. После того как корабль прибыл в Штеттин, полиция не позволила команде сойти на берег. Советские представители выразили протест по поводу провокации, и германское правительство всячески пыталось снизить напряженность, возникшую в связи с инцидентом. Инцидент с «Трансбалтом» продолжался довольно долгий период времени.

Антисоветская позиция Ф. Розена не помешала развитию советско-германских отношений. Германия стремилась как можно скорее завладеть российским рынком из-за возможной конкурентной борьбы со стороны других капиталистических стран, прежде всего Великобритании. В июле 1921 г. посол Франции в Берлине сообщал о том, что Советский представитель В. Копп выражал крайнюю озабоченность по поводу переговоров, которые проходили между Германией и Францией по вопросам репараций, поскольку, по его мнению, результатом подобных переговоров могло стать долгосрочное развитие экономических связей между Германией и Францией, в результате чего представители французских и германских промышленных кругов могли принять единую экономическую стратегию в отношении Советской России. «Тогда можно будет говорить о наличии своего рода франко-германского треста, который навязывал бы свои условия»¹⁷³.

В сентябре 1921 г. глава английского министерства торговли Ф. Ллойд Грим предложил проект международной помощи Советской России. По инициативе Верховного Совета Антанты в октябре 1921 г. в Брюсселе состоялась международная конференция, в работе которой приняла участие и Германия. Целью данной конференции Великобритания видела достижение договоренностей о предоставлении кредитов Советской России объединенным консорциумом всех западных государств, в том числе и с привлечением Германии.

¹⁷³ Documents diplomatiques français. 1921. Т. II. Р. 20.

Для США данный проект также был неприемлем, так как в своем окончательном виде он не предусматривал участие американского капитала. В связи с этим в декабре 1921 г. государственный секретарь Ч. Юз направил министру торговли Дж. Гуверу меморандум, в котором был детально описан план по захвату американскими капиталистами рынка Советской России¹⁷⁴. В качестве посредника должна была выступить германская промышленность. Подобный план не нашел поддержки у Дж. Гувера, поскольку по его мнению США были способны и без сотрудничества с Германией помогать капиталами для восстановления российской экономики. В качестве механизма участия он видел необходимым использовать АРА (Американскую администрацию помощи). Кроме того реализация данного плана могла вызвать расширение промышленного производства в Германии и потерю российского рынка для сбыта американских товаров. США не были заинтересованы в совместных действиях с другими странами в вопросах установления экономических отношений с Россией. Особые опасения вызывало участие именно Германии, поскольку в ней США видели своего будущего промышленного конкурента. В противовес европейскому (англо-германскому) плану по эксплуатации природных богатств России в Соединенных Штатах вырабатывались свои проекты, направленные на захват русского рынка и источников сырья. Предполагалось создать международное предприятие «Банк Наций», который должен был финансировать развитие международной торговли, выдавать ссуды экспортерам и импортерам, а также покупать и продавать правительственные обязательства тех государств, которые будут пайщиками банка. Предполагалось, что банк будет выпускать денежные знаки под названием «международного» доллара. Управление банка должно было сосредоточиться в руках 24 директоров, из которых 13 назначались американской стороной. Выступая против международного консорциума, монополисты США направляли свой удар в первую очередь против Великобритании и ее замыслов.

¹⁷⁴ Papers Relating to the foreign relations of the United States, 1921, Vol. II. Washington, 1936. P. 786–787.

Российское руководство с опаской относилось к планам создания консорциума, поскольку подобные проекты предполагали вмешательство в российскую экономику и могли иметь антисоветскую направленность. В большей степени советское руководство ориентировалось на установление двусторонних экономических отношений.

Немецкие компании начали активную торговлю с Советской Россией и выступали за немедленное возобновление дипломатических связей. Министерство промышленности Германии получало требования из всех районов страны о создании благоприятных условий для развития германо-советской торговли. Германия стремилась в этот период не позволить Великобритании, Франции и Бельгии захватить российские рынки и ресурсы. В Германии, нуждавшейся в уступках и облегчении версальского бремени, нарастала тенденция к соглашению с советским правительством. Дополнительным фактором, который требовал от Германии скорейшего решения экономических разногласий с РСФСР, становились сообщения, которые поступали по дипломатическим каналам об изменении позиции Франции в отношении советского государства, что создавало основу для обсуждения проблемы довоенных долгов между Советской Россией и странами Антанты¹⁷⁵.

Советская дипломатия умело использовала сложившееся положение, предложив взять за основу для отстаивания интересов обеих стран отказ от взаимных претензий и налаживание экономического сотрудничества. Наряду с официальными переговорами проходило зондирующее обсуждение с представителями германских промышленников. Перед советской дипломатией ставились задачи достижения договоренностей до начала Генуэзской конференции. Предварительные переговоры позволили выяснить позиции сторон и облегчили выработку текста договора и согласования основных пунктов соглашения еще до Генуи, а также выявить определенные

¹⁷⁵ ADAP. Ser. A. B. V. S. 400.

проблемы и трудности. Представители германского капитала были склонны вести переговоры, но не заключать соглашений.

Отдельные промышленники и ассоциации, которые поддерживали идею возобновления торговых и дипломатических отношений между Германией и Россией, связывали эту задачу с восстановлением экономики в послевоенной Европе. Однако советское правительство не располагало доверием со стороны европейских стран, что требовало полной нормализации политических и экономических отношений.

Принимая решение о расширении торговых связей с одновременной нормализацией политических отношений, германские правящие круги исходили из того, что Германия сможет найти в России емкий рынок сбыта своей продукции и получит некоторые виды сырья. Как указывал А.А. Ахтамзян, в период с лета 1921 до весны 1922 г. от отдельных предприятий и от союзов, представлявших целые отрасли, в германское министерство хозяйства поступило большое количество предложений, касавшихся торговых и экономических связей с Россией. Для германской промышленности российский рынок был крайне важен, поскольку возможности сбыта товаров на рынках западноевропейских стран были сильно ограничены. В связи с этим, взаимодействие с Россией рассматривалось как способ преодоления экономического кризиса¹⁷⁶.

При этом экономические эксперты со стороны России считали положительными аспектами для развития экономики появление на русском рынке иностранных товаров и экспорт ресурсов¹⁷⁷. В конце декабря 1921 г. состоялась встреча между министром промышленности и представителями германских нефтяных компаний, на которой обсуждались вопросы торговли с Россией. Большой интерес к советским рынкам также проявляли ведущие табачные фабрики.

¹⁷⁶ Ахтамзян А.А. Профили Рапальской дипломатии (очерки). С. 74.

¹⁷⁷ РГАЭ. Ф. 2305. Оп.1. Д. 1194. Л. 47.

Французское руководство пристально следило за развитием германо-советских отношений в этот период времени. Еще летом французский посол в Берлине сообщал о том, что в Германии не только дипломаты и представители бизнеса, но и практически представители всех партий Рейхстага ожидали активного участия германских производителей в восстановлении советской экономики. При этом французский посол высказывал предположение, что «экономическое сотрудничество, по мнению многих немцев, – это прелюдия к политическому соглашению»¹⁷⁸.

В конце 1921 г. стали появляться статьи, в которых доказывалась необходимость участия России в европейской политике и экономике. Подобные сообщения вызывали озабоченность в германских правящих кругах, поскольку активное вмешательство английских капиталов могло привести к их конкуренции с Германией, в связи с чем для Германии наиболее желательным было получение кредитов от Великобритании и улучшение условий выплаты репараций. Это могло бы привести к тому, что рынок Германии стал бы более выгодным для английских промышленников, чем российский. Для достижения данной цели В. Ратенау начал проведение переговоров с Английским банком. Германия была готова взять крупный кредит даже на условиях высоких процентов. Однако позиция Английского банка состояла в том, что до тех пор, пока Германия выплачивает репарации, предоставление ей крупных кредитов не представляется возможным. Письмо Английского банка с подробным изложением данной позиции было передано огласке. Однако оно содержало и секретный пункт, который не был опубликован в прессе: Германии рекомендовалось ни при каких условиях, даже при сильном давлении со стороны Франции, не выдавать остатка своего золотого запаса¹⁷⁹.

Еще одним европейским государством, пристально следившим за развитием германо-советских отношений, была Италия. В начале 1920-х гг.

¹⁷⁸ Documents diplomatiques français. 1921. Т. II. Р. 11-12.

¹⁷⁹ История дипломатии: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919-1939 гг.). Т. 3. С. 250.

Италия находилась в состоянии экономического упадка и политического кризиса. При этом после окончания Первой мировой войны Италия оставалась должницей США, Великобритании, Франции на общую сумму 827 млн. фунтов стерлингов¹⁸⁰, что было примерно равно сумме английского долга. При этом репараций Германии не хватало на возвращение данных задолженностей, а уровень развития итальянской экономики также не давал возможность возвращать долги.

При этом Италия не всегда была способна проводить самостоятельную политику, поскольку степень экономического и политического влияния на европейские дела была у нее значительно ниже, чем у Великобритании и Франции. Итальянскому руководству приходилось искать более сильных союзников, которые могли поддержать их в проведении внешней политики и способствовать достижению выгодных решений. Внутри итальянского руководства в связи с этим возникали разногласия: премьер Ф. Нитти видел в качестве основного политического союзника Великобританию, депутат Дж. Джолитти считал необходимым согласовывать внешнюю политику с Францией, католическая партия пополари отстаивала позицию сотрудничества с Германией, социалисты видели будущее Италии в тесном взаимодействии с Советской Россией¹⁸¹.

Колебания внешнеполитического курса явно проявились осенью 1921 г., когда Италия провела ряд переговоров с целью поиска экономических и политических партнеров. Вначале прошли встречи с советскими представителями, которые были свернуты в результате переориентации итальянского правительства на поиск путей сближения с Великобританией, оценивавшейся как более перспективный торговый партнер. Анализируя политику Италии в этот период времени, Г.В. Чичерин указывал, что руководство Италии обращалось к Советской России для обсуждения

¹⁸⁰ Ди Нольфо Э. Указ соч. С. 56.

¹⁸¹ Клышевич М.А. Советско-германские отношения (1917-1922 гг.) и политика Италии и Ватикана// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8. Ч. 1. С. 109.

вопросов возобновления отношений¹⁸². Однако окончательному урегулированию двусторонних отношений препятствовало давление, оказываемое европейскими державами. При этом Италия, входившая в состав Антанты, была отстранена от обсуждения многих вопросов и принятия решения, как, например, проблема моратория на выплату репараций, обсуждение Каннской резолюции, заседание стран Антанты в Булони и др. Экономическое положение и внешнеэкономические задачи Италии при этом в значительной мере отличались от английской и французской. Италия демонстрировала заинтересованность в восстановлении отношений с Советской Россией, так как торговля с Россией была для нее выгодной.

Позиция Италии по вопросам отношений с Советской Россией была подобна той, которую занимала Германия, поскольку оба государства нуждались как в ресурсах, поставляемых Россией, так и стремились к продаже промышленных товаров на российском рынке. Такая схожесть экономического положения и потребностей привела к тому, что Германия и Италия начали обсуждение совместного проекта, нацеленного на восстановление российской экономики. Обсуждение проекта происходило до начала Генуэзской конференции, но не привело к окончательному решению.

Развитие германо-советских отношений оказывало влияние на разработку внешней политики и других государств Восточной Европы. Так, отношения Германии и Советской России были объектом пристального внимания Чехословакии. Во время переговоров с послом Великобритании в Праге Дж. Клерком, Э. Бенеш высказывал предположения, что Германия сможет восстановить свое экономически сильное положение в короткие сроки. В случае сотрудничества Германии с Россией для стран Малой Антанты необходимо было создать условия для противодействия давлению со стороны германской и советской экономик. Схожие взгляды содержались в меморандуме «Помощь Европы и Америки России», разработанном Т.Г.

¹⁸² Чичерин Г.В. Указ. соч. С.155.

Масариком в начале 1922 г.¹⁸³. Для Чехословакии, также как и для многих других государств, являвшихся соседями Германии и Советской России, перспективы сближения двух стран были предметом постоянного внимания, поскольку могли создать опасность излишнего давления и вмешательства во внутреннюю политику.

На проведение германской политики в отношении Советской России в этот период влияли как внутривластные факторы и собственные интересы, так и решения, принимаемые европейскими державами. В октябре 1921 г. Франция смогла добиться того, чтобы Лига Наций удовлетворила раздел Верхней Силезии в пользу Польши. Принятие данного решения продемонстрировало провал «политики выполнения», инициатором и проводником которой был Й. Вирт, что привело к изменениям состава германского правительства. В результате изменений, коснувшихся министерства иностранных дел, с должности министра был уволен Ф. Розен, который негативно относился к развитию отношений с Советской Россией. Главой Восточного отдела был назначен У. Мальцан, выступавший за нормализацию германо-советских отношений. Кроме того, раздел Верхней Силезии подтолкнул Й. Вирта к проведению более активной политики в отношении Советской России, поскольку продемонстрировал несостоятельность его предыдущего внешнеполитического курса. Осенью 1921 г. стали обсуждать вопросы не только развития экономических отношений, но и развития политических связей вплоть до полного юридического признания¹⁸⁴.

В декабре 1921 г. в германской прессе появились статьи, в которых оценивались перспективы развития германо-советских отношений. В статье «Дер Таг» указывалось, что в тот период наблюдалось усиление взаимного стремления западных стран и Советской России к урегулированию

¹⁸³ Masaryk T.G. Pomoc Rusku Evropou a Amerikou// Masaryk T.G., Benes E. Otevrit Rusko Evrope. Dvě stati k ruské otázce v roce 1922. Praha, 1992. S.12.

¹⁸⁴ Клышевич М.А. Эксперты Министерства иностранных дел Германии о перспективах установления отношений с Советской Россией (1919-1922 годы). С. 84.

отношений, в особенности обращали внимание на развитие советско-французских переговоров. Предполагалось, что «речь идет теперь уже не о возможном в любой момент урегулировании отношений между Германией и Советской Россией. В области русской проблемы во всем мире, очевидно, готовятся к весьма важным политическим решениям»¹⁸⁵. Подобного мнения придерживалась и «Франкфуртер Цайтунг», которая писала 27 декабря 1921 г.: «Советская Россия есть факт неотвратимый, с которым необходимо считаться... Если в настоящий момент даже Франция готова завязать связи с Советской Россией, то тем более не следует отказываться от сношений с ней Германией»¹⁸⁶.

В декабре 1921 г. немецкая фирма «Фридрих Крупп на Эссене» выступила с предложением организовать сельскохозяйственную концессию в России¹⁸⁷. Советское руководство поддержало эту идею, подчеркнув крайнюю заинтересованность в том, чтобы это соглашение было выработано еще до начала Генуэзской конференции. В результате проведенных переговоров 23 марта 1922 г. в Москве был заключен концессионный договор между правительством РСФСР и представителями акционерного общества «Фридрих Крупп на Эссене» сроком на 24 года. Согласно проекту договора, концессионер был обязан обрабатывать землю площадью 30 тысяч десятин в течении 8 сезонов, а в качестве оплаты передавать 20% валового урожая ежегодно¹⁸⁸. В конце 1921 г. вновь поднимался вопрос о возможном посредничестве Германии в развитии торговых отношений между США и Советской Россией. В правящих кругах США обращали внимание на активизацию представителей промышленности и торговли Германии, которые стремились к достижению договоренностей с США «с целью подготовки к будущей торговле с Россией»¹⁸⁹. Однако, подобная политика не

¹⁸⁵ Der Tag. 16.12.1921.

¹⁸⁶ Frankfurter Zeitung. 27.12.1921.

¹⁸⁷ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т.2. С. 420-421.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1921. Vol. II. P. 1437.

соответствовала интересам США, целью которой являлись прямое финансирование со стороны США, а также продажа американских товаров на советском рынке без посредников.

Существенное изменение в сторону улучшения отношений между Германией и Советской Россией произошло в конце 1921 г. Это было обусловлено, прежде всего, международным и экономическим положением обеих стран. В начале 1922 г. Германия началось обсуждение условий экономического и политического договоров. На политику Германии оказывали влияние и различные сведения, поступающие по различным каналам. Одним из информаторов являлся В. Ваурик, корреспондент «Дойче Альгемайне Цайтунг», который сообщал в МИД, что в России происходит постепенное возвращение к капиталистической системе¹⁹⁰. Схожее мнение существовало и среди экономистов. К. Граап полагал, что переход к НЭПу был благоприятным моментом для установления германо-советских связей, «в интересах Германии активно вмешаться сейчас и поддержать это развитие, которое приведет к политическому и экономическому возрождению России»¹⁹¹. Идею восстановления экономических отношений поддерживал и Г. Гаушильд, видевший в НЭПе перспективы отказа от стремления к построению коммунизма и возврат к капиталистической системе собственности¹⁹².

В феврале 1922 г. министерство хозяйства обратилось с запросом к фирмам и объединениям для сбора информации о потребностях деловых кругов. Результаты были обобщены в записке от 15 февраля 1922 г., на основе которой выработаны следующие рекомендации: выявить компании, активно поддерживавшие торговые отношения с Россией до Первой мировой войны и выявить степень их заинтересованности в возобновлении торговых отношений; установить перечень и количество товаров, которые Германия может поставлять в Россию; составить список предприятий РСФСР,

¹⁹⁰ Joeres N. Op. cit. S. 306.

¹⁹¹ Цит. по: Cameron D. J. To Transform the Revolution into an Evolution. P. 16.

¹⁹² Ibid.

находившихся ранее в собственности германских граждан¹⁹³. Этот документ также предусматривал создание условий по заключению соглашений с экономическим представительством России в Германии. Это было необходимо для противодействия возможным попыткам европейских государств создать международный консорциум для экономического восстановления России. Многие промышленники были готовы восстановить экономические связи с Россией без всяких предварительных условий, например представители лакокрасочной индустрии. Однако многие фирмы больше надеялись на восстановление своей собственности в России, поэтому выдвигали требования и условия и считали возможным действовать совместно с капиталистами других стран. В то же время другая часть промышленников стремилась проникнуть на российский рынок, лишившись рынков сбыта на Западе. Это были фирмы, не имевшие до этого доступа на российские рынки, поэтому для них более важным являлось получить от советского правительства гарантии своих операций. Многие промышленники подчеркивали необходимость развития отношений Россией и для отдельных отраслей германского хозяйства, и для экономики в целом¹⁹⁴. Предпринимателей текстильной промышленности интересовало производство текстильного сырья. Особую озабоченность при этом вызывало присутствие на российском рынке конкурентов из Великобритании и северных государств. Владельцы металлообрабатывающей промышленности стремились получать сырье, прежде всего платину, золото, медь, цинк при наименьшем соперничестве с английскими предпринимателями¹⁹⁵.

В апреле-мае 1922 г. был подготовлен отчет о поездке германских экспертов в Советскую Россию. В нем содержались рекомендации по германской политике в отношении Советского государства. По мнению автора доклада О. Гуго, русский рынок обладал большими возможностями

¹⁹³ Цит. по Ахтамзян А.А. Из истории германской внешней политики накануне Рапалло. С.74.

¹⁹⁴ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т.2. С. 433-435.

¹⁹⁵ Там же. С.427-428.

для сбыта германской продукции, однако платежеспособность Советской России вызывала у него определенные сомнения. В своих выводах он исходил из неизбежности падения советской власти, которое должно было бы открыть неограниченные возможности перед германским капиталом. О. Гуго считал, что для экономического возрождения России правительству необходимо признать свою хозяйственную несостоятельность и предоставить свободу действий иностранным капиталистам. Эти выводы были сродни лондонскому меморандуму экспертов, выработанному державами накануне Генуэзской конференции, с той лишь разницей, что Франция и Великобритания планировали надавить на Советскую Россию, используя проблему долгов царского и Временного правительств. Отчет О. Гуго совпадал с официальной позицией правящих кругов Германии и сводился к следующему: необходимо налаживать экономические отношения с Советской Россией в интересах Германии, добиваясь одновременно предоставления таких условий, при которых в России был бы восстановлен капитализм¹⁹⁶.

В период подготовки к Генуэзской конференции в германском руководстве рассматривались вопросы выработки мер для более тесного сотрудничества с Советской Россией. Для достижения этой цели предполагалось добиться отмены или ослабления монополии внешней торговли, а также использовать концессии для укрепления степени участия германского капитала в российской экономике. Для проведения данной политики представители дипломатических и промышленных кругов Германии предлагали создать в России представительство германской индустрии, а также использовать заинтересованные малые страны Европы как посредников и союзников по освоению российского рынка. В то время, как европейские страны обсуждали возможности создания международного консорциума, в Германии шла разработка проектов самостоятельного

¹⁹⁶ Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969. С.267-268.

развития экономических отношений с Россией, что предполагало разнообразные методы от получения концессий до партнерства с российскими предприятиями. Однако советская власть не собиралась идти ни на какие уступки в вопросах монополии внешней торговли, предоставления концессий иностранным предпринимателям и возврата национализированной капиталистической собственности.

Таким образом, в 1921- начале 1922 гг. советско-германские отношения характеризовались большей степенью глубины, чем в предыдущий период. Усиливались экономические связи и стремление к совместному экономическому взаимодействию, о чем свидетельствуют как шаги со стороны правительственных кругов (заключение торгового соглашения, отправка экспертов), так и повышение заинтересованности со стороны германских фирм к совместному бизнесу с Советской Россией. Во-многом, такому повороту способствовало признание факта прихода в России к власти большевиков не только со стороны Германии, но и со стороны западных держав, что требовало разработки мер, направленных на установление отношений с советским правительством. Заключение торговых соглашений советского государства с рядом западных стран создавало конкуренцию и подталкивало Германию к более решительным действиям, предполагавшим и возможное политическое соглашение с Советской Россией. Германо-советскому сотрудничеству способствовало также и то, что страны Запада пытались использовать их как посредников, не желая официально устанавливать с ними политические отношения.

Глава 2. Борьба Германии и Советской России за выход из международной изоляции и позиции ведущих стран Запада

2.1. Германо-советские отношения и страны Запада в период подготовки к Генуэзской конференции 1922 года.

Версальская система международных отношений переживала в 1920-х гг. процесс становления. Основными проблемами, которые в это время волновали западные державы, были вопросы экономического восстановления Европы после Первой мировой войны. Необходимость созыва международной конференции для решения экономических вопросов стала очевидной к концу 1921 г. Советское правительство было готово пойти на обсуждение долговых обязательств перед западными странами и даже сделать некоторые уступки в этом вопросе. Однако оно требовало признания советского правительства странами Антанты. Советское руководство обратилось к странам Антанты с предложением обсудить противоречия в рамках международной конференции¹⁹⁷.

Начало переговоров по вопросам урегулирования послевоенных претензий советской страны и стран Антанты было невозможно без предварительного достижения договоренностей между союзниками. Между Францией, Великобританией и США существовал целый ряд разногласий по проведению политики в отношении Германии и Советской России. США и Франция занимали похожую позицию по отношению к Советской России, полагая недопустимым признание государства без решения долгового вопроса. В отношении Германии США склонялись к позиции Великобритании, полагавшей необходимым идти на уступки в репарационном вопросе, что не совпадало со стремлениями Франции ослабить Германию.

Нота советского государства была рассмотрена на совещании стран Антанты в Каннах, после чего было принято решение о созыве

¹⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т.4. С.147.

международной конференции, деятельность которой должна быть направлена на урегулирование экономических разногласий после Первой мировой войны. К участию в конференции были приглашены не только страны, победившие в Первой мировой войне, так и проигравшие, в том числе приглашение получили Германия и Советская Россия. В качестве предварительного условия для участия в конференции государства Антанты выдвигали условия Каннской резолюции от 6 января 1922 г.¹⁹⁸. Советское правительство приняло приглашение и приступило к подготовке своей делегации. 22 февраля восемь советских республик подписали протокол о представительстве и защите их интересов на конференции делегацией РСФСР¹⁹⁹. Фактически был создан единый фронт социалистических республик, который был призван обеспечить отстаивание общих внешнеполитических интересов перед лицом западных держав.

Уже сам факт приглашения Германии и Советской России для обсуждения экономических проблем вызвал заметное оживление в прессе. «Альгемайне Цайтунг» обращала внимание на то, что Каннские решения имели важное значение для мировой политики и экономики, поскольку на конференцию в Геную была приглашена Советская Россия²⁰⁰. Английская газета «Обсервер» подчеркивала, что для восстановления европейской экономики необходимо было привлечение Германии и Советской России, а «с нездоровой политикой Версаля надлежит покончить»²⁰¹.

Предложение о созыве конференции совпало с обострением внутривнутриполитической борьбы в Великобритании. На фоне кризиса урегулирование внешнеэкономических споров, создание условий для восстановления европейской экономики должны были способствовать улучшению экономического положения Великобритании и как следствие укрепить авторитет премьер-министра как внутри страны, так и на мировой

¹⁹⁸ Документы внешней политики СССР. Т.5. М., 1961. С. 57-59.

¹⁹⁹ Там же. С. 110-112.

²⁰⁰ Рубинштейн Н.Л. Указ соч. С. 197.

²⁰¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч. С. 11.

арене. Советское руководство видело подобные изменения в позиции Великобритании, и именно на переговоры с ней делало ставку, предполагая, что задачей английской делегации будет не решение проблемы задолженностей, а достижение договоренностей по взаимовыгодному развитию экономики²⁰².

Политика Великобритании исходила из следующих основных положений – добиться уступок для Германии по репарационному вопросу и на основании достичь соглашений, которые позволят включить Германию в экономическое восстановление Европы; укрепить отношения с Францией; добиться установления экономических, а впоследствии и политических, отношений с Советской Россией на условиях вложения иностранных капиталов в добывающие отрасли промышленности; привлечь Германию в качестве посредника для экономической эксплуатации России. Для достижения этих целей предполагалось, что «Германии должны быть предоставлены возможности для развития российской промышленности, и что она должна выделить 50 процентов прибыли, полученной от деятельности в России, на репарации»²⁰³. При этом британский премьер-министр видел опасность в чрезмерном сближении Германии и Советской России, отмечая, что отношения Советской России и Германии во-многом определяются отношением со стороны Великобритании и Франции.

В связи с этим Великобритания считала для восстановления Европы важнейшим решение «русского вопроса». В результате переговоров в Каннах был разработан меморандум, в котором были отражены общие подходы к проведению внешней политики в отношении Советской России²⁰⁴. К ним относилось признание свободы государств в определении основ экономической жизни, признание равноправия систем собственности, внутренней жизни и управления, недопустимость навязывания другим государствам принципов организации хозяйственной деятельности. Кроме

²⁰² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1396. Л. 3

²⁰³ Documents on British Foreign Policy. Ser.1. Vol. XV. P. 771

²⁰⁴ Документы внешней политики СССР. Т.5. С. 724.

того, Великобритания и Франция считали необходимым добиться от России признания ответственности перед кредиторами, неприкосновенности их имущества и прав. В качестве условий для получения кредитов, выдвигалось признание долгов и обязательств государства и отдельных ведомств, а также требование вернуть или возместить ущерб, причиненный иностранным инвесторам в результате конфискации имущества. В случае согласия советской делегации с данными условиями допускалось начало обсуждения вопроса о полном дипломатическом признании²⁰⁵.

С приходом к власти во Франции Р. Пуанкаре встал вопрос об отсрочке Генуэзской конференции. Кроме того, Франция выдвигала предварительные условия участия в конференции: признание Каннского меморандума, недопущение дискуссий по вопросу о мирном договоре. Требования Каннской резолюции были расширены на совещании экспертов в Лондоне, где в качестве дополнительных условий к Советской России предполагалось признание советским государством долгов предыдущих правительств, а также урегулирование претензий, вызванных национализацией иностранного имущества в форме возврата или компенсации понесенного ущерба²⁰⁶.

Несмотря на то, что позиции Франции и Великобритании в отношении Советской России были схожи по ключевым пунктам, отдельные подходы к установлению отношений с советским правительством имели свои различия. Для Великобритании важным было поддерживать экономическую и политическую стабильность в Европе, при этом вопросы принадлежности спорных территорий отдельным государствам не имели такого серьезного значения, как для Франции. Французская политика была основана на предотвращении повторной германской угрозы, что требовало сохранения стабильности и территориальной целостности стран, разделявших Германию и Советскую Россию.

²⁰⁵ Цит. по: Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля - 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. №3 С.82-83

²⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т.5. С. 245-259.

Подобной позиции придерживалось и руководство некоторых малых государств. Так, Чехословакия видела в Антанте и ее политике гарантию собственной безопасности, возникновение разногласия между государствами Антанты грозили пересмотром условий Версальского мира, усилением Германии и Советской России. В связи с этим Э. Бенеш считал необходимым урегулировать разногласия между Францией и Великобританией и прийти к выработке общей политики и выступил посредником в переговорном процессе в начале 1922 г.²⁰⁷ В результате данных усилий состоялась встреча Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре 25 февраля 1922 г. в Булони, которая привела к достижению соглашения между двумя государствами и их правительствами.

Для стран Малой Антанты также важной являлась выработка общей позиции по вопросам, обсуждение которых предполагалось на предстоящей конференции в Генуе. По инициативе Чехословакии состоялся ряд встреч представителей стран Малой Антанты, на которых была выработана общая позиция. По вопросу о признании Советской России предполагалось занять выжидательную позицию²⁰⁸. Кроме того, чехословацкое руководство стремилось к согласованию позиций и с другими странами, в частности с Австрией, Бельгией и Италией.

В то время как в Вашингтоне происходило обсуждение Каннских решений, во Франции произошло падение кабинета А. Бриана. Это было с удовлетворением встречено правящими кругами США, которые хорошо знали об антибританских настроениях Р. Пуанкаре. В русском вопросе и Вашингтон, и Париж заняли твердую позицию и выступали единым фронтом против признания Советского правительства и за продолжение политической и экономической блокады Советского государства²⁰⁹.

Официальный отказ американского правительства от участия в Генуэзской конференции последовал после совещания глав правительств

²⁰⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.43. П. 275. Д. 53947. Л. 40.

²⁰⁸ АВП РФ. Ф.04. Оп.43. П. 275. Д. 53947. Л. 40.

²⁰⁹ Papers relating to the foreign relations of the United States. 1922. Vol. I. P. 390.

Великобритании и Франции в Булони. По мнению США, совещание в Булони лишь немного изменило программу и характер будущей конференции. Особое неудовольствие было высказано в адрес Р. Пуанкаре, который пошел на компромисс с Д. Ллойд Джорджем, вместо того чтобы бесповоротно изменить программу и характер Генуэзской конференции. Газета «Вашингтон Пост» отмечала, что Каннские условия были сформулированы Великобританией для создания благоприятных условий в переговорах с Советской Россией и допускали возможность признания советского руководства²¹⁰. Уже накануне официального ответа США можно было видеть, что они не примут участия в Генуэзской конференции, если на ней будут обсуждаться вопросы, связанные с Советской Россией. В то же время отдельные органы американской прессы указывали, что если Генуэзская конференция действительно будет конференцией по восстановлению Европы, и если политические вопросы будут сняты, то США могли бы внести свой вклад в разрешение поставленных проблем²¹¹. Этот намек надо было понять так: если не будет России, Америка примет участие в конференции, если первая будет присутствовать, то США не пошлют своих представителей в Геную. После совещания глав правительств Великобритании и Франции в Булони правящим кругам США стало ясно, что все их расчеты сорвать Генуэзскую конференцию с помощью Р. Пуанкаре и всемерной затяжки ответа на приглашение союзников не оправдались. Именно после этого американское правительство вынуждено было пойти на последний имевшийся в его распоряжении шаг: дать отрицательный ответ на приглашение союзников. Этим шагом правящие круги США преследовали двоякую цель – или сорвать вообще созыв конференции в Генуе, или же, если это не удастся, настоять на пересмотре всей программы переговоров, ограничив ее вопросами чисто экономического характера.

²¹⁰ Washington Post. 23.01.1922

²¹¹ Ibid. 27.02.1922

В своей статье «Генуэзская конференция»²¹² американский исследователь того периода А. Деннис дал обзор той позиции, которая существовала в США перед началом работы Генуэзской конференции и отстаивал точку зрения о необходимости участия в ней Соединенных Штатов. Несмотря на то, что конференция была призвана решать экономические проблемы, политические вопросы не должны были остаться на ней без внимания. Автор прогнозировал, что в итоге второстепенные вопросы будут иметь такое же значение, как и те, для которых она созывается.

В статье он ставил вопросы, какие же силы будут играть ведущую роль на конференции, с какими сложностями и проблемами она столкнется, какие трудности уже появились на стадии созыва и какие важные пункты не были включены в программу предстоящей конференции. А. Деннис считал, что англо-французские противоречия, ситуация на Ближнем Востоке и возможное развязывание войны на границах России придавали особую важность дискуссиям по поводу германских репараций, французской армии и неясной внутренней политики России.

В том виде, в котором программа конференции появилась в прессе в декабре 1921 г., она выглядела как схема того, как переложить на Россию груз экономических проблем послевоенной Европы и привязать германские экономические интересы к богатым ресурсам России. А. Деннис указывал, что, по мнению советского руководства, экономическая ситуация в Европе подталкивала капиталистические страны торговать с Советской Россией. Страх войны в Европе был настолько силен, что с учетом военного потенциала России, советская власть, несмотря на тяжелое экономическое положение, могла выдвигать условия. По мнению А. Денниса, невозможно было сделать четкое разделение между политикой и экономикой в Европе, а также охарактеризовать Францию как заинтересованную исключительно политикой, а Великобританию – экономикой. Такое сравнение, даже если оно

²¹² Dennis Alfred L. P. The Genoa Conference // The North American Review. 1922. Vol. 215. №. 796. P. 289-299.

и применимо к ситуации, приносило больше вреда, чем пользы, и для Америки важно понять и признать существование различных политических идей. Еще одна причина нежелания Америки участвовать в Генуэзской конференции – возможность обсуждения долговых проблем. А. Деннис полагал, что признание Советской России де факто или де юре должно решаться каждым государством в отдельности, а не становиться предметом международного решения.

8 марта 1922 г. государственный департамент США направил итальянскому правительству ноту, в которой отказывалось от участия в конференции²¹³. Американское руководство предполагало, что обсуждение экономических проблем может перерасти в урегулирование политических разногласий. В том числе, существовали опасения, что участие в конференции Советской России приведет к обсуждению вопроса о ее дипломатическом признании. Для Соединенных Штатов Генуэзская конференция являлась «социально неприемлемой»: «Если Россия приглашена, мы должны остаться дома, хотя мы исключительно глубоко заинтересованы в восстановлении России...»²¹⁴.

Несмотря на отказ, США подчеркнули свою заинтересованность в экономической эксплуатации Советской России. Правительство США предупредило страны Антанты о том, что в данный период, когда в России происходят изменения в экономической сфере, связанные с допущением частной собственности, «не должно быть предпринято ничего, что имело бы целью извлечь из России экономические выгоды в ущерб справедливым правам других...»²¹⁵.

Политика США заключалась с одной стороны в отказе от переговоров в рамках конференции, а с другой, в недопущении заключения соглашений Советской России с другими странами Советской власти необходимо помнить, писала еще 29 января итальянская газета «Джорнале д'Италия», что

²¹³ Papers relating to the foreign relations of the United States. 1922. Vol. I. P. 393.

²¹⁴ World. 10.03.1922.

²¹⁵ Papers relating to the foreign relations of the United States. 1922. Vol.I. P.393.

США отказались от переговоров с представителями советской власти и конкретно с большевиками. В связи с этим, корреспондент газеты делал вывод, что западные державы требуют по существу только одной вещи – «упразднения всех коммунистических учреждений», которые являются непреодолимым препятствием на пути установления политических и экономических отношений с ней. Следовательно, Россия должна восстановить право частной собственности, свободную торговлю и признать все долговые обязательства – словом, «Россия должна стать тем, чем она была»²¹⁶.

Сенатор Фрэнс предлагал послать членов международной комиссии военных долгов и делегатов других комиссий, которые могли бы представлять президента США на международной экономической конференции. Отказ США от участия в конференции сопровождался тем, что американский посол в Италии Р. Чайлд получил распоряжение присутствовать в Генуе в качестве наблюдателя²¹⁷.

Официальные круги Франции и реакционная французская пресса восприняла отказ американского руководства как серьезный удар по предстоящей конференции. Начали распускаться слухи, что Советская Россия откажется от участия в Генуе и таким образом на конференции будут представлены лишь страны с одинаковым общественным строем.²¹⁸ Нота американского правительства по поводу отказа от участия США в Генуэзской конференции с ликованием была встречена наиболее агрессивными кругами английской буржуазии. Они увидели в ней новое оружие своей борьбы против будущих переговоров в Генуе и пагубной политики Д. Ллойд Джорджа. В Италии и Германии официальные круги были разочарованы решением американского правительства. Однако экономические интересы этих стран были сильнее аргументов официальной ноты правящих кругов США.

²¹⁶ Бюллетень НКВД. 1922. №116. С. 19-20.

²¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т.5. С. 729.

²¹⁸ New York Herald. 13.03.1922.

Советская дипломатия считала, что отказ США от участия в конференции был предсказуемым, и видела в нем негативные последствия для своего положения на предстоящей конференции. По мнению советского руководства отсутствие официальной делегации США на конференции снижало ее уровень и значение. Кроме того, для советского правительства было важно участие максимального количества западных держав, что могло сказаться положительно на признании советской власти и способствовало бы привлечению «иностранного капитала к делу восстановления России»²¹⁹.

В течение 3 месяцев перед созывом конференции советская дипломатия тщательно готовилась к ней. Была разработана широкая программа экономического сотрудничества, выработаны и обоснованы контрпретензии Советской России к западным державам. В.И. Ленин поручил Г.В. Чичерину, М.М. Литвинову, Я.Э. Рудзутаку, Л.Б. Красину, В.В. Боровскому и А.А. Иоффе подготовить докладные записки с предложениями о позиции советской стороны. В своей докладной записке М.М. Литвинов указывал, что принятие каннских резолюций создаст почву для признания советского правительства де-юре. Он полагал, что необходимо ориентироваться на политику Великобритании и пытаться прийти именно с ней к соглашению, обосновывая это тем, что Франция более склонна вести антисоветскую политику, в то время как Великобритания стремилась к торговле и экономическим связям с советским государством. В то же время он придавал большое значение развитию отношений с Германией и делал ставку на международную группировку с участием Германии²²⁰.

При подготовке к конференции особое внимание было уделено Каннской резолюции. Западные страны отказывались от насильственного навязывания другим народам принципов внутреннего экономического и социального устройства. Это стало первым официальным признанием со

²¹⁹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д.20. П.1. Л. 54.

²²⁰ Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: Революционер, дипломат, человек. М. 1989. С. 103.

стороны западных держав возможности существования государства с отличным от них политическим и экономическим устройством.

Каннская резолюция подразумевала согласие Советской России с рядом требований, такими, как неприкосновенность иностранного капитала, признание долгов предыдущих правительств. Советское руководство полагало, что условия Каннской резолюции носили рекомендательный характер. Позиция западных стран, прежде всего Франции состояла в обязательности всех пунктов резолюции как предварительного условия для участия в конференции. Кроме того, советское руководство было намерено активно проводить в рамках конференции переговоры с отдельными государствами для достижения более благоприятных условий. Желательным вариантом урегулирования отношений советская дипломатия считала взаимный отказ от претензий и налаживание отношений на равноправной и взаимовыгодной основе. Директивой для советских дипломатов стало постановление ЦК партии от 28 февраля 1922 г. В нем были сформулированы следующие задачи перед делегацией: уклониться от признания Каннских условий в части, касающейся долгов, и если удастся, то выдвинуть требование о признании всеми правительствами их государственных долгов и обязательств по возмещению причиненного ими ущерба; развернуть программу торгово-экономического сотрудничества и стремиться к получению кредитов от западных стран и развитию торговых отношений, добиваться полного дипломатического признания и выстраивания отношений на основе равноправия²²¹.

В период подготовки к конференции произошло обострение отношений между Францией и Великобританией и сближение последней с Германией, что было связано с изменениями позиции английского руководства по отношению к репарационной проблеме. В период подготовки к Генуэзской конференции Д. Ллойд Джордж прямо заявлял Р. Пуанкаре, что

²²¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т.2. С. 431-433.

в Великобритании начали побеждать политические силы, призывающие к отступлению от условий Версальского договора. Позиция Великобритании, ее отношения с Германией и Советской Россией, по мнению английского премьера, зависели от того, насколько жесткую позицию Франция занимала по отношению к этим государствам. Он ссылаясь на внутривнутриполитическую борьбу в Великобритании, стремление деловых кругов к налаживанию отношений с Германией и Россией: «Если бы происходили всеобщие выборы, то вполне возможно, что в парламент вернулись бы те, кто был против союза с Францией и Версальского договора, что привело бы к сближению с Германией и Россией»²²².

В советском руководстве также существовали разногласия относительно позиции делегации на конференции и в целом внешнеполитической направленности. Г.В. Чичерин полагал важным развивать сотрудничество с западными странами, что на начальном этапе было негативно воспринято В.И. Лениным. Однако, постепенно, Г.В. Чичерину удалось утвердить проект развития отношений с западными странами, который допускал, в том числе, и уступки по задолженностям в обмен на предоставление кредитов²²³.

Во многом сложность выработки позиции советской дипломатии в ходе подготовки к конференции была связана с внутренними экономическими проблемами Советского государства. Оценкой потенциала русской промышленности и необходимых для этого внешних капиталов занимался профессор А.Н. Долгов. По его подсчетам затраты для работы промышленности исчислялись на 1922 г. в сумме 1,1-1,2 миллиарда золотых рублей, из которых собственными ресурсами (запасы сырья, материалов, доставка продовольствия) государство могло покрыть 600-700 млн. рублей,

²²² Documents on British Foreign Policy. Ser.1. Vol. XIX. P. 172.

²²³ Макаренко П.В. Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349 С. 106.

«приблизительно около 500 млн. рублей составляет тот дефицит, который мог бы быть покрыт, между прочим, иностранным кредитом»²²⁴.

В ходе подготовки к конференции проявились противоречия в советском руководстве по вопросу защиты государственных интересов. Г.В. Чичерин считал, что участие в Генуэзской конференции может предоставить России возможность выйти из политической изоляции, получить полное дипломатическое признание. Для достижения этой цели он предполагал возможным и допустимым идти на разумные уступки. В.И. Ленин видел главную задачу советской делегации в том, чтобы добиться разногласий между западными странами. 10 февраля 1922 г. в письме Г.В. Чичерину он «архисекретно» сообщал: «... Нам выгодно, чтобы Геную сорвали... но не мы, конечно»²²⁵. Г.В. Чичерин не принимал тактики В.И. Ленина, считал необходимым разрешение вопроса о взаимных претензиях Антанты и России, и полагал, что от благополучного разрешения будет зависеть весь ход переговоров.

Г.В. Чичерин пытался убедить советское руководство, что необходимо пойти на уступки и согласиться на удовлетворение претензий частных лиц. Его мнение разделяли также М.М. Литвинов и Л.Б. Красин. М.М. Литвинов указывал по этому поводу: «После некоторого спора можно будет признать и частные претензии за оказанные государству услуги и доставленные им товары»²²⁶. В.И. Ленин настаивал на своей позиции и полагал опасными колебания Л.Б. Красина и Г.В. Чичерина. При закрытии конференции он считал необходимым настаивать на отказе от долгов и не бояться разрыва. Подобной позиции придерживался и М.М. Литвинов: «...делегация должна себе сказать, что выгоды соглашения на конференции сулит нам весьма ограниченные... и что, с другой стороны, срыв переговоров в Генуе никакой катастрофы не означает»²²⁷. По мнению Г.В. Чичерина, политика Советской

²²⁴ РГАЭ. Ф. 2305. Оп.1. Д. 1194. Л. 47.

²²⁵ Ленин В.И. Неизвестные документы 1891-1922 гг. С. 564.

²²⁶ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. Д.2. П. 1. Л.15.

²²⁷ Там же. Л.14.

России должна быть направлена не на пересмотр Версальского договора или заговор против Запада, а на налаживание взаимовыгодных отношений с Англией, Францией, Германией, Италией, Скандинавскими странами и странами Малой Антанты, так экономика России нуждалась в иностранных кредитах. В связи с этим, Генуэзская конференция рассматривалась с позиции возможностей для заключения выгодных торговых соглашений, что «даст если не желаемые миллиарды, то хотя бы некоторые суммы, и расчистит путь к дальнейшему экономическому сотрудничеству с Западом»²²⁸.

Г.В. Чичерин не соглашался с ЦК РКП(б) по вопросу долговых обязательств. Он предполагал, тактика предъявления встречных претензий и попытки добиться взаимного погашения задолженностей не приведут к положительному результату. Более действенным он считал признание довоенных долгов и достижение отсрочки от их возврата, что может привлечь в Россию новые кредиты и дать толчок к развитию советской экономики. Он полагал, что «можно даже прямо поставить признание долгов в зависимость от получения займа»²²⁹. Г.В. Чичерин считал, что получение кредитов, необходимых Советскому государству невозможно без уступок по долгам. В качестве приемлемого условия он предлагал признание долговых требований с условием переноса срока выплаты долга на 20 лет. Также он считал провальной попытки проведения переговоров с позиции запугивания распространением революции.

За неделю до начала Генуэзской конференции Форин Офис подготовил меморандум, касавшийся Советской России. Этот меморандум, составленный на основе сообщений английского представителя в Советской России Р.М. Ходгсона, показывает, насколько сильно британское руководство заблуждалось в своих оценках стремлений и интересов

²²⁸ Цит. по Садовая Г. М. Роль интеллектуала Георгия Чичерина в нормализации советско-германских отношений (январь-март 1922 г.). С. 44.

²²⁹ Там же.

советского государства²³⁰. По поводу долгов основным вопросом Великобритания считала, что не следует ожидать от России протеста по поводу выплаты довоенных и царских долгов. Что касается претензий частных лиц на возврат или компенсацию по национализированной собственности, то Великобритания полагала, что не столкнется в этом вопросе с возражениями советской стороны, и Россия примет на себя эти обязательства²³¹. Иностранная печать оценивала размер государственных и частных долгов примерно в 18,5 млрд. золотых рублей (Приложения: Таблица 4). Л. Пазвольский и Г. Моультон оценивали общий размер внешних задолженностей России в 14,8 млрд. рублей²³², З.И. Миркин приводил сведения, согласно которым долг России перед иностранными государствами составлял в общей сложности 16 млрд. рублей, половина этой суммы приходилась на военные долги²³³.

Для советского руководства было очевидным то, что Россия не могла в тот период времени выплатить такие суммы задолженностей. Об этом убедительно высказывался К. Радек, основываясь в своих рассуждениях и на оценке общей суммы долга, и на сравнении экономики и хозяйственного положения Советской России с положением в дореволюционный период²³⁴. Он делал вывод, что общие тенденции развития государств, принимавших активное участие в Первой мировой войне, темпы восстановления их экономик, свидетельствуют о невозможности подобного развития в ближайшем будущем. Обращая внимание на уменьшение дохода страны в сравнении с довоенным уровнем, он отстаивал позицию, что для Советской России первоочередной задачей было погашение по кредитам, полученным для восстановления экономики после окончания войны и прихода к власти большевиков. В связи с этим, он делал вывод о том, что «для уплаты по другим обязательствам в России на сколько-нибудь предвидимый

²³⁰ Salzmann St. Op. cit. P. 24.

²³¹ Documents on British Foreign Policy. Ser. 1. Vol. XIX. P. 290-291.

²³² Пазвольский Л., Моультон Г. Указ соч. С. 24, 126.

²³³ Миркин З.И. СССР, царские долги и наши контрпретензии. М.; Л. С. 122.

²³⁴ Радек К. Внешняя политика Советской России. С. 91-92.

исторический срок вообще нет и не будет никаких ресурсов»²³⁵. По мнению Л.Б. Красина, союзные государства понимали, что для России выплата долгов непосильна. Он указывал на то, что переговоры с представителями правительств, торговых и промышленных кругов западных стран привели к пониманию зарубежных партнеров, что «ранее десятка лет ... ни о каких платежах или вывозе товаров без товарной компенсации не может быть и речи»²³⁶.

При этом в период подготовки к Генуэзской конференции советская делегация подготовила ответные требования по возмещению убытков, понесенных страной в год интервенции и Гражданской войны. Предъявление контрпретензий должно было, по мнению советского руководства, вынудить западные государства пойти на выработку компромиссных решений. «Опыт переговоров в Берлине показывает, что даже у немцев удалось добиться значительных уступок, когда их расчетам были противопоставлены наши цифры и соображения»²³⁷. Контрпретензии советского государства были разделены на четыре группы, их общий размер исчислялся 50 млрд. золотых рублей, превышая в три раза претензии иностранных государств и их граждан к Советской России. При этом советская делегация настаивала на том, что не ожидает возмещения убытков, а лишь предлагает другим странам использовать эти средства для возмещения собственным гражданам долгов царского правительства. Кроме того, советское руководство планировало использовать контрпретензии как средство давления на страны запада с целью получения кредитов²³⁸. Столь тщательная проработка контрпретензий свидетельствовала о том, что Советская Россия на предстоящей конференции не планировала уступать по вопросу долгов.

Г.В. Чичерин отмечал сложность международной обстановки и считал, что противоречия между западными государствами должны способствовать

²³⁵ Там же.

²³⁶ РГАЭ. Ф. 413. Оп.2. Д. 1396. П. 1. Л. 3.

²³⁷ РГАЭ. Ф. 413. Оп.2. Д. 1396. П. 1. Л. 12.

²³⁸ РГАЭ. Ф. 2305. Оп.1. Д. 1194. П. 1. Л. 48.

дипломатическому признанию Советской России. В письме В.И. Ленину 13 февраля 1922 г. он указывал на то, что между странами Европы и Соединенными Штатами Америки обострилась борьба за ведущую роль в мировом масштабе. В Европе происходило соперничество между Великобританией и Францией за гегемонию. Он считал, что такая обстановка должна была положительно сказаться на позиции России, поскольку «в этих условиях мы попадем в положение разборчивой невесты, к которой все сватаются»²³⁹.

Перед началом Генуэзской конференции Советская дипломатия предпринимала попытки воспользоваться существующими противоречиями и заключить двустороннее соглашение с одним из европейских государств, предполагая, что юридическое признание, изменит положение советской делегации в ходе конференции и значительно поменяет расстановку сил в Европе. В депеше от 30 ноября 1921 г. Г.В. Чичерин оценивал возможных партнеров для Советской России следующим образом: «Поскольку в разговорах с Францией мы ищем улучшения отношений с ней, не примешивая враждебного острия против Англии, это будет даже очень полезно, ибо покажет Англии, что у нас есть и другие пути, а не только дорожка в Лондон. Надо одновременно считаться и с огромной важностью для нас развития дружественных отношений с Германией, для чего момент благоприятен»²⁴⁰. При этом с экономической точки зрения в качестве наиболее подходящих партнеров для восстановления отношений и получения кредитов рассматривались Великобритания и США. В первую очередь он исходил из того, что зарубежные государства искали возможности для размещения своих капиталов за рубежом. Кроме того Великобритания и США были заинтересованы в продаже товаров своей промышленности, что помогло бы выйти из торгово-промышленного кризиса.

²³⁹ АВП РФ. Ф. 0418. П.1. Д. 1. П. 1. Л. 15.

²⁴⁰ АВП РФ. Ф.04. Оп. 42. Д. 53620. П. 25. Л. 54.

Попытки провести переговоры о восстановлении дипломатических отношений происходили с Францией в феврале 1922 г. К. Радек считал крайне необходимым до начала конференции прорвать единый фронт западных стран, в своем письме Г.В. Чичерину от 8 февраля 1922 г. он сообщал: «Я тут убеждаюсь с каждым днем больше, что если мы пойдем в Геную без предварительного хотя бы общего соглашения с Францией, то мы в Генуе ничего не получим, Англия не будет рвать за нас с Францией»²⁴¹. При этом К. Радек в качестве основы для переговоров с Францией видел не ее противоречия с Германией, а совместное противодействие развивающемуся влиянию Великобритании. Совершенно по-другому переговоры с Францией оценивал М.М. Литвинов, считая, что их можно использовать как «средство давления на Германию и отчасти запугивания Англии»²⁴². Однако, М.М. Литвинов весьма скептически относился к перспективам сближения с Францией, считая их методом воздействия на другие государства, не предполагая действительно результативного исхода переговорного процесса. По его мнению, Советской России не выгодно было предварительно сговариваться ни с Великобританией, ни с Францией: «Раскрывать свои карты мы должны только в Генуе»²⁴³. М.М. Литвинов сообщал, что франко-советские переговоры вызывали беспокойство в Германии, так как существовали опасения распространения на Россию положений Версальского мира. При этом французская дипломатия настаивала на том, что никаких переговоров с Советскими представителями проведено не было и в германскую прессу попали неверные сведения: «Информация, которая была опубликована в немецкой прессе, которую мне уже сообщил Шарль Лоран, тенденциозно искажает истину»²⁴⁴. Французские дипломаты указывали на то, что со стороны Советской России поступили предложения о переговорах до начала конференции, о чем Франция

²⁴¹ АВП РФ. Ф.04. Оп. 42. Д. 53620. П. 25. Л.7.

²⁴² АВП РФ. Ф.04. Оп. 42. Д. 53620. П. 25. Л. 28.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P. 365.

незамедлительно сообщила Великобритании. При этом указывалось, что самих переговоров не происходило, тем более не было достигнуто никаких предварительных договоренностей, поскольку французская позиция основывалась на необходимости совместных действий с союзниками в отношении Советской России и обсуждение проблем в рамках многосторонних переговоров. В Германии активно обсуждались переговоры с Францией, информация о которых, по мнению британских дипломатов, была нацелена на то, чтобы оказать «влияние на Германию, угрожая ей сближением с Францией»²⁴⁵.

Вместе с тем в данный период советская дипломатия начала проявлять меньшую заинтересованность к установлению дипломатических отношений с Германией. 6 февраля 1922 г. в разгар неофициальных переговоров с Францией, Г.В. Чичерин сообщал о том, что возобновление отношений с Германией не являлось первостепенной задачей для советской дипломатии, и для его достижения не было необходимости идти на какие-либо уступки.

Информация о проведении переговоров между Советской Россией и Францией была известна Лондону. В телеграмме британский посол в Берлине д'Абернон сообщал, что «К. Радек проинформировал представителей Германии о том, что Франция призывает Россию прийти к соглашению и ставил вопрос о том, какое встречное предложение могла бы сделать Германия»²⁴⁶. Официальная позиция Франции, переданная Великобритании, заключалась в отрицании переговорного процесса. Как указывалось в сообщении «какое-то время московские власти настойчиво пытались наладить отношения с французским правительством»²⁴⁷. При этом подчеркивалось, что позиция французского руководства заключалась в том, чтобы избегать предварительных соглашений перед началом конференции. По вопросу признания Советской России и установления с ней

²⁴⁵ Noeres J. Op. cit. S. 290.

²⁴⁶ Documents on British Foreign Policy. Ser.1. Vol. XIX. P. 147.

²⁴⁷ Ibid. P. 147.

дипломатических отношений Франция продолжала придерживаться позиции о необходимости проведения согласованной политики странами Антанты.

Г.В. Чичерин видел опасность в провале подобных попыток сепаратных переговоров, поскольку это приводило к установлению более доверительных отношений между западными державами. Также Г.В. Чичерин предполагал, что французская дипломатия преднамеренно начала подобные переговоры с целью ухудшения отношений Советской России и Великобритании в преддверие Гёнуэзской конференции: «Не само ли французское правительство через какие-то неизвестные нам источники Лапинского подсовывало нам сведения о своей мнимой готовности идти с нами на переговоры, чтобы вызвать нас на неосторожные шаги и поссорить нас с Англией»²⁴⁸.

Кроме переговоров с Францией, советская дипломатия пыталась достичь предварительных соглашений с Германией перед началом Гёнуэзской конференции. Основой для переговоров стало письмо Г.В. Чичерина, направленное В. Симонсу, в котором указывалось на то, что советское правительство, представлявшее интересы ранее угнетенных классов было настроено более доброжелательно к установлению отношений с правительством, представлявшим интересы угнетенного народа²⁴⁹. В этом заявлении была заложена идеологическая основа для установления отношений между двумя государствами.

В период подготовки к Гёнуэзской конференции, западные союзники не были готовы пойти на уступки Германии по репарационному вопросу, в связи с чем, германское руководство начинало склоняться к заключению договора с Советской Россией. Издатель газеты «Берлинер Тагеблатт», Т. Вольф отстаивал позицию, что Россия становилась для Германии не только

²⁴⁸ АВП РФ. Ф.0418. Оп. 1. Д.1. П.1. Л. 18.

²⁴⁹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 2. С. 215.

выгодным политическим партнером, но и представляла «место для экономического взаимодействия»²⁵⁰.

12 января 1922 г. Й. Вирт назначил на пост имперского министра иностранных дел В. Ратенау, который являлся сторонником политики выполнения и полагал, что несоблюдение условий Версальского договора могло привести к нежелательным последствиям для Германии. На совещании в Каннах позиция В. Ратенау натолкнулась на нежелание стран Антанты пойти на диалог о смягчении условий Версальского договора.

В. Ратенау признавал важность экономических отношений с Советской Россией, сохраняя при этом приверженность стратегии сближения с США и Великобританией. 23 января 1922 г. в комиссии рейхстага по иностранным делам проходило обсуждение позиции Германии на предстоящей конференции, а также политики страны в отношении Советской России. Решение комиссии заключалось в признании необходимости для германской экономики установления более тесных торговых связей с Россией. Подчеркивалось, что действия в этом направлении должны быть продуманными и осторожными с тем, чтобы не создать препятствия для улучшения отношений с западными державами. Отдельные представители, такие как Г. Стиннес, выступали за более самостоятельную политику Германии и немедленное предоставление России кредита²⁵¹. В. Ратенау соглашался с мнением о необходимости признания советского государства, но руководствовался другими предпосылками. Он полагал, что при проведении переговоров с западными странами, Советская Россия будет использовать существующие между ними противоречия. Это может повлечь обсуждение вопроса о распространении в отношении советского государства статьи 116 Версальского договора²⁵².

²⁵⁰ Berliner Tageblatt. 16.01.1922.

²⁵¹ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С. 422.

²⁵² Noeres J. Op. cit. S. 283.

На следующий день после совещания У. Мальцан посетил К. Радека с целью обсуждения условий предоставления Германией товарного кредита на сумму в 1 млрд. марок для Советской России. Экономические условия предоставления кредита предусматривали признание советской стороной военных долгов и претензий частных владельцев национализированной собственности с их последующим погашением. Также важным было политическое условие, признававшее равенство Германии с другими западными странами, что имело важное внешнеполитическое значение для германского руководства и давало возможность постепенного изменения положения проигравшей страны и укрепления авторитета на международной арене. Германское руководство рассматривало возможности достижения политического соглашения с Советской Россией на условиях равноправия.

25 января 1922 г. состоялось совещание представителей Германии и Советской России, на котором обсуждались проблемы налаживания сотрудничества двух стран, в том числе и в деле восстановления Европы. В совещании участвовали представители германского дипломатического ведомства и промышленники²⁵³. Обсуждалась также и проблема предоставления германского кредита Советской России. Ряд промышленников, в том числе, Гуго Стиннес, высказывали сомнения в возможности предоставления таких кредитов, считая, что германские капиталисты потребуют правительственных гарантий. Они также считали, что германская промышленность не сможет давать кредиты без иностранной помощи²⁵⁴. Со стороны Советской России в переговорах участвовал К. Радек. Он отмечал, что восстановление дипломатических отношений с Германией является, несомненно, позитивным, но чисто «формальным» делом. Более важным для советского руководства было согласование позиции для будущей Генуэзской конференции. Вместе с тем, К. Радек, проводивший переговоры в Берлине, не получил дополнительных

²⁵³ Москва-Берлин. Т.1. С. 49.

²⁵⁴ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С.422.

инструкций о необходимости достижения договоренности о выработке общей тактики в ходе Генуэзской конференции²⁵⁵. Для Советской России первостепенными задачами было получение от Германии кредитов для восстановления и развития военной промышленности, создание смешанных предприятий в транспортной и топливной промышленности, организация двусторонних обществ для ведения торговли со странами Востока. Советская Россия пыталась противодействовать заключению соглашения между Великобританией и Германией, а также была заинтересована в привлечении американского капитала. Для давления на Германию Советское руководство предполагало использовать ряд факторов экономического характера. Подчеркивалось, что российская угледобывающая промышленность была крайне необходима для восстановления Германии. В качестве дополнительной меры давления использовались угрозы выдвижения против Германии претензий по статье 116 Версальского договора²⁵⁶.

В ответ на это, В. Ратенау, представлявший на переговорах промышленные круги, предлагал придерживаться единой линии с другими западными державами. 30 января 1922 г. состоялось совещание кабинета министров, на котором выявились противоречия в руководящих кругах Германии по перспективам сотрудничества с Россией. Канцлер Й. Вирт и руководитель Восточного отдела министерства иностранных дел У. фон Мальцан считали необходимым продолжение двусторонних переговоров, поскольку это могло привести к урегулированию спорных вопросов. В. Ратенау и Я. Шахт считали, что Германии необходимо согласование своей политики с английским и американским правительствами, поскольку это давало надежду на постепенное изменение условий Версальского договора²⁵⁷. На совещании У. Мальцан поставил вопрос о необходимости добиться от советской стороны отказа от статьи 116. Г. Стиннес и В. Ратенау

²⁵⁵ Salzmann St. Op.cit. P. 25.

²⁵⁶ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 2. С.421- 423.

²⁵⁷ Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 гг. М., 1974. С. 56.

говорили о необходимости потребовать от Советской России беспрепятственного вывоза ценностей взамен товаров, а также согласовывать политику Германии с Великобританией и США.

В свою очередь советское правительство придавало большое значение срыву планов создания международного консорциума, о чем, в частности, заявлял М.М. Литвинов: «Мы предпочитаем иметь дело с индивидуально-национальными фирмами и синдикатами. Надо всячески убеждать англичан, чтобы шли в Россию работать без немцев, немцев без англичан, тех и других – без американцев»²⁵⁸. С этой целью советское правительство готово было пойти на определенные уступки. 3 февраля 1922 г. Г.В. Чичерин направил советскому представителю в Берлине инструкции, в которых подчеркнул, что в случае, если Германия будет проводить враждебную политику в отношении советского государства, то советская делегация в качестве средства давления может использовать требование уплаты репараций в соответствии с Версальским договором²⁵⁹.

В феврале был организован ряд советско-германских встреч, в ходе которых поднимались вопросы сотрудничества и условия заключения соглашения. При этом М.М. Литвинов указывал на то, что Германия не была способна выступить инвестором для развития российской экономики, «тем более давать нам значительные кредиты»²⁶⁰. В итоге скептического отношения к развитию отношений с обеих сторон, переговоры были прекращены.

Значительное влияние на прекращение советско-германских переговоров оказала точка зрения В. Ратенау, который полагал, что позиция Германии перед началом Генуэзской конференции была весьма благоприятной, поскольку наблюдалось явное усиление разногласий между

²⁵⁸ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. П. 1. Д. 20. Л. 27.

²⁵⁹ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С.426.

²⁶⁰ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. П. 1. Д. 20. Л. 27.

Францией и Великобританией, что могло быть выгодно использовано германской дипломатией²⁶¹.

Однако не все в партии поддерживали осторожную политику В. Ратенау в отношении Советской России. Член НДП О. Нушке призывал к скорейшему установлению дружественных отношений с советским государством, утверждая, что «Германия и Россия по своему производству, по своим богатствам, по своей продукции будто бы специально созданы для взаимного обмена»²⁶². При этом он подчеркивал необходимость скорейшего заключения договоров как в экономической, так и в политической сферах.

В середине февраля советские дипломаты заявили о необходимости прервать переговоры, поскольку не было достаточных оснований для решения экономических разногласий. В свою очередь У. Мальцан обратился к советским представителям с предварительным проектом политического договора, который в том числе касался взаимного отказа от компенсации убытков, понесенных государствами в ходе Первой мировой войны, а также урегулирование претензий частных лиц на основе взаимности. Проект также включал в себя вопросы возобновления консульских и дипломатических отношений. За пределами соглашения оставалась проблема урегулирования вопроса о возмещении потерь Германии, связанных с национализацией собственности, что предлагалось оставить для дальнейшего обсуждения. Германское правительство предлагало также принять принцип наибольшего благоприятствования, что подразумевало «оказать взаимную поддержку сообщенным ему в последнее время проектируемым частными фирмами соглашениям и облегчить проведение их в жизнь»²⁶³.

Дальнейшие переговоры были продолжены только по прибытии советской делегации в Берлин на пути в Геную в начале апреля 1922 г. В ходе встречи в Берлине советская дипломатия планировала завершить

²⁶¹ Noeres J. Op. cit. S. 293.

²⁶² АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. П. 1. Д. 20. Л. 27.

²⁶³ Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования // Материалы Науч. сессии, посвящ. 40-летию Рапалльского договора (25— 28 апр. 1962 г.). М., 1963. С. 177-179.

переговоры, начатые ранее, и заключить с Германией соглашение еще до начала заседаний Генуэзской конференции. Переговоры планировалось проводить по двум основным направлениям: экономическому и политическому. По экономическим вопросам, в частности, предоставлению Германией кредита Советской России, советские дипломаты исходили из несогласия с условиями и размерами предлагаемого займа. Заключение политического соглашения ставили в зависимость от решения вопроса не только по взаимным военным убыткам, но и предполагали получить от Германии «полный взаимный отказ от претензий, в том числе от всяких претензий частных лиц по убыткам, нанесенным национализацией»²⁶⁴. При этом советское руководство считало необходимым добиться отказа от претензий на возмещение национализированной собственности, в то время как Германии ключевым являлось получение гарантий отказа России от репарационных требований по статье 116 Версальского договора. Советская делегация стремилась как можно скорее достичь соглашения и настаивала на переговорах с министром иностранных дел и рейхсканцлером.

Германия в свою очередь не торопилась детально обсуждать соглашение. Общее мнение советского руководства сводилось к тому, что до начала Генуэзской конференции Германия не пойдет на подписание соглашения. Переговоры с Советской Россией было поручено провести У. Мальцану. Предварительная встреча Г.В. Чичерина и У. Мальцана состоялась 2 апреля в гостинице «Эспланад», где остановился глава советской делегации. Как и ожидала советская сторона, германское правительство не хотело идти на полный взаимный отказ от претензий²⁶⁵. У. Мальцан заявил, что правительство не откажется от прав частных лиц на возмещение убытков от национализации. Попытки найти компромиссные формулы не привели к положительным результатам, однако, проявляя дипломатическую гибкость, У. Мальцан проявил уступчивость в поисках

²⁶⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С.188-189.

²⁶⁵ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С. 455.

формулировок и под конец сообщил о готовности министра иностранных дел В. Ратенау в духе политического сближения сделать торжественное заявление о передаче советскому правительству здания российского посольства на Унтер-ден-Линден. Как выяснилось вскоре, и этот ход был обставлен оговорками и условиями, которые отнюдь не свидетельствовали об искреннем желании немедленного урегулирования отношений. Дальнейшие переговоры Г.В. Чичерина с В. Ратенау показали желание последнего продолжать сложную дипломатическую игру, используя в качестве инструмента воздействия общность интересов западных стран и противоречия между Советской республикой и западными державами, которые, как предполагалось, предъявят советскому правительству претензии по долгам.

А.А. Ахтамзян полагал, что во время переговоров В. Ратенау понимал, что создание консорциума с участием Германии для восстановления Советской России не мог служить в качестве основы для сотрудничества двух государств, однако «в переговорах с Г.В. Чичериным он снова отстаивал именно идею консорциума с участием Германии, чтобы потребовать взамен отказа Германии от участия в таком консорциуме соответствующей компенсации»²⁶⁶.

В качестве подобной компенсации планировалось добиться от Советской России обязательства предоставить Германии первоочередность на все концессии и урегулирование вопроса об убытках по национализации. В дополнительной секретной статье соглашения предлагалось указать, что в случае согласия Советской России на компенсацию иным государствам, германские претензии также требовали повторного обсуждения. Тем не менее, договоренности так и не удалось достичь, так как 4 апреля У. Мальцан, пришедший для окончательного обсуждения соглашения, принес собственный проект, значительно отличавшийся от предложения В. Ратенау. В нем отказ Германии от претензий был напрямую связан с подобным

²⁶⁶ Ахтамзян А.А. Профили Рапальской дипломатии (очерки). С. 99.

отказом со стороны других государств. Новая формула У. Мальцана полностью не устраивала советскую делегацию как по существу, так и с тактической точки зрения. Стало очевидным, что германская дипломатия не хотела подписывать соглашения с Советской Россией до конференции²⁶⁷. Предложение Германии о парафировании договора в свою очередь не удовлетворяло советскую сторону, которой необходимо было до начала переговоров в Генуе иметь прецедент по урегулированию экономических споров. Л.Б. Красин отмечал резкое изменение политики германских правящих кругов по отношению к Советской России, подчеркивая, что В. Ратенау демонстрировал не только нежелание и неготовность идти на заключение соглашения с Советской Россией, но и «вообще держал себя как настоящий лакей Англии»²⁶⁸.

Отказ Германии от подписания договора с Советской Россией в ходе переговоров в Берлине объяснялся надеждой Германии на пересмотр Версальских условий. Однако в сложившейся обстановке, когда Й. Вирт и В. Ратенау убедились, что Германия не может рассчитывать на уступки со стороны западных держав, ей пришлось сделать решительный шаг к сближению с Советской Россией. А.А. Ахтамзян считал, что В. Ратенау намеревался использовать фактор переговоров с Россией для оказания давления на западные державы с тем, чтобы получить возможность обсуждения с ними вопроса о пересмотре условий Версальского договора²⁶⁹. Н.А. Эрлих также полагал, что основной целью проведения переговоров было оказание давления на Великобританию и Францию²⁷⁰. Тем более, что переговорный процесс широко освещался в прессе вплоть до появления сообщений о подписании договора между Германией и Советской Россией. Подводя итог переговорам Г.В. Чичерин констатировал, что Германия,

²⁶⁷ Садовая Г.М. Вальтер Ратенау и Рапалльский договор. С. 58-59.

²⁶⁸ АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д.2. П.1. Л. 178.

²⁶⁹ Ахтамзян А.А. Рапальская политика С. 64.

²⁷⁰ Любимов Н.Н., Эрлих А.И. Указ соч. С. 24.

прежде всего, стремилась «умаслить или умилостивить Англию»²⁷¹, что боязнь испортить отношения с Великобританией и Францией в тот период не давали возможность проводить более самостоятельную политику в отношении Советской России. Подобной позиции придерживается и ряд зарубежных исследователей: «Свобода действий в русском вопросе, была ясным сигналом, что в любой момент, даже во время Генуэзской конференции, Германия будет готова подписать подготовленный договор, если на то возникнут веские причины»²⁷².

Достижение соглашения между Германией и Советской Россией могло не только изменить расстановку сил в ходе конференции, создать сложности для стран Антанты по выдвиганию требований уплаты долгов и компенсации убытков, а, следовательно, ухудшить положение германской делегации, добивавшейся пересмотра репарационных условий. В связи с этим, В. Ратенау считал необходимым проводить аккуратную и сдержанную политику, обсуждая с советскими представителями лишь предварительные условия налаживания отношений и воздерживаясь от принятия серьезных решений.

Впоследствии в ходе Генуэзской конференции, германские дипломаты объясняли отказ от подписания соглашения тем, что германская сторона желала избежать обвинений в подрыве конференции. Предстоящая конференция также могла дать Германии возможность участия в международном консорциуме и другие положительные результаты, поэтому терять выгоды от предстоящей конференции, подписав договор с Советской Россией, В. Ратенау не собирался. В то же время В. Ратенау понимал необходимость действовать совместно с Россией, не оттолкнуть от Германии возможного партнера.

Главным итогом переговоров в Берлине стало согласование текста договора, подтверждение сторонами готовности искать компромиссную

²⁷¹ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С. 471.

²⁷² Joeres N. Op cit. S. 352.

основу для соглашения и договоренность продолжить двусторонние переговоры в Генуе. Г.В. Чичерин сообщал в телеграмме, что германская сторона не стремилась к заключению соглашения до начала Генуэзской конференции, «для своего требования наибольшего благоприятствования в вопросе возмещения частным лицам за социализацию они предлагали новые формулы, якобы улучшающие, но в действительности ухудшающие текст. Переговоры продолжатся в Генуе»²⁷³.

Таким образом, в период подготовки к Генуэзской конференции обострились основные противоречия послевоенного устройства мира. С одной стороны, государства Европы стремились к выработке совместных решений по экономическому восстановлению, поиску внешнеторговых партнеров. С другой стороны, нерешенные проблемы военных долгов и репараций, не давали возможности рассматривать все государства в качестве равноправных участников мировой политики и экономики. Германо-советские отношения продолжали находиться под пристальным вниманием западных государств, которые стремились не допустить экономического сближения Германии и Советской России. Стремление Советской России добиться признания со стороны Великобритании или Франции не привели к положительному результату, поскольку эти государства с самого начала ставили вопрос о юридическом признании советского государства в зависимость от долгового вопроса. Германия также не была готова к заключению политического соглашения, поскольку это могло негативно сказаться на ее отношениях с западными державами.

²⁷³ Документы внешней политики СССР. Т.5 С.181.

2.2. Политическая борьба в ходе Генуэзской конференции и установление германо-советских дипломатических отношений

Открытие международной экономической конференции в Генуе состоялось 10 апреля 1922 г. В ней принимали участие делегации от 29 государств. Работой делегации РСФСР руководил В.И. Ленин, назначенный её председателем. Тем не менее, он не выехал в Геную в связи с опасениями о возможном покушении. Заместителем председателя делегации был Г.В. Чичерин.

Первое заседание проходило во дворце Сан-Джорджио, пленум состоялся в 3 часа дня. Он представлял собой широкое собрание представителей западных держав. Председателем конференции был избран премьер-министр Италии Л. Факта. В своей вступительной речи он заявил об экономическом хаосе и даже «экономической анархии», которые захлестнули Европу и весь мир. Он обратил внимание на тот факт, что из производственного процесса в тот момент было исключено почти 300 млн. человек, что было вызвано нехваткой орудий производства, а также неразвитой транспортной системой. При этом он заявлял, что результатом Первой мировой войны стало разорение европейской экономики. Для ее восстановления требовалось восстановить систему мирного сосуществования народов и государств, предпринять совместные усилия, нацеленные на возрождение и развитие национальных экономик. В связи с этим он призывал представителей всех государств, принявших приглашение участвовать в конференции, немедленно приступить к решению вопросов о восстановлении Европы. Л. Факта настаивал на принятии позиции о равенстве государств, отказе от восприятия друг друга в качестве врагов или союзников, разделении на побежденных и победителей. Именно такое благожелательное отношение, по его мнению, могло способствовать достижению намеченных целей конференции²⁷⁴. Несмотря на это с самого начала конференции стало

²⁷⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 195-197.

понятно, что между Германией и странами Антанты имеются острые противоречия, которые наложили отпечаток на весь ход конференции. Советская делегация также ощущала предвзятое отношение западных держав, которые уже с самого начала выдвинули Каннские принципы в центр внимания европейской конференции.

Вторым с речью к собравшимся обратился премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, который также подчеркнул, что все собравшиеся на конференции государства принимают участие на равных условиях. Однако, данное положение предусматривало, что равенство основано на принятии резолюций, принятых в Каннах. В дальнейшем он подробно остановился на описании тяжелого экономического кризиса, выход из которого был возможен только при условии совместных усилий со стороны всего мира. При этом он высказал разочарование тем, что США отказались от участия в конференции и обсуждения экономических проблем и поиска путей их решения²⁷⁵. Выступление французского министра иностранных дел Ж. Барту также было начато с упоминания Каннских резолюций и необходимости их соблюдения. Отдельно глава французской делегации обратил внимание на позицию своей страны по вопросу условий Версальского договора и недопустимости пересмотра его условий²⁷⁶.

В такой напряженной обстановке все с нетерпением ждали выступления советского делегата. Г.В. Чичерин обратил внимание на то, что политика советского государства с самого начала существования была нацелена на развитие мирных отношений с другими странами, в связи с чем он поддерживал заявления предыдущих ораторов о необходимости поддержания мира. В декларации, которую огласил Г.В. Чичерин, содержалась развернутая конкретная программа установления длительного мира между всеми государствами и укрепления международной

²⁷⁵ Материалы Генуэзской конференции. С.79-82.

²⁷⁶ Там же. С.83-84.

безопасности²⁷⁷. Он заявил, что в вопросах экономического взаимодействия с другими странами Советская Россия исходит из необходимости равноправия, а также полного политического признания. При этом, обсуждение вопросов экономического восстановления Европы и мира, требует в том числе и решения проблем, связанных с экономическим восстановлением Советской Россией, поскольку последняя является крупнейшей державой с огромными запасами природных ресурсов. Понимая потребности мировой экономики, советское государство было готово обсуждать вопросы предоставления концессия в области лесного, каменноугольного и горнорудного производства, а также сельского хозяйства. Вместе с тем, Г.В. Чичерин отдельно обозначил позицию Советской России по условиям Каннской резолюции – при принципиальном согласии со многими ее положениями, советская делегация считала допустимым вносить в нее поправки и дополнительные пункты.

Г.В. Чичерин отдельно остановился на проблеме предотвращения войны, поскольку предполагал, что без создания условий для мирного существования государств все попытки экономического восстановления будут бесполезны²⁷⁸. В связи с этим, советская делегация была намерена предложить обсуждение вопросов всеобщего разоружения, снижение уровня милитаризма, что предполагало уменьшение численности армий и расходом на вооружение со стороны всех государств, а также обсуждение вопросов по выработке ограничений в ведении войны. Выступление Г.В. Чичерина оказало огромное впечатление на представителей западных держав и прессу. После вступительных речей произошел «дипломатический поединок Ж. Барту и Г.В. Чичерина», предметом которого стали вопросы трактовки условий Каннских резолюций и вопросы разоружения, что свидетельствовало о серьезных противоречиях между государствами, а также

²⁷⁷ Там же. С.89-93.

²⁷⁸ Там же. С. 91.

«неприменимость в отношении Российского государства тона превосходства и нажима»²⁷⁹.

Уже в первые дни работы конференции стало очевидно, что по отношению к Советской России существовало две основные точки зрения, которые отстаивали Великобритания и Франция. Политика Д. Ллойд Джорджа исходила из необходимости установления и развития торговых отношений с Россией, для чего он считал важным поиск путей развития торговли. Франция отстаивала позицию о необходимости сохранения изоляции Советской России, поскольку Россия располагала значительным военным потенциалом. Она с недоверием оценивала заявления советского руководства о разоружении и совместным усилиям по поддержанию мира в Европе.

Так, например, французская газета «Руль» считала непоследовательной позицию своей страны в «русском вопросе», отмечая, что руководство Франции довольно резко меняет политику от полного неприятия идти на переговоры с советским руководством до готовности вести диалог и даже достичь соглашения с советскими представителями, в связи с чем делался вывод о необходимости быть готовым «к разного рода сюрпризам, которые в общем едва ли изменят отношение Франции к России»²⁸⁰. Эмигрантские публицисты также соглашались с данной позицией, полагая, что цель бельгийцев и французов – обеспечение своих материальных интересов, оставшихся в России, а итальянцев – превращение юга России в свои колонии. Во время Генуэзской конференции также активно работали различные антисоветские агентуры. Особую роль играла агентура Дж. Л. Уркварта и Г. Детердинга. Г. Детердинг и его уполномоченный – полковник Дж. Бойль пользовались поддержкой Форин Офиса. Они добивались от советского правительства не только возвращения национализированного имущества, но и монополии на кавказскую нефть.

²⁷⁹ Ахтамзян А.А. Профили Рапальской дипломатии (очерки). С. 102.

²⁸⁰ Руль. 24.03.1922.

В ходе Гёнуэзской конференции становилось понятно, что западные державы все больше склоняются к возможности проведения переговоров с Советской Россией. Германия искала возможности для проведения переговоров с Великобританией, однако получала отказы. Невозможность согласования позиции по вопросу задолженностей России с западными странами, а также вероятность расширения репараций на советское государство делали позицию Германии все более уязвимой.

Заседания на вилле «Альбертис», в которых принимали участие представители стран Антанты и Советской России, привлекали пристальное внимание немецких представителей. Германская делегация старалась вести себя на конференции осторожно, поскольку с одной стороны опасалась давления со стороны Советской России, а с другой стороны боялась спровоцировать негативное отношение государств Антанты, в первую очередь Великобритании. Представители последней при этом постоянно сообщали Германии о своем доброжелательном отношении²⁸¹.

В ходе переговоров на вилле «Альбертис» западные державы полагали, что им удастся навязать Советской России выгодные им условия возобновления экономического сотрудничества. Советская страна, находившаяся в состоянии экономической разрухи, не могла полностью выполнить требования, выдвигаемые западными державами. Советская Россия была готова пойти на уступки по вопросам компенсации собственникам национализированного имущества, а также частично вернуть довоенные займы частным держателям, но лишь при условии полного юридического признания Советского государства и получения определенных гарантий мира. После того как, информация о переговорах начала активно обсуждаться в дипломатических кругах, позиция германской делегации достаточно резко изменилась. Изначально выбранная линия поведения Германии, связанная с сотрудничеством со странами Антанты, показала свою несостоятельность, поскольку Германия была исключена из обсуждения

²⁸¹ Joeres N. Op. cit. S. 411-415.

вопросов восстановления экономических и политических отношений с Советской Россией.

Одним из сложных вопросов данного периода является участие А. Джанини и его влияние на ход переговоров. Современники и историки по-разному характеризовали его должности: Г.В. Чичерин назвал его итальянским послом в Лондоне, Н.Н. Любимов и А.Н. Эрлих считали его торговым атташе Италии в Лондоне и атташе ее делегации в Генуе, А.А. Ахтамзян считал его сотрудником итальянского МИДа. На данное противоречие обращал внимание американский исследователь Дж.Ф. Кеннан, также задаваясь вопросом, почему А. Джанини активно вел переговоры со всеми делегациями²⁸².

Вместе с тем, участие А. Джанини могло оказать решительное влияние на развитие германо-советских переговоров. 14 апреля А. Джанини нанес визит канцлеру Й. Вирту, в ходе которого по поручению министра иностранных дел К. Шанцера сообщал германской делегации о содержании переговоров, проходивших между советской делегацией и представителями стран Антанты. А. Джанини указывал, что переговоры ведутся с целью выяснения позиции русских относительно Лондонского меморандума. При этом А. Джанини высказал позицию, что меморандум был представлен на конференции «по недосмотру», при этом стал основой для проведения переговоров²⁸³. Позиция германской делегации состояла в том, что Германия не может принять для себя условия Лондонского меморандума в том виде, в котором присутствуют пункты по статье 116 Версальского договора²⁸⁴.

Советская делегация была согласна на признание довоенных долгов, однако выдвигала контрпретензии, связанные с интервенцией и поддержкой союзниками А.И. Деникина, А.В. Колчака и Н.Н. Юденича. Кроме того обсуждались вопросы взаимного погашения довоенных и военных долгов, а также требований по возмещению национализированного имущества. В

²⁸² Kennan G.F. Op. cit. P. 218-219.

²⁸³ Joeres N. Op. cit. S. 388.

²⁸⁴ ADAP. Ser. A. B. VI. Goettingen, 1988. S.116-117.

сложившейся обстановке, когда Германия была исключена из обсуждения вопросов долговых обязательств. Германская запись беседы с А. Джанини подводила итог, что переговорный процесс был близок к завершению, советские представители и страны Антанты смогли прийти к решению долговых претензий, которые были основаны на условиях Лондонского меморандума, что могло быть связано с экономическими последствиями для Германии²⁸⁵. Германская делегация по результатам проведенных переговоров приходила к выводу о том, что советское государство было склонно пойти на уступки западным державам по долговым претензиям, в то время как в отношении Германии планировалось сотрудничество на условиях, неравных с другими западными государствами. После подобных сообщений германская делегация была вынуждена предпринимать решительные шаги по обсуждению спорных вопросов с советской делегацией.

Исследователи по-разному описывают обстановку, которая сложилась во время переговоров советской делегации и представителей стран Антанты на вилле «Альбертис». Различными также являются оценки позиции германской делегации по отношению к данным переговорам. В своем дневнике У. Мальцан отмечал, что сразу после визита А. Джанини, В. Ратенау дал поручение «установить теперь контакт с русскими, чтобы возобновить обмен мнениями, прерванный в Берлине»²⁸⁶. Результатом данного решения стало то, что У. Мальцан немедленно связался с А.А. Иоффе и назначил встречу на следующее утро²⁸⁷. Участники переговоров давали различное описание и оценки событиям, связанным с подготовкой к подписанию Рапалльского договора. У. Мальцан указывал на то, что В. Ратенау был негативно настроен по отношению к возможному заключению соглашения с Советской Россией, однако постепенно его позиция ослабевала, что в первую очередь было связано с нежеланием английской делегации

²⁸⁵ ADAP. Ser. A. B. VI. S.126.

²⁸⁶ Ibid.

²⁸⁷ Ibid. S.127.

обсуждать с Германией вопрос о переговорах с Советской Россией²⁸⁸. Сомнения вызывала и реакция правительства, поскольку президент Ф. Эберт возражал против заключения договора с правительством большевиков. При этом часть делегации, в первую очередь У. Мальцан, Р. Гильфердинг и многие экономические эксперты выступали за немедленное возобновление переговоров с советской делегацией²⁸⁹. Не отказываясь от попыток организовать встречу с английской делегацией, В. Ратенау пришел к решению о необходимости проведения переговоров с Советской Россией с тем, чтобы продолжить обсуждение вопросов о восстановлении отношений.

Исследователи и современники дают разное описание и оценки ситуации, которая сложилась перед заключением Рапалльского договора. Основные расхождения связаны как с хронологией событий, так и с персональным участием представителей обеих делегаций в принятии решений. Так, германский историк П. Крюгер полагал, что личные и телефонные переговоры между делегациями проводились еще 15 апреля, однако информация об этом была позднее скрыта²⁹⁰. Участник советской делегации Н.Н. Любимов в своих воспоминаниях указывает на то, что звонок У. Мальцану поступил от А.В. Сабанина и «разговор был коротким – не более трех минут»²⁹¹. Историк Н.Н. Станков в своей публикации обратил на этот факт внимание, указав, что краткость телефонного разговора, а также невысокий ранг А.В. Сабанина дают возможность предположить, что до звонка в ночь с 15 на 16 апреля на более высоком уровне происходили предварительные переговоры между германскими и советскими представителями²⁹².

На следующий день состоялась встреча советских представителей А.А. Иоффе и Х.Г. Раковского с У. Мальцаном, в ходе которой советские

²⁸⁸ История дипломатии. Т. 3. С. 283.

²⁸⁹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч. С.72.

²⁹⁰ Kruger P. *Rainy Day, April 16, 1922: The Rapallo Treaty and the Cloudy Perspective for German Foreign Policy*// *Genoa, Rapallo and European Reconstruction in 1992*. Washington, 1991. P.54-55.

²⁹¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч. С. 70.

²⁹² Станков Н.Н. Указ. соч. С. 4.

представители проинформировали германскую сторону о ходе переговорного процесса со странами Антанты, а также отметили сложности, возникшие в связи с выдвинутыми советской стороной контрпретензиями²⁹³. В целом переговоры были отмечены, как благоприятные. По результатам данных переговоров У. Мальцан сделал запись, в которой указывал, что попытался выяснить позицию советских представителей по возможностям возобновления переговоров, начатых перед Генуэзской конференцией в Берлине. Он также обратил внимание на то, что Великобритания с меньшей долей вероятности, чем Германия могла предоставить экономическую помощь Советской России. В обмен на перспективы развития экономических отношений и предоставления кредитов советской промышленности, У. Мальцан ожидал со стороны Советской России «в порядке компенсации, чтобы они дали нам возможность путем наибольшего благоприятствования получить долю в тех особых привилегиях, которые Антанта получила бы в итоге переговоров на вилле Ллойд Джорджа, и предоставили бы нам гарантии относительно статьи 116»²⁹⁴.

Советские представители выступали за подписание договора с Германией и подчеркивали, что независимо от урегулирования отношений с Антантой, Советская Россия хотела бы установить отношения сотрудничества с Германией. Согласование текста договора советские представители решили отложить до приезда Г.В. Чичерина, который находился на вилле «Альбертис», отметив, что формулировки будущего соглашения, достигнутые в Берлине, могут быть пересмотрены.

Сразу после встречи с советскими представителями У. Мальцан отправился к английской делегации, чтобы проинформировать ее о проведенной беседе и побудить пойти на отмену тех пунктов Лондонского меморандума, которые не устраивали Германию. После сообщения представителям Великобритании о происходящих переговорах с советскими

²⁹³ ADAP. Ser. A. B. VI. S.127.

²⁹⁴ Ibid.

дипломатами, У. Мальцан обратился в просьбой пойти на уступки по отдельным статьям Версальского договора. Представитель Великобритании Е. Уайз при этом высказался об осведомленности английской делегации по поводу встречи германской и советской делегаций, а также предупредил У. Мальцана, что изменения позиции одной Великобритании и ее согласие на пересмотр Версальского договора будет недостаточно для полноценного изменения ситуации²⁹⁵. Обстановка в Генуе обострялась и становилась крайне невыгодной для германской стороны. Не обладая полными сведениями о том, как проходят переговоры на вилле «Альбертис» и за счет какой страны, Германии или России, будет решен вопрос между Антантой и Советской Россией, Германия начала вести двойную игру. За день до подписания Рапалльского договора О. Мюллер написал президенту Ф. Эберту: «...как показали наши контакты с русскими, сообщения о продвижении этих переговоров и об их итоге опережают собой факты»²⁹⁶. В то же время Германия понимала опасность того, что Россия может уступить Антанте, обманув немцев постоянными заявлениями о доброжелательстве к ним. У. Мальцан сообщил о готовности германской стороны возобновить переговоры с Советской Россией на основе обсуждения двух моментов: наибольшего благоприятствования и отказа от статьи 116 Версальского договора.

В дополнение к тому, что германские дипломаты слышали от А. Джанини, советских представителей и английского дипломата, из самых разных источников (корреспондента немецкой газеты «Фоссише Цайтунг» Г. Раймера, от голландца ванн Флессинга и др.) стали распространяться слухи, что переговоры между странами Антанты и Советской Россией успешно завершены и достигнуты взаимоприемлемые условия соглашения. Данное сообщение вызвало заметное беспокойство со стороны Германии, о чем У. Мальцан сделал запись, в которой отмечал подавленное состояние

²⁹⁵ ADAP. Ser. A. B. VI. S.128.

²⁹⁶ Рубинштейн Н.Л. Советская власть и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). С. 280.

германской делегации. Согласно его заметкам после возвращения делегации в гостиницу, от Е. Уайза поступил телефонный звонок, в ходе которого последний уточнял, какие статьи Лондонского меморандума германская сторона считала неприемлемой для себя. «Когда с германской стороны, кроме статьи 116, была названа еще и статья 260 Версальского договора, Уайз холодно сказал, что об этой статье вообще не идет речь. Какого-либо заверения, что эта статья не будет применена против нас, Уайз не дал и в этот вечер»²⁹⁷.

В период Генуэзской конференции германские дипломаты исходили из того, что позиция французской делегации была неизменной и ожидаемой. В целом французская дипломатия по вопросу отношений с Германией совпадала с общей политикой Р. Пуанкаре, проводимой до конференции. В период конференции глава французской делегации Л. Барту постоянно докладывал Р. Пуанкаре о проводимых переговорах и согласовывал линию поведения с ним. В большей степени сложности для германской делегации вызывала позиция Великобритании, которую проводил Д. Ллойд Джордж. Несмотря на многочисленные попытки германских представителей – В. Ратенау, У. Мальцана, К. Бергмана – установить контакт с английской делегацией, английская сторона всячески избегала встреч и переговоров²⁹⁸. Для Великобритании важной тактикой являлось обсуждение вопросов с советской делегацией при участии других стран (Бельгия, Италия, Франция) в полуофициальном формате. Это давало возможность создать условия, в которых против советского государства страны Запада выступали единым фронтом и добиться принятия Советской Россией тех претензий, которые были к ней предъявлены. Несмотря на то, что переговоры были начаты в большой тайне, сведения об их проведении и даже общих вопросах, подлежавших обсуждению и согласованию довольно быстро стали известны делегатам других стран и журналистам.

²⁹⁷ ADAP. Ser. A. B. VI. S. 128.

²⁹⁸ Ibid.

При такой линии поведения со стороны английской делегации стало понятно, что политика Германии, направленная на согласование своей позиции с Великобританией, не могла привести к позитивным результатам. Английская делегация не была заинтересована в позиции Германии, поскольку ошибочно полагала, что последняя не заключит договор с Советской Россией. Я. Рудзутак отмечал, что «немцев на подписание русско-германского договора подтолкнул Ллойд Джордж, которому необходимо было создать для Франции угрозу в виде отделения из общего блока Германии»²⁹⁹.

Вместе с тем, оба государства, не получив от переговоров со странами Антанты в ходе официальных встреч и полуофициальных контактов желаемых для себя результатов, пришли к решению о необходимости возобновления двусторонних переговоров. Невозможность достижения соглашения со странами Антанты толкнули Германию и Советскую Россию на возобновление двусторонних переговоров, начатых в Берлине, о чем германская сторона сообщала в Берлин телеграммой, подчеркивая, что содержание договора было ранее согласовано и «будет соответствовать хранящемуся у Гаушильда проекту»³⁰⁰.

На переговоры с советскими представителями с германской стороны прибыл рейхсминистр В. Ратенау со статс-секретарем Э. Симсоном и У. Мальцаном. Германская сторона обратилась с предложением дополнительного обсуждения текста соглашения и включением в него положения, которое давало бы гарантии равного положения Германии с другими государствами в том случае, если советское руководство пойдет на уступки западным странам по вопросу компенсации национализированного имущества³⁰¹. Текст договора был выработан к вечеру того же дня. В. Ратенау и Г.В. Чичерин обменялись также доверительными письмами, которые давали истолкование договора. Большое значение имел именно

²⁹⁹ Доклад Э.Я. Рудзутака о Генуэзской конференции // «Исторический архив». 1962. №2. С.90

³⁰⁰ Noeres J. Op. cit. S.431.

³⁰¹ ADAP. Ser. A. B. VI. S.130.

вклад подписантов Рапалльского договора В. Ратенау и Г.В. Чичерина в процессе обсуждения и заключения соглашения: «Уроки истории свидетельствуют, что в сложной тупиковой ситуации, когда объективные факторы не позволяют решить назревшие проблемы, на передний план выходят личности, в реальности делающие историю. Таковыми в Рапалло стали два человека: Вальтер Ратенау со стороны Германии и Георгий Чичерин от России. Достоинно восхищения, как эти два политика, представлявшие государства, построенные на основе противоположных систем и ценностей и преследовавшие во многом разные цели, сумели «найти» друг друга»³⁰².

Для Советской России предложение германской делегации возобновить переговоры было весьма выгодным. Г.В. Чичерин писал: «От нашего ответа по поводу представленного нам предложения теперь зависит судьба Генуэзской конференции наших будущих европейских отношений»³⁰³. В результате проведенных переговоров, был заключен Рапалльский договор, согласно которому Германия и Советская Россия взаимно отказывались от претензий друг к другу³⁰⁴. Договор также стал основой для восстановления дипломатических и консульских отношений и предусматривал восстановление и развитие экономического взаимодействия, исходя из принципа наибольшего благоприятствования.

Советское руководство дало положительную оценку советско-германскому соглашению. В.И. Ленин обращал внимание на то, что Рапалльский договор продемонстрировал равноправие капиталистической и социалистической систем собственности «хотя бы как временное состояние, пока весь мир не отошел от частной собственности и порождаемых ею экономического хаоса и войн к высшей системе собственности»³⁰⁵. В статье

³⁰² Баев В. Г., Фролов С. А., Мещерякова С. В. Советско-германский Рапалльский договор: причины, цели, подписанты. С. 89.

³⁰³ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. П.1. Д. 4. Л.30

³⁰⁴ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 2. С.479.

³⁰⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С.193.

«Генуэзские плоды» И.М. Майский писал о советско-германском сотрудничестве и его значении для обоих государства как о естественном положении для Германии и Советской России. Он предполагал, что экономики двух стран имеют важное значение друг для друга, технический, научный, инженерный потенциал Германии при взаимодействии с природными и людскими ресурсами Советской России «способны создать такой мощный политический и экономический комплекс, который может не бояться всего остального мира»³⁰⁶.

При этом заключение Рапалльского договора привело к изменению позиции советской делегации на конференции. Невозможность урегулирования спорных вопросов со странами Антанты была компенсирована достижением соглашения с Германией.

Германская делегация также дала оценку заключенному договору и его последствиям. В. Ратенау после заключение соглашения обращал внимание на то, что договоренности с Советской Россией были достигнуты не только в результате стремления к взаимодействию со стороны двух стран, но и под давлением тех условий, в которых находились делегации, напряженности, создаваемой западными государствами. При этом он указывал, что германская делегация не была в полной мере уверена в готовности советских дипломатов пойти на соглашение³⁰⁷.

Подписание Рапалльского договора значительно ухудшило положение германской делегации на Генуэзской конференции, так как она заключила соглашение с Советской Россией, выступавшей в качестве идеологического и политического противника западных государств. В результате противоречия между Германией и странами Антанты обострились до такой степени, что это стало вызывать серьезную обеспокоенность германских дипломатов. При этом В. Ратенау всячески отстаивал позицию о значимости Рапалльского договора для Германии, поскольку он давал возможность для Германии

³⁰⁶ Международная жизнь. 1922. №12 (130). С.5.

³⁰⁷ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 2. С.539-540.

выйти из изоляции, в которой государство оказалось после Первой мировой войны: «Этот договор означает для нас действительно шаг вперед. Впервые мы смогли вновь свободно подать руку народу, который не является ни нашим кредитором, ни нашим должником»³⁰⁸.

Позиция германской делегации доносилась и через прессу, защищая Рапалльский договор в глазах общественности. 20 апреля журналист германской газеты «Дейче Альгемайне» сообщал из Генуи, что для германской делегации абсолютно недопустимо было «взять обратно германо-русский договор». По его сообщению, такая позиция о важности договора была как со стороны германской, так и со стороны советской делегаций³⁰⁹.

В то же время, заключение Рапалльского договора стало предметом обсуждения среди политиков Германии. Так, М.Ю. Бонн предполагал, что договор может создать препятствия в последующем, так как помешает Германии получить кредит от западных стран. Г. Бернхардт напротив предполагал, что для Германии действительно важным итогом участия в Генуэзской конференции стало заключение советско-германского соглашения который позволил стране выйти из международной изоляции и возобновить выгодное сотрудничество с Советской Россией³¹⁰. Редакция газеты «Фоссише Цайтунг» обращала внимание на тот факт, что заключение советско-германского договора было вызвано той политикой, которую в отношении Германии проводили западные союзники, при этом также положительно оценивая его значение для страны: «Историческое значение конференции заключается в приобщении России к кругу наций, заинтересованных в восстановлении Европы»³¹¹. «Вестминстер Газетт», полагая, что Германия и Советская Россия должны занимать место среди мировых держав, в связи с чем попытки западных стран изолировать их в политическом и экономическом плане были заранее обречены. Кроме того,

³⁰⁸ Там же. С. 540.

³⁰⁹ Там же. С. 495-497.

³¹⁰ Ткачев С.М. Указ соч. С.114.

³¹¹ Vossische Zeitung. 19.05.1922.

очевидным была необходимость вовлечения Германии и России в европейскую и мировую экономику для скорейшего преодоления негативных последствий Первой мировой войны. Указывалось также, что «было бы глупо воображать, что Франция, Италия и Великобритания смогут длительное время выступать в роли диктаторов Европы»³¹². «Дейчс-тагесцайтунг» указывала, что заключение соглашения означало поворот во внешней политике Германии, которая стремилась к развитию двусторонних отношений с Советской Россией вместо участия в общих действиях со странами Запада в рамках международного консорциума. При этом важным являлся сам факт проведения Германией самостоятельной, не зависящей от западных держав внешней политики, поскольку «Германия является суверенной державой, не зависящей от Антанты в своих действиях, и этот факт должен вызвать в национальных кругах чувство удовлетворения»³¹³. «Берлинер тагеблат» также одобряла подписание договора, делая акцент на его внешнеполитических последствиях, значении для повышения престижа и авторитета, ставя под сомнение момент заключения договора и последствия реакции со стороны западных стран³¹⁴.

Большое количество статей в иностранной и германской прессе, его активное обсуждение общественностью, вызывало беспокойство В. Ратенау. Для снижения напряженности, вызванной подписанием договора, В. Ратенау разослал по дипломатическим ведомствам европейских государств сообщение о соглашении, в котором обращал внимание на то, что двусторонний договор не наносит вреда другим государствам в материальном плане³¹⁵. А также обращал внимание на обстоятельства заключения договора, связанные с попытками стран Антанты провести сепаратные переговоры с Советской Россией и получить от нее уступки за счет договоренностей, ухудшающих экономическое положение Германии.

³¹² Westminster Gazette, 19.4.1922.

³¹³ Deutsche Tageszeitung, 18.4.1922.

³¹⁴ Frankfurter Zeitung, 18.05.1922.

³¹⁵ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. Т. 2. С. 500.

В конце июня в рейхстаге происходило обсуждение Рапалльского договора, которое не вызвало широкой дискуссии, поскольку практически все политические партии высказались положительно о Рапалльском договоре. Несмотря на то, что политические и экономические круги Германии одобряли заключение советско-германского договора, такое мнение не было столь единодушным, как это представляло советское руководство. А.В. Лучников обращает внимание на то, что основным подходом было стремление доказать общественности, что для «Германии договор – это панацея от всех бед, а для России – лишь закономерный шаг, подтверждающий ее высокое положение в международной политике»³¹⁶. Подобная позиция транслировалась через официальные органы печати в Советской России. Сообщая о докладе в рейхстаге «О Генуе и положении рабочего класса», в газете «Международная жизнь» приводилось положение, что «содержащиеся в русско-германском договоре принципы одни только и могут вывести из бедственного положения Германию»³¹⁷.

Спустя десять лет после заключения Рапалльского договора М.М. Литвинов подчеркнул, что договор открыл действительно новый период в международных отношениях. Он считал, что Рапалльский договор и развитие советско-германских отношений на его основе стали гарантией мирного существования европейских государств. При этом он указывал, что существование подобных соглашений между государствами могли бы создать условия для укрепления мира в Европе. Он выражал сожаление, что «остальные участники Генуэзской конференции не сочли нужным заключить между собой общее соглашение на началах Рапалльского договора»³¹⁸.

Долгое время советские историки оценивали Рапалльский договор как пример успешных действий советских дипломатов, поскольку в тяжелых условиях взаимодействия с недружественно настроенными государствами

³¹⁶ Лучников А.В. Восприятие Германии большевистским руководством (1918-1922 гг.). // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 107.

³¹⁷ Международная жизнь. 1922. №7 (125). С.4.

³¹⁸ Правда. 17.04.1932.

они смогли обеспечить государству прорыв единого фронта капиталистических стран. Для Германии они полагали главным итогом договора то, что после войны и Версальского договора, германо-советское соглашение означало заключение первого соглашения не с позиции проигравшей стороны. Однако за пределами анализа оставалось значение договора для развития Европы, его влияние на изменение позиции Германии в отношениях со странами Антанты и воздействие на обсуждение репарационной проблемы. Подобной позиции придерживался А.А. Ахтамзян, полагавший, что заключение Рапалльского договора было вызвано в первую очередь экономическими потребностями Германии, во многом связывая ее внешнеполитический курс с внутренними экономическими трудностями: «Тенденция к нормализации экономических и политических отношений и налаживанию торговли с Советской Россией не случайно усилилась в начале 1922 г. в это время ухудшилось экономическое положение Германии»³¹⁹.

Оценивая значение Рапалльского договора, Г.В. Чичерин приводил его в качестве образца тех соглашений, которые советское руководство считало необходимым заключить с другими государствами, и отмечал, что именно такое стремление было основой советской внешней политики³²⁰.

Большинство эмигрантов признавало Геную как безусловный дипломатический успех советских представителей. П.Н. Милюков считал, что западные страны выдвинули по отношению к России невыполнимые условия: признание и компенсация долгов и ущерба, что привело к неудачам переговорного процесса в рамках конференции. Также он отмечал отсутствие единства среди западных стран, что в значительной мере усложняло ход конференции и мешало выработке решений³²¹. П.А. Гарви полагал, что Генуэзская конференция закончилась ничем, «но в последнюю минуту Красной дипломатии удалось использовать критическое положение

³¹⁹ Ахтамзян А.А. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). С. 82.

³²⁰ Чичерин Г.В. Указ.соч. С.289.

³²¹ Милюков П.Н. Указ соч. С. 299-302.

Германии и заключить договор в Рапалло», что и явилось единственным реальным итогом конференции³²².

Установление дипломатических отношений между Советской Россией и Германией на основе подписания Рапалльского договора 1922 г. стало отражением экономических потребностей двух стран, существовавших и не решенных после окончания Первой мировой войны. Длительные переговоры, которые велись между представителями двух государств в ходе подготовки и во время Генуэзской конференции 1922 г., свидетельствуют об объективной необходимости сближения государств и совместных действий для отстаивания своих интересов на европейском континенте.

Стремление Германии согласовывать свою позицию с Великобританией и действовать в русле английской политики, которое проявилось в начале Генуэзской конференции, сталкивалось с жесткой позицией французской дипломатии, которая отказывалась идти на уступки в репарационном вопросе. Французское правительство отстаивало приоритет выплаты репараций по отношению к выплате долгов, что не давало возможности достичь соглашения между Великобританией и Францией. Данные противоречия, негибкая и неоднозначная политики в отношении Германии приводили к попыткам использовать статьи Версальского договора как предмет обсуждения и торга в переговорах с Советской Россией. С другой стороны, стремление Франции и Великобритании жестко отстаивать претензии по военным и довоенным долгам, заставили Советскую Россию и Германию пойти на двустороннее соглашение.

Подписание Рапалльского договора открыло новый период в отношениях между Германией и Советской Россией. Он создал новую обстановку в Европе, поскольку заложил дипломатическую основу для дальнейших отношений между Германией и Советской Россией. Данное партнерство, расширение экономических связей, сотрудничество в различных сферах, в том числе и военной, выступало в качестве

³²² Гарви П. Указ. соч. С.14.

обстоятельства, влиявшего не только на выработку внешней политики двух государств, но и учитывалось странами Антанты при принятии дальнейших решений в отношении как советского государства, так и Германии.

2.3. Реакция стран Запада на подписание Рапалльского договора 1922 года

Заключение Рапалльского договора повлияло на дальнейшую работу Генуэзской конференции, поскольку создавало недоверие со стороны западных стран в отношении Германии и Советской России. Стали активно распространяться слухи о заговоре, подготовленном Советской Россией и III Интернационалом, политической и идеологической подготовке к мировой революции³²³. Также предметом обсуждения стало содержание советско-германского договора, который рассматривался как основа для создания военного союза двух государств. Из различных источников поступали сведения об обсуждении во время советско-германских переговоров вопросов совместных военных действий Германии и Советской России, направленных против Польши³²⁴.

Советско-германский договор повлиял на расстановку сил в Европе, поскольку ослабил позиции Франции, степень ее влияния на государства Малой Антанты; политические и экономические деятели Великобритании и Италии высказывали мнения о необходимости признания советского государства и полной нормализации с ним экономических отношений. Геополитическое положение Польши значительно ухудшилось, так как она оказалась между двумя недружелюбно настроенными государствами, которые противодействовали реализации ее внешнеполитических интересов.

Дополнительным фактором стало то, что Рапалльский договор изменил расстановку сил на Генуэзской конференции и в целом в Европе. Вместо блока Германии и стран Антанты, направленного против Советской России появлялся фактор советско-германского сотрудничества. Такое изменение создавало противоречия между странами Антанты, в первую очередь между Великобританией и Францией. Р. Пуанкаре отстаивал позицию о необходимости противодействия сближению Германии и Советской России,

³²³ Станков Н.Н. Указ. соч. С.7.

³²⁴ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P. 519-520.

поскольку видел угрозу европейской безопасности в возможном создании военного союза между двумя странами³²⁵, он обращался с требованиями аннулировать договор и распустить конференцию³²⁶. Д. Ллойд Джордж считал необходимым предложить обсуждение вопросов в рамках конференции, поскольку не соглашался с политикой Франции и предполагал невозможным взаимодействовать с Германией и Советской Россией только в позиции силы и давления³²⁷. При этом со стороны английской делегации звучали упреки в адрес французского руководства, которое они обвиняли в создании условий для подписания советско-германского договора. Д. Ллойд Джордж обвинял французское руководство в том, что оба государства были вынуждены прийти к двустороннему обсуждению долговых вопросов, что и создало основу для достижения соглашения³²⁸. По его мнению, именно Франция не была готова идти на уступки Советской России и наставила на непременном признании советским правительством довоенных долгов. Подобные заявления усиливали противоречия между английской и французской делегациями, что привело к решению Р. Пуанкаре о необходимости французской делегации отстаивать собственные интересы даже в том случае, если они противоречат политике Великобритании. Французское руководство подозревало английскую делегацию в том, что во время секретных англо-германских переговоров и полуофициальных встреч английская дипломатия подталкивала Германию к заключению соглашения с Россией и выступала между странами в качестве посредника. Р. Пуанкаре придерживался мнения, что заключенный договор это «вызов, брошенный всякому лояльному взаимодействию. К тому же вероятно, он давно готовился в Берлине и опубликованные статьи – не единственные»³²⁹. Л. Барту еще до заключения договора сообщал о проведении переговоров между Германией и Советской Россией. Он считал, что советско-германское сближение было

³²⁵ Ibid. P. 559.

³²⁶ Ibid. P. 579.

³²⁷ Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Ser. 1. Vol. XIX. P.508-512.

³²⁸ Ibid. P. 422-428.

³²⁹ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P. 490

вызвано беспокойством германской делегации по переговорам Советской России со странами Антанты: «они имеют полную информацию об этих переговорах, они играют свою роль и оказывают на них влияние».³³⁰

Франция и Великобритания занимали разные позиции по вопросам долгов, так как для Франции важным было вернуть довоенные долги, в то время, как Великобритания была заинтересована в первую очередь в возврате военных займов. Как следствие, страны занимали разные позиции по вопросам возврата национализированной собственности: Франция выступала за восстановление прав собственников, Великобритания считала необходимым получение компенсаций.

Подписание Рапалльского договора еще больше обострило данные противоречия и продемонстрировало различия в интересах западных держав. По инициативе французского премьера Р. Пуанкаре начался анализ положений Рапалльского договора на предмет его соответствия положениям Версальского мира³³¹. Еще одним шагом стало создание ноты от имени западных стран³³², Франция также настаивала на отстранении Германии от работы конференции. Французская позиция была настолько жесткой, что предполагалось покинуть конференцию, в случае невыполнения Германией и Россией предъявленных требований³³³. Подобная категоричность французского руководства создавала сложности для дипломатов, поскольку не давала возможность согласовывать действия с Великобританией, приводила к еще большему обострению противоречий в Антанте. Результатом подобной французской политики могло стать блокирование договоренностей и соглашений, достигнутых между Францией и Великобританией и в итоге изоляция Франции. Опасность такого развития ситуации хорошо понимал руководитель французской делегации Л. Барту, который склонялся к сотрудничеству с Великобританией и поддержки

³³⁰ Ibid. P. 483.

³³¹ Ibid. P. 488.

³³² Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Ser. I. Vol. XIX. P. 443-445.

³³³ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P.489-490.

английской политики³³⁴. Вместе с тем, позиция Франции была не столь категорична, о чем свидетельствуют сообщения по линии Наркомнешторга, в которых указывалась заинтересованность Франции в установлении экономических отношений с Советской Россией. В соответствии с донесениями, со стороны французских представителей на заключительном этапе конференции высказывались неофициальные замечания по поводу позиции Франции. Они полагали, что негативная реакция французской делегации, и Л. Барту была обусловлена внутривластной обстановкой, «между тем как в действительности правительство Пуанкаре очень не прочь вступить в деловые отношения в России при условии постепенного приготовления почвы»³³⁵.

Рапалльский договор также воспринимался Францией как угроза ее политике безопасности. В интервью Дейли Геральд Л.Д. Троцкий заявлял, что Германия и Россия всегда были естественными союзниками, и что приглашение Германии на Генуэзскую конференцию уже означало пересмотр Версальского договора³³⁶. Во Франции активно обсуждалось не только содержание самого договора, но и вероятность наличия секретных положений, подразумевавших военной взаимодействие. Подобные предположения высказывались в прессе, становились предметом обсуждения дипломатами³³⁷. Кроме того, появлялись сообщения, подтверждавшие, что взаимодействие военных двух стран, нарушавшие Версальский мирный договор, началось еще до созыва конференции. Отдельные представители Франции предполагали, что в период проведения переговоров в Берлине были достигнуты соглашения, позволяющие: «в случае возможных осложнений во время Генуэзской конференции, либо до, либо сразу после нее, на двойной польско-русской и польско-германской границе провести

³³⁴ Ibid. P. 499-500.

³³⁵ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. Д.2. П. 1. Л.212.

³³⁶ Cabel P.M. The communist Challenge to Versailles: British and French assessments of Soviet strategic policy in Europe, 1922-27. Calgary, 2011. P. 100.

³³⁷ Трусова М.А. Германо-советские отношения в 1918-1926 гг. как угроза безопасности с позиции стран Запада // Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития. М., 2023. С. 543.

масштабные действия для того, чтобы произвести впечатление на союзников и вызвать панику в Европе»³³⁸.

Подписание договора вызвало новый виток напряженности и опасений за безопасность европейских стран. Для Франции особое беспокойство было связано с положением Польши, вероятными угрозами со стороны Германии и Советской России. Р. Пуанкаре настаивал на том, что Рапалло доказывало желание Германии бросить вызов Версальской системе, но не на Рейне, а на востоке Европы³³⁹.

Для политического и военного руководства Франции Рапалльский договор стал поворотным моментом³⁴⁰. Хотя и не на равных условиях со странами Антанты, которые старались сохранить устои Версальской системы, Германия установила отношения с одной из ведущих европейских держав, не нарушая при этом условий Версальского мира. Хуже всего для Франции было то, что новое партнерство Германии и Советской России угрожало безопасности на европейском континенте. В первую очередь осложнялось положение созданных после Первой мировой войны государств в Восточной Европе, поскольку существовала вероятность пересмотра положений Версальского договора силовыми методами.

Французское военное командование, проанализировав изменения в расстановке сил после заключения Рапалльского договора делало вывод о том, что если Франция решила захватить Рур, то «лучшего момента для этого не найти»³⁴¹. Французский историк Арто полагал, что сложно говорить об однозначном стремлении Франции к оккупации Рура после заключения Рапалло, вместе с тем советско-германский договор «взволновал французское общественное мнение, создал климат, способствовавший проведению силовой операции»³⁴².

³³⁸ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P. 497.

³³⁹ Ibid. P. 519-522.

³⁴⁰ Cabel P.M. Op.cit. P.2.

³⁴¹ Bariéty J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. P. 96.

³⁴² Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1978. T. 25. No. 1. P. 172.

Французская пресса с большим вниманием отнеслась к заключению договора и политике руководства страны после его подписания. Ряд французских газет, в том числе «Журналь де деба» поддерживал идею правящих кругов о необходимости отстранить от дальнейшего участия в конференции Германию и Советскую Россию. В качестве юридического основания для исключения стран предлагалось использовать условия Каннской резолюции и потребовать однозначного их признания. Другие печатные издания полагали, что необходимо вообще распустить конференцию. Так, «Эко де пари» 19 апреля напечатала статью А. Тардьё, бывшего министра в кабинете Ж. Клемансо. Он резко обвинял Р. Пуанкаре в нерешительности, предполагая, что заключение советско-германского соглашения нарушал принципы, которые были положены в основу созванной конференции³⁴³. При этом отсутствие действенной реакции со стороны стран Антанты наносило удар по их авторитету, и в первую очередь по престижу Франции. «Темп» прямо критиковала Д. Ллойд Джорджа за занятую им позицию в отношении Германии и Советской России, результатом которой стало германо-советское сближение: «Пусть это будет сказано без злого умысла, но Ллойд Джордж был обманут как ребенок. После того, как он делал все, чтобы сгладить последствия войны для Германии и России, постоянно принося в жертву интересы Франции и даже иногда интересы Англии, чтобы ублажать Германию и успокаивать Россию. Он пожертвовал не только интересами, но и принципами, которые считались неприкосновенными»³⁴⁴. Также, пресса рассматривала возможные варианты реакции на заключенный договор. В качестве возможного противовеса усилению советско-германского сотрудничества предлагалось создать действенный англо-французский альянс, предполагая, что «...нужно, чтобы

³⁴³ Международная жизнь. 1922. №7 (125). С.8.

³⁴⁴ Temps. 18.04.1922.

Англия и Франция взаимно обязались вместе выступить в случае опасности»³⁴⁵.

При этом французская печать подчеркивала значение советско-германского соглашения для положения Советской России. Парижская газета «Эр нувель» писала 5 мая 1922 г.: «если Чичерин и не добьется никаких кредитов, он все-таки вернется в Россию с почетом и возросшим престижем. В его активе будет Рапалльский договор и тот знаменательный факт, что среди европейских государственных деятелей он дал пример великолепной выдержки и ничего не принес в жертву на ненавистный алтарь капитализма»³⁴⁶. Корреспондент газеты «Матэн» обращал внимание на возможную заинтересованность В. Ратенау в заключении договора с целью получения льготных условий для АЭГ (всеобщей электрической компании), руководителем которой он ранее являлся. В целом публикации во французской прессе выражали сожаление о юридическом признании Советской России со стороны Германии и высказывали опасения по поводу советско-германского сближения, которое могло привести к созданию военно-политического союза. При этом указывалось, что заключение договора привело к уменьшению возможность для оказания давления на Советскую Россию и Германию со стороны стран Антанты³⁴⁷.

Менее чем через неделю после того, как был подписан Рапалльский договор, Франция представила меморандум о политике в Европе. В нем утверждалось, что в Европе имеется две группы стран. Одна включала Бельгию, Польшу, Данию и страны Малой Антанты (Чехословакию, Румынию и Югославию), ориентированные на Францию. Эта группа стран видела гарантию своего существования в дальнейшем следовании международным договоренностям. Другая группа, которая включала Россию,

³⁴⁵ Международная жизнь. 1922. №7 (125). С.8.

³⁴⁶ Цит. по Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч.. С.102-103.

³⁴⁷ Там же. С. 78.

Австрию, Венгрию, Болгарию, была ориентирована на Берлин в надежде на пересмотр договоров³⁴⁸.

После заключения договора Великобритания присоединилась к обвинительным заявлениям европейских стран в адрес Германии и Советской России, выразив резкие замечания по поводу двустороннего соглашения. Д. Ллойд Джордж намеревался добиться в Генуе значительных политических и экономических результатов, от которых зависел как статут Великобритании в качестве ведущей мировой державы, так и его престиж внутри страны. Он отмечал, что главной целью конференции должно было стать обсуждение на равноправных основаниях вопросов послевоенного экономического восстановления европейского континента. По его мнению, обсуждение всех спорных вопросов, в том числе долговых, репарационных, было возможно до того момента, пока Германия не пошла на подписание двустороннего соглашения с Советской Россией³⁴⁹. Английская пресса стремилась объяснить и оправдать провал политики Д. Ллойда Джорджа, представив советско-германский договор как случайность и политическую ошибку Германии.

При этом Д. Ллойд Джордж занимал двойственную позицию. С одной стороны, он поддерживал Францию в неприятии Рапалльского договора. В то же время он располагал информацией о проводимых советско-германских переговорах и даже имел сведения о содержании соглашения. Подтверждение этому можно найти в заявлениях многих политических и дипломатических деятелей западных стран. Так, еще в период проведения переговоров в Берлине до начала конференции, В. Ратенау указывал, что английское руководство получало в полной мере сведения как о содержании предварительных договоренностей, так и ходе переговорного процесса. У. Мальцан также обращал внимание на то, что «Ллойд Джордж

³⁴⁸ Cabel P.M. Op.cit. P. 90-91.

³⁴⁹ Джордж Д.Л. Указ соч. С. 27.

систематически осведомлялся о всех важных шагах»³⁵⁰ через своего секретаря Е. Уайза. В газетах также появлялись сообщения о переговорах германских представителей с советником премьера Великобритании Е. Уайзом, который по утверждению Н.Н. Любимова не мог не сообщать Д. Ллойд Джорджу сведения, получаемые от представителей Германии³⁵¹. Норвежские дипломаты в отчете о Генуэзской конференции также указывали на осведомленность британского премьер-министра относительно содержания советско-германских переговоров и подготовке к подписанию Рапалльского договора³⁵². Они также отмечали то, что содержание договора не вызывало протеста со стороны Великобритании.

Подобной позиции придерживалась и американская пресса, в которой сразу после подписания договора корреспонденты сообщали о том, что переговоры между Германией и Советской Россией велись еще до открытия Генуэзской конференции и подчеркивали, что В. Ратенау провел ряд встреч не только с советскими представителями, но и с делегатами других стран³⁵³. Размышляя на эту тему, корреспондент «Паблик Леджер» также приходил к выводу, что «этот ход был тщательно спланирован», одновременно с этим заявляя, что заключение германо-советского соглашения происходило с одобрения Великобритании: «Тяжело поверить, что англичане настолько невинны, как кажутся...Итальянцы, которые сотрудничают с англичанами,... с трудом скрывают удовольствие»³⁵⁴. Сообщения о том, что позиции Германии и Советской России были заранее согласованы, появлялись также и во французской прессе: «Темп и Журналь де Деба спокойно признают, что Германия и Россия заранее вели переговоры по поводу соглашения. Они обращают внимание на то, что министр иностранных дел Ратенау упоминал переговоры в Рейхстаге, и на другие факты, прямо подтверждающие, что

³⁵⁰ Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. С. 56.

³⁵¹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ соч.. С. 76-77.

³⁵² АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 30. Д. 52329. П. 199. Л. 23.

³⁵³ New York Tribune. 18.04.1922.

³⁵⁴ The public ledger. 18.04.1922.

такое соглашение находилось на рассмотрении»³⁵⁵. Французское агентство «Гевес» опубликовало заявление М.М. Литвинова, в котором он высказывался о том, что вокруг Рапалльского договора западными странами была поднята излишняя шумиха, обращая внимание на то, что текст договора был разработан и согласован сторонами в начале апреля 1922 г. во время переговоров в Берлине³⁵⁶. Заявления германской стороны подтверждали данную позицию. Р. Гильфердинг, давая интервью французской «Темп» указывал на то, что договор был разработан за несколько месяцев до его подписания. Однако подписание договора произошло лишь в тот момент, когда появилась опасность заключения между Советской Россией и странами Антанты соглашения, угрожающего интересам Германии³⁵⁷.

В американской прессе также появлялись статьи, в которых высказывалось мнение о том, что по основным положениям соглашения были заранее достигнуты договоренности, и оно не было спонтанным и неподготовленным решением. «Нью Йорк Трибьюн» обращала внимание на то, что переговоры между Германией и Советской Россией велись еще до открытия Генуэзской конференции, подчеркивая, что В. Ратенау провел ряд встреч не только с советскими представителями, но и с делегатами других стран³⁵⁸. Подобной позиции придерживалась и «Нью Йорк Геральд», корреспондент которой указывал: «Его общие черты были определены еще во время пребывания Советской делегации в Берлине»³⁵⁹. Мнение о том, что Д. Ллойд Джордж лишь демонстрировал недовольство и негодование по поводу Рапалльского договора, а на самом деле был осведомлен о советско-германских переговорах, неоднократно высказывались отечественными исследователями. Так, К.В. Виноградов указывал на то, что английский премьер предполагал, что согласование позиций между Германией и

³⁵⁵ New York Herald. 19.04.1922.

³⁵⁶ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ соч. С. 76.

³⁵⁷ Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 2. С. 485.

³⁵⁸ New York Tribune. 18.04.1922.

³⁵⁹ New York Herald. 18.04.1922.

Советской Россией будет проходить под контролем Великобритании, «но не рассчитал всех ходов и потому в раздражении писал 19 апреля о «проклятой германской глупости», которая поставила конференцию в опасность»³⁶⁰.

Несмотря на многочисленные свидетельства того, что Великобритания была осведомлена о подготовке Рапалльского договора, Д. Ллойд Джордж в переговорах с французской делегацией демонстрировал негативное отношение как к его содержанию, так и к факту заключения. Он заявлял, что договор противоречил целям и задачам конференции. Кроме того, в связи с подписанием двустороннего соглашения, считал необходимым направить усилия на противодействие формированию союза Германии и Советской России. По его заявлениям, серьезной угрозой безопасности европейского континента могла стать ситуация, когда Советская Россия «окажется способной обеспечить оружием Германию»³⁶¹.

В начале переговоры между Германией и Советской Россией не вызывали беспокойство Великобритании, так как могли быть использованы как инструмент давления на Францию. Г.В. Чичерин, описывая ситуацию еще до начала Генуэзской конференции, обращал внимание на то, что в этот период времени В. Ратенау и Й. Вирт были настроены следовать в русле политики Великобритании³⁶². Однако в ходе Генуэзской конференции отношения между Великобританией и Францией достигли высокой степени напряжения, что было вызвано сменой правительства во Франции. Р. Пуанкаре, вставший во главе французского правительства, резко проявлял несогласие с политикой Д. Ллойд Джорджа. Для последнего было необходимо достичь соглашения и улучшения отношений между Францией и Германией, что отвечало как задачам внешней политики (урегулирование спорных вопросов в Европе), так и целям укрепления собственного авторитета внутри страны. При этом Г.В. Чичерин обращал внимание на то, что в период проведения Генуэзской конференции позиции Великобритании

³⁶⁰ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 346-347.

³⁶¹ Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Ser. 1. Vol. XIX. P.433.

³⁶² Чичерин Г.В. Указ. соч. С. 434.

и Франции по отношению к Германии были различны, «что, между прочим, выразилось в отказе французского правительства поставить на Генуэзской конференции германский вопрос. Однако канцлер Вирт и его министр иностранных дел Ратенау ясно понимали, что Германия ни в коем случае не может без серьезной опасности для своего будущего опираться на одну только Англию без какой-либо опоры континентальных держав»³⁶³. При этом Г.В. Чичерин считал, что для Германии было важным не только опираться на поддержку Великобритании, но и устанавливать отношения с континентальными странами. 26 апреля 1922 г. У. Черчилль направил министру иностранных дел Великобритании Дж. Керзону письмо, в котором подвергал серьезной критике внешнюю политику Д. Ллойд Джорджа, в котором высказывал крайнее беспокойство в связи с наметившимся советско-германским сближением. Он обращал внимание на необходимость изменения английской политики, в связи со сложившейся ситуацией, которая требовала, в первую очередь, восстановление отношений с Францией. Различия в подходах по вопросу русского долга, по его мнению, привели к сильному расхождению позиций с Францией. Итогом этого стало сближение с одной стороны Франции и стран Малой Антанты, а с другой Германии и Советской России. Это в свою очередь создавало для Великобритании угрозу оказаться «в одиноком положении без друзей и без твердой политической линии»³⁶⁴.

Британская пресса неоднозначно оценивала Рапалльский договор. Высказывая диаметрально противоположные позиции. «Вестминстер Газетт» обращала внимание на то, что Германия и Советская Россия являются государствами, которых невозможно вычеркнуть из международной системы³⁶⁵. В то же время «Полл Молл Газетт», считала, что заключенное соглашение являлось более выгодным для Германии и ставило Россию в

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Черчилль В. Мировой кризис. М.; Л, 1932. С.284-285.

³⁶⁵ Westminster Gazette. 18.04.1922.

зависимое положение: «Новый договор делает Россию немецкой колонией и завершает ту работу, которую большевики начали в 1917 году»³⁶⁶.

«Дейли кроникл», выражавшая позицию Д. Ллойд Джорджа, задавалась вопросом, насколько своевременным было заключение договора. В ней не критиковалось содержание договора, поскольку многие положения юридически фиксировали то, что уже существовало фактически на практике³⁶⁷.

Оценивая Рапалльский договор, Форин Офис опирался на два основных подхода: критику английской политики на Генуэзской конференции и преуменьшение значимости договора. Лорда д'Абернона, посла Великобритании в Берлине, критиковали за отсутствие достаточной информации о советско-германских отношениях³⁶⁸.

Еще в начале 1922 г. МИД Великобритании утверждал, что стремление Советской России получить признание со стороны европейских держав, преследовало основную цель – показать значимость советской власти как первого в мире коммунистического правительства. Британия считала, что признание советского правительства сделает легитимной власть большевиков и даст толчок к развитию коммунистического движения в западной Европе. Юридическое признание сделает популярными советские дипломатические методы и будет служить моделью поведения для будущих коммунистических правительств. Таким образом, Великобритания полагала, что признание советского руководства должно стать следствием принятия им дипломатических норм и стандартов, а не основываться только на политических и экономических расчетах.

Другие европейские страны по-разному отреагировали на заключение Рапалльского договора между Россией и Германией. Итальянская пресса проявила к соглашению большой интерес, журналисты обращали внимание на визит А. Джанини, который предшествовал заключению соглашения.

³⁶⁶ The Pall Mall Gazette. 18.04.1922.

³⁶⁷ Daily Chronicle. 18.4.1922.

³⁶⁸ Cabel P.M. Op.cit. P.44.

Итальянские газеты также передавали информацию о том, что Д. Ллойд Джорджу было известно о подготовке к заключению договора: «Ратенау вчера (17 апреля) заявил лицу, заслуживающему полное доверие, что английское правительство было в курсе переговоров, давно уже начавшихся между немцами и русскими, в частности, Ллойд Джордж систематически осведомлялся о всех важных шагах, имевших место в пятницу, субботу и воскресенье. Поэтому его заявления о том, что он ничего не знал, являются неправдоподобными»³⁶⁹.

Позиция Италии на конференции была весьма противоречивой. У Италии существовали определенные внешнеполитические цели, связанные с территориальными претензиями и сферами влияния на Ближнем Востоке и в Африке. Это заставляло ее согласовывать свою политику с Великобританией с тем, чтобы получить преимущества на этом направлении. С другой стороны, внутриэкономические сложности, вызванные резким падением национальной валюты, ростом цен сближали ее с Францией, которая пыталась добиться возвращения к золотым резервам. Перед Италией также стоял вопрос о двусторонних германо-советских отношениях. Торговое соглашение с Россией истекало в июне 1922 г., но Италия не спешила проводить переговоры с советской делегацией во время международной конференции, так как это могло вызвать недовольство Великобритании и Франции. Если до начала конференции Советская Россия рассматривала Италию в качестве одного из наиболее перспективных партнеров, то после заключения Рапалльского договора, не считало подписание советско-итальянского договора в качестве одной из приоритетных задач. При этом в США полагали, что для Италии подписание советско-германского договора имело положительные последствия. В силу схожести экономических проблем, Италия, также как и Германия стремилась к установлению отношений с советским государством. Заключение Рапалльского договора создало прецедент по установлению не только экономических, но и

³⁶⁹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч. С. 78.

дипломатических отношений с советским правительством. Это давало возможность Италии активизировать работу по торговому соглашению, который был подписан, но не ратифицирован в мае 1922 г. Итальянская газета «Темпо» призывала к установлению отношений с Советской Россией, боясь, что Германия получит по Рапалльскому договору максимально выгодные условия от участия в восстановлении советской экономики: «Кто теперь может помешать немцам получать преимущества от того, что они стали первой державой, признавшей Советское правительство де-юре? Если Антанта не способна изгнать немцев из России, то она должна признать Россию де-юре»³⁷⁰.

Польша рассматривала отношения между Германией и Советской Россией с опасением, что французская политика по выводу России из курса Рапалло может быть осуществлена за счет Польши. Польские и румынские военные опасались возможной атаки с запада или востока³⁷¹.

В Чехословакии не было единого мнения по вопросу деятельности чехословацкой делегации на Генуэзской конференции, а также последствий договора для страны. Ряд политиков выражал одобрение деятельности делегации, считая, что в сложных внешнеполитических условиях удалось отстоять интересы страны. Критическую оценку итогам конференции дали чехословацкие национальные демократы, так как Рапалльский договор мог представлять опасность для Чехословакии. Депутаты от судето-немецких партий критиковали политику Э. Бенеша за одностороннюю зависимость от Франции и призывали к установлению дружеских отношений с Германией и Советской Россией³⁷². По сообщениям генерального штаба вооруженных сил в договоре имелись тайные статьи, которые предполагали военное сотрудничество. В связи с этим, Э. Бенеш полагал, что важно всячески противодействовать дальнейшему укреплению советско-германского блока. Для этого он считал необходимым предотвратить ухудшение отношений

³⁷⁰ Tempo. 18.04.1922.

³⁷¹ Documents diplomatiques français. 1922. T. I. P. 569-570.

³⁷² АВП РФ. Ф.04, Оп.43, П. 275, Д. 53948. Л. 72, 76-78, 92-94.

между Советской Россией и странами Антанты, продолжать переговоры с Россией, при этом не допуская полного юридического признания советского правительства.

Давая интервью газете «Нойес Винер Тагеблатт» чехословацкий посланник в Берлине В. Тусар дал свою оценку Генуэзской конференции. По его мнению, заключение Рапалльского договора стало свидетельством стремления Германии к проведению независимой от стран Антанты внешней политики, именно это могло вызывать определенные беспокойства, особенно со стороны стран Малой Антанты. При этом содержание договора не представляло опасности, не меняло расстановку сил в Европе, не создавало противовеса для стран Антанты³⁷³. Э. Бенеш негативно оценивал результаты конференции. Он считал, что Франция и Великобритания изначально допустили ошибку, стремясь комплексно решить экономические разногласия послевоенного периода. Он полагал первостепенной проблему репарационных выплат, которые должны быть урегулированы в результате переговоров Франции, Великобритании и Германии. Только после достижения «должен быть решен вопрос о межсоюзнических военных долгах»³⁷⁴. Таким образом, он считал, что начало обсуждения русского вопроса было преждевременным, противоречия по задолженностям с Россией необходимо было обсуждать только после стабилизации европейской экономики путем выплат военных репараций. При этом в Чехословакии неудачи Генуэзской конференции связывали с провальной политикой Э. Бенеша. Газета «Богемия» указывала на вероятность отставки Э. Бенеша как с поста министра иностранных дел, так и председателя правительства, обращая внимание на ошибочность франкофильской политики, которая «вела страну в тупик»³⁷⁵.

Предпринимая попытки способствовать урегулированию и стабилизации в Европе, Э. Бенеш встретился 2 мая 1922 г. с В. Ратенау.

³⁷³ АВП РФ. Ф.04, Оп.43, П. 275, Д. 53948. Л. 79-80.

³⁷⁴ Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Ser. 1. Vol. XIX. P.189.

³⁷⁵ АВП РФ. Ф.04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 11-12.

Позиция Чехословакии состояла в необходимости урегулирования германо-французских противоречий, что могло быть реализовано при его посредничестве. В. Ратенау считал, что урегулирование с Францией было достижимо либо при расширении состава Антанты и включением в нее Германии, либо при условии подписания англо-французского договора с последующим присоединением к нему Германии³⁷⁶.

Подписание договора вызывало беспокойство и в Ватикане. Если до этого предпринимались попытки проведения переговоров, нацеленных на установление дипломатических отношений между Ватиканом и Советской Россией, то после Рапалло возникало опасение, что подобные действия вызовут недовольство стран Антанты подобно тому, которое возникло в отношении Германии. В связи с этим Ватикан долгое время взаимодействовал с Москвой без официального установления связей.

Резко отрицательную позицию по отношению к Генуэзской конференции занял Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви. В «Послании Мировой конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного собора» отмечалось, что нельзя признавать советское правительство в качестве представителя российского народа³⁷⁷. Собор призывал западные страны не признавать советскую власть, пугая страны перспективой революции, считая, что признание советского правительства приведет к переворотам в других странах.

Заключение советско-германского договора вызвало обеспокоенность в политических кругах США. Сразу после его подписания американское руководство предприняло меры, направленные на то, чтобы оценить содержание договора на предмет его последствия для США. Кроме того, в прессе появились статьи, цель которых была преуменьшить значение соглашения и продемонстрировать его то, что «заключенный между

³⁷⁶ ADAP. Ser. A. B. VI. S.166-167.

³⁷⁷ Никон (Рклицкий) архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк. 1961. Т. IV. С. 23.

Германией и Россией договор ничего не значит для Соединенных Штатов Америки»³⁷⁸.

Совершенно противоположную позицию заняли оппозиционные средства информации. В отдельных средствах информации отстаивали позицию о значении договора как для США так и для будущего развития Европы и мира в целом. Так, «Ивнинг Ворлд», прогнозировала развитие германо-советских отношений. Корреспондент ставил усиление германо-советского взаимодействия в зависимость от той политики, которую будут проводить в отношении этих государств страны Антанты. Также он не видел в договоре серьезной опасности до тех пор, пока политика европейских держав не «приведет Германию и Россию друг к другу и заставит их рассматривать договор как более или менее оборонительный или наступательный»³⁷⁹. На страницах газет активно обсуждались вопросы экономического значения договора для США. Общее мнение сводилось к тому, что подписание договора в скором времени предполагало развитие экономических связей двух государств, что требовало определенной реакции и действий со стороны американских властей и бизнеса. Предполагалось, что Германия может обратиться за получением кредита к США с целью использования его на российском рынке.

В США обращали внимание на то, что советско-германский договор стал, в первую очередь, результатом политики, проводимой Великобританией и Францией. Американский сенатор У. Бора в интервью «Вашингтон Пост» отмечал, что заключение договора являлось закономерным результатом той политики, которую страны Запада проводили в отношении Германии и Советской России (Россия не была приглашена для заключения тихоокеанского договора, в Генуе проходили совещания на вилле Альбертис и т.д.). «После действий союзников и после первых

³⁷⁸ New York Tribune. 19.04.1922.

³⁷⁹ The evening world. 20.04.1922.

дипломатических маневров в Генуе, естественным и неизбежным шагом является сближение России и Германии»³⁸⁰.

В прессе также освещались вопросы политических последствий договора. Довольно распространенной среди проправительственных газет стала позиция запугивания вероятным союзом Германии и Советской России. Делались предположения, что дальнейшее развитие отношений может привести к политическому и военно-политическому союзу, что значительно повлияет на расстановку сил, изменит положение ведущих держав. Кроме того, высказывались опасения, что начавшееся дипломатическое сотрудничество приведет к обсуждению вопросов о применении положений Версальского договора, что может привести к обсуждению его положений в отношении третьих стран³⁸¹.

При этом Германия демонстрировала желание сообщить о его подписании представителям США в короткие сроки. В ходе визита Р. Чайлду 17 апреля германский посол в Италии фон Нерат сообщил о содержании договора, обратив особое внимание на то, что в нем не было никаких военных статей, каких-либо положений, которые могли бы быть расценены как военно-политическое сотрудничество. В связи с этим, Р. Чайлд указывал, что «было совершенно очевидно, что Ратенау желал, чтобы именно так я информировал свое правительство»³⁸². Цель визитов членов немецкой делегации и фон Нерата сводилась к тому, чтобы умалить значение Рапалльского договора, сохранить благожелательное отношение американского правительства к Германии.

17 апреля, в тот день, когда стало известно о подписании советско-германского договора, Р. Чайлд срочно направился к К. Шанцеру. Произошел длительный разговор о договоре и мерах, которые необходимо принять против Германии и Советской России. «Я высказал Шанцеру мнение

³⁸⁰ Washington post. 20.04.1922.

³⁸¹ Трусова М.А. Освещение Рапалльского договора 1922 года в американской прессе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №10. С. 17-18.

³⁸² Child R. W. A diplomat looks at Europe. New York. 1925. P. 38-39.

о том, что наказание, которое будет применено к немцам, подписавшим договор с Россией под носом конференции, заслужили также и русские»³⁸³. Позднее Р. Чайлд встретился с Ллойд Джорджем по этому вопросу³⁸⁴.

В связи с заключением Рапалльского договор США посчитали русский вопрос менее важным, чем проблему репараций. Американцы жестко критиковали деятельность германской делегации и лично В. Ратенау. Известный банкир А. Вандерлин заявил: «Русские вступили в игру без гроша в кармане, а теперь у них в руках крупный выигрыш»³⁸⁵.

В США видели для себя опасность Рапалльского договора не столько с экономической точки зрения, сколько как основу для создания альянса, с участием Советской России и Германии, направленного против Великобритании, Франции и США. Так, корреспондент «Вашингтон Таймс» обращал внимание на то, что заключение германо-советского договора может стать основой для создания трехстороннего германо-советско-китайского союза, который в свою очередь будет направлен против сложившегося союза Великобритании, Франции, Японии и США. Таким образом, «Генуя может закончиться для США тем, что они получают свой первый опыт участия в международном объединении, которое противостоит другому союзу государств»³⁸⁶.

Общественность США совершенно по-другому восприняла заключение Рапалльского договора. Деловые круги признавали подписание договора несомненным успехом советской дипломатии, так как это могло в будущем способствовать установлению дипломатических и торговых отношений между США и Советской Россией³⁸⁷.

Таким образом, для западных государств заключение Рапалльского договора стало серьезным вызовом, требовавшим пересмотра политики в

³⁸³ Washington post. 27.04.1922, Christian Science monitor. 27.04.1922.

³⁸⁴ Child R. W. Op. cit. P. 38.

³⁸⁵ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Указ. соч. С. 86.

³⁸⁶ The Washigton times. 21.04.1922.

³⁸⁷ The Washington Herald. 21.04.1922.

отношении Германии и Советской России³⁸⁸. Великобритания стремилась возложить косвенную ответственность за его подписание на Францию, которая неохотно шла на уступки по вопросам репараций в отношении Германии и решение долговых проблем с Россией. Франция видела в заключении договора заинтересованность Великобритании. Это усугубляло существовавшие ранее противоречия между европейскими державами. Для США Рапалльский договор стал вызовом политике, проводимой правящими кругами, поскольку общественность видела в советско-германском договоре перспективы для развития экономики и не хотела упустить выгод от участия в экономическом восстановлении Советского государства. Одним из сложных вопросов для западных стран стала вероятность существования тайных статей, которые могли быть направлены на установление военного сотрудничества. Подобные слухи приводили к еще большему обострению обстановки, усиливали напряженность и взаимное недоверие.

Западные государства предпринимали попытки принудить Германию и Советскую Россию отказаться от достигнутых договоренностей, однако оба государства заняли позицию, согласно которой они имели полное право устанавливать и развивать двусторонние отношения. Сам факт подписания Рапалльского договора сильно изменил всю расстановку сил в Генуе. Советская делегация, имея прецедент по урегулированию экономических споров, заняла в дальнейшем позицию отказа от признания частных долгов и восстановления собственности капиталистов.

Западные страны продолжали высказывать опасения о наличии в нем военных статей. Кроме того, сотрудничество двух парий международных отношений могло создать опасность для послевоенной Европы. Важным вопросом в связи с заключением Рапалльского договора было то, как он подействует на Европу в целом и на политику отдельных государств. Рапалльский договор стал вызовом новому порядку в Европе, установленному Францией и Великобританией.

³⁸⁸ White S. The Origins of Détente. The Genoa conference and Soviet-Western Relations, 1921-1922. P. 147-165.

Глава 3. «Пострапалльский период» отношений между двумя странами (1922-1926 гг.)

3.1. Реализация Рапалльского договора в 1922-1923 гг. в условиях политики, проводимой западными странами.

Заключение Рапалльского договора создало основу для нормализации отношений между Германией и Советской Россией. В мае 1922 г. по инициативе советской стороны были начаты переговоры, целью которых была выработка конкретных мер по реализации положений договора. Кроме того, активно велась работа по подготовке Рапалльского договора к ратификации, а также шло обсуждение по целому ряду вопросов и проблем двусторонних отношений: консульской конвенции, договорах о воздушном сообщении, почтовых пересылках и т.д. Также германская сторона считала необходимым решить проблему претензий частных лиц, без чего невозможно было бы считать решенными все прошлые разногласия и развивать отношения. Обсуждение всех этих вопросов шло весьма активно, хотя и возникал целый ряд трудностей, в первую очередь связанный с требованиями германской стороны, которые советское государство считало завышенными. Так, в качестве условия заключение торгового договора Германия считала необходимым получить гарантии капитала и прибыли, освобождение от ряда налогов.

С точки зрения советской дипломатии, во многом реализация на практике условий Рапалльского соглашения осложнялась нежеланием Германии идти на открытый конфликт со странами Антанты: «По-видимому, тактика Антанты – не аннулировать явно Рапалльский договор, но закулисными интригами сводить его на нет»³⁸⁹. Вместе с тем советская дипломатия отмечала значительную несамостоятельность политики

³⁸⁹ Москва-Рим. Политика и дипломатия Кремля, 1920-1939. М., 2002. С. 51.

Германии, которая, по мнению Г.В. Чичерина, находилась под полным контролем Великобритании³⁹⁰.

При этом советская дипломатия при разработке политики в отношении Германии основывалась на позиции, что линия поведения Германии в любой момент могла измениться под давлением со стороны западных держав. Для исключения ситуации, в которой советское государство вновь окажется в состоянии международной изоляции, необходимо было активизировать переговоры с другими государствами. Так, практически сразу после окончания Генуэзской конференции были возобновлены переговоры с Италией для выработки соглашения о дипломатическом признании Советской России. В телеграмме от 6 июня 1922 г. Н.Н. Крестинский указывал на то, что заключение договора с Италией имело большее значение, чем развитие отношений с Германией. Он предполагал, что Германия была склонна изменить свой курс на установление и развитие отношений с советским государством, в то время как Италия демонстрировала «русофильский курс»³⁹¹.

Вскоре после заключения Рапалльского договора Р. Ходгсон, представитель Великобритании в Москве, напомнил своему правительству, что российская политика всегда склонялась к установлению отношений с отдельными европейскими державами. В условиях разногласий между западными странами, проявившимися в ходе Генуэзской конференции, это дало возможность советскому руководству противостоять согласованной политике, направленной против советской делегации. Договор с Германией продемонстрировал, что двусторонние отношения дают возможность Москве получить больше преимуществ, чем переговоры с объединенным фронтом стран. В ноябре 1922 г. Форин Офис изучал возможности переговоров между Швецией и Россией по вопросам признания, подтвердив полученную ранее информацию, что переговоры касаются только торговли. Эта информация

³⁹⁰ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. Д. 2. П. 1. Л. 235.

³⁹¹ АВП РФ. Ф. 0418. Оп.1. Д. 2. П. 1. Л. 235.

подтолкнула английское правительство обсудить с западными странами вопрос признания Советской России только при условии, что это будет сделано всеми странами одновременно. В декабре у Форин Офиса возникли опасения, что в связи с приходом к власти фашистского правительства в Италии, возможно установление отношений между Советской Россией и Италией.

В то же время заключение Рапалльского договора между Германией и Советской Россией значительно изменяло расстановку сил в Европе, что не могло не учитываться английскими дипломатами и политиками. Дополнительным фактором для позиции Лондона выступала политика, проводимая Францией в отношении Германии и Советского государства. В августе 1922 г/ Г.В. Чичерин сообщал И.В. Сталину о сложившейся в Европе обстановке, отмечая, что французское руководство стало проводить более агрессивную политику, направленную на расширение территорий и сфер влияния в Европе. Обострение противоречий между Великобританией и Францией, создавало предположения, что «в атмосфере носится мысль об англо-германо-русском соглашении»³⁹².

В Великобритании и Франции продолжали существовать разные взгляды на необходимость обсуждения вопросов общеевропейского развития и установления связей с советским государством. Великобритания не рассматривала советское государство и проводимую им политику как важный фактор развития Европы, в то время как Франция была склонна оценивать внешнеполитические шаги советского руководства, установление и развитие связей с другими европейскими странами исходя из перспектив собственной безопасности. Для Франции по-прежнему актуальной задачей было ограничение Германии статьями Версальского договора, поэтому советско-германское сближение, которое могло быть использовано для борьбы за их отмену или фактическое нарушение расценивалось французскими политиками как угроза безопасности.

³⁹² АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. Д. 2. П.1. Л. 234-235.

Великобритания не расценивала угрозу объединения усилий Германии и Советской России в экономической и военной сферах как серьезный вызов европейской безопасности. Уверенность в этом укреплялась по мере того, что развивались отношения Советской России со Швецией, Италией, Францией. Кроме того, английская дипломатия исходила из понимания необходимости проведения переговоров с советским государством по вопросу условий политического признания. С позиции Великобритании подобным условием являлось согласие советского руководства придерживаться международных стандартов во взаимоотношениях с другими странами. При этом, Великобритания не рассматривала Рапалльский договор как основу для длительного сотрудничества между государствами. Д'Абернон полагал, что между Германией и Советской Россией существовали серьезные разногласия, вызванные советской пропагандой, что не даст возможность государствам в полной мере развить партнерство. Договор был скорее провокацией и ответом на политику Антанты, чем серьезными стратегическими взаимоотношениями. Форин Офис все больше склонялся к позиции д'Абернона, когда наблюдал за развитием взаимоотношений Германии и Советской России в 1922 г. В ноябре 1922 г. было отмечено, что результаты Рапалльского соглашения в течение полугода были минимальны³⁹³. Д'Абернон докладывал, что Берлин не склонен в конечном счете к тесным отношениям с Россией, но более того, он был не склонен к изоляции. Было бы трудно существовать в одиночку среди враждебно настроенных держав: Францией на западных границах, Польшей и Малой Антантой на востоке. Тем не менее, он выступал против давления на Германию, боясь, что это приведет к российско-германскому союзу³⁹⁴. Лондон и Париж все больше убеждались в том, что Германия должна войти в семью европейских народов на равных условиях.

³⁹³ Cabel P.M. Op.cit. P.47.

³⁹⁴ ADAP. Ser. A. B. VI. S. 425-426.

США рассматривали вопрос о германо-советских отношениях, в первую очередь, с точки зрения собственных экономических интересов. В начале 1920-х гг. неоднократно высказывались идеи о совместной деятельности американского капитала и германских компаний в советском государстве. Неудивительно, что после установления дипломатических связей и обсуждения вопросов более тесного экономического сотрудничества, германская сторона стала более активно обращаться к американским партнерам с целью обсуждения вопросов совместной экономической деятельности Германии и США. Однако, американская сторона ответила на данное предложение отказом, который обосновывала нерешенными политическими проблемами, в первую очередь тем, что Советская Россия отказывалась гарантировать права иностранных инвесторов³⁹⁵. Кроме официального отказа со стороны американских властей, подобная позиция о необходимости предварительного получения от советских властей гарантий возврата долгов до начала экономических и торговых отношений обосновывалась и в американской прессе.

Тем не менее, необходимо обратить внимание на противоречие, существовавшее в США относительно установления связей с Советской Россией. С одной стороны, американские правящие круги, которые заняли выжидательную позицию. С другой стороны, были деловые круги, банковский сектор, которые считали перспективным экономические отношения с советским государством, видели в нем преимущества для собственной экономики и допускали возможности участия в восстановлении России при посредничестве Германии³⁹⁶. В связи с этим они позитивно оценивали Рапалльский договор, видя в его реализации перспективы для себя. Представители американского бизнеса считали важным самостоятельно восстановить и развивать торговые отношения с Россией, однако германский

³⁹⁵ Papers Relating to the foreign relations of the United States. 1922. Vol. II. P. 827-829.

³⁹⁶ Трусова М.А. Освещение Рапалльского договора 1922 года в американской прессе. С. 17.

представитель не исключал, что США пойдут на сотрудничество с немцами, у которых имелся опыт в этой сфере³⁹⁷.

Еще одной проблемой, которая активно обсуждалась в пострапалльский период, стало применение его положений в отношении всех советских республик³⁹⁸. Германия не стремилась к быстрому достижению соглашения и подписанию договора, поскольку распространение Рапалльского договора на советские республики означало их политическое признание. Германская дипломатия намеревалась использовать данное обстоятельство как средство давления на Советскую Россию с целью получения дополнительных уступок и более выгодных экономических предложений. Основанием отказа распространения Рапалльского договора на союзные республики Германия обозначала тот факт, что в них была недостаточная экономическая и политическая стабильность правительств³⁹⁹. Предметом для спора стали экономические разногласия стран, связанные с урегулированием вопроса по ущербу, нанесенному Украине в 1918 г. в период оккупации ее германскими войсками.

Вместе с тем в правительственных кругах Германии высказывались позиции о необходимости достижения соглашений о распространении договора на советские республики. Сторонником распространения договора на союзные республики был У. Мальцан, который в своей записке обосновывал необходимость и важность данного шага сразу после ратификации Рапалльского договора. Он считал необходимым проведение переговоров с Н.Н. Крестинским и М.М. Литвиновым, предполагая, что их полномочий будет достаточно для подписания таких договоров. Позиция У. Мальцана была основана на интересах германских промышленников и деловых кругов, о чем было известно и советским дипломатам⁴⁰⁰.

³⁹⁷ Papers Relating to the foreign relations of the United States. 1922. Vol. II. P. 828-829.

³⁹⁸ Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. 1. С. 63-66.

³⁹⁹ Noeres J. Op. cit. S. 590.

⁴⁰⁰ ADAP. Ser. A. B. VI. S. 475-476.

Вопрос о распространении условий договора на союзные республики был в очередной раз поднят советской стороной в обсуждениях с Германией в июле 1922 г.⁴⁰¹. Для советского государства имело большое значение достичь соглашения в короткие сроки, что означало бы их юридическое признание до образования СССР. Советские дипломаты обвиняли германскую сторону в затягивании переговоров. Германские представители предложили свой проект договора, однако уже 14 июля советская сторона на обсуждение вынесла собственный вариант договора. Расширение Рапалльского договора на союзные республики отвечало интересам германской промышленности, так как давало возможности вести активную торговлю со всеми частями бывшей Российской империи, с которыми у Германии были давние экономические связи. Кроме того, высказывались опасения, что излишнее затягивание переговорного процесса может привести к тому, что советские республики достигнут договоренностей с западными странами, прежде всего Великобританией и Францией, что создаст невыгодные конкурентные условия для освоения советского рынка.

После одобрения в рейхстаге Рапалльского договора 5 июля 1922 г., между заведующим восточным отделом У. Мальцаном и английским послом лордом д'Аберноном состоялась беседа, посвященная отношениям Германии с Советской Россией⁴⁰². В ходе беседы лорд признал, что заключение договора не было полной неожиданностью для западных держав, однако время для его подписания было выбрано неудачное. Английский дипломат предостерег германского представителя от немедленного распространения договора на советские республики, прямо указывая на то, что данное действие могло привести к негативной оценке со стороны западных стран. У. Мальцан отметил, что промышленники высказываются за расширение Рапалльского договора, что позволит им выйти на более обширные рынки. Д'Абернон подчеркнул, что не стоит рисковать возможностью решения

⁴⁰¹ Москва-Берлин. Т. 1. С.65.

⁴⁰² Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Ч.1 С.51.

репарационной проблемы⁴⁰³. Таким образом, отказ Германии от признания азиатских республик Хивы и Бухары был продиктован не столько интересами самой Германии, сколько влиянием английской политики, которая была направлена на отторжение или непризнание их в составе Советского государства.

Правящие круги Великобритании продолжали выражать недовольство по поводу заключения Рапалльского договора и в течение лета 1922 г. Германское посольство в Лондоне сообщало, что управляющий Английским банком М. Норман считал заключение Рапалльского договора главной причиной неудачных итогов Генуэзской и Гаагской конференций. Со ссылкой на мнение в Форин Офисе и парламенте М. Норман заявлял, что в английских правительственных кругах была распространена позиция, что Рапалльский договор давал возможность советскому руководству занимать более жесткую позицию в отношениях с другими странами, так как его наличие предполагало, что «даже если они не придут к соглашению с другими державами, то все же могут строить отношения на действенной помощи Германии»⁴⁰⁴.

Германское посольство в Лондоне докладывало в Берлин о том, что германо-русское сближение вызывает определенную озабоченность в английских правящих кругах. Для Великобритании важной являлась не оценка перспектив развития германо-советских отношений и их влияние на изменение расстановки сил на европейском континенте, сколько появление у Германии альтернативы взаимодействию и согласованию политики с Великобританией. Это грозило постепенному отказу Германии от ограничений, наложенных Версальским договором, что могло вызвать в оппозиционных кругах Великобритании возможности для высказывания протеста и таким образом усилит внутривластную борьбу.

⁴⁰³ Там же. С.52.

⁴⁰⁴ Цит. по: Ахтамзян А.А. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). С. 151.

В то же время для Германии и Советской России достижение договоренности о распространении договора на союзные республики было обоюдно выгодным. Кроме экономической заинтересованности со стороны Германии продолжали существовать опасения, что советские республики, не имею дипломатического соглашения, могут предъявить претензии по статье 116 Версальского договора. Решение данной проблемы на условиях Рапалльского договора давало возможность избежать подобного неблагоприятного для германского руководства развития ситуации. Советское руководство исходило из политического значения данного соглашения, поскольку это упрощало получение признания со стороны западных стран Советского Союза. Взаимная заинтересованность обеих сторон была очевидна, тем не менее окончательное согласование позиций потребовало несколько месяцев переговоров. Во многом урегулированию мешала политика, проводимая Великобританией и США, которые стремились противодействовать признанию советских республик Германией. Германия отказалась включить в сферу действия Рапалльского договора среднеазиатские республики, что было уступкой английским правящим кругам, которые надеялись оторвать от Советского государства среднеазиатские районы. При этом в дипломатических кругах Советской России существовало мнение, что затягивание переговоров было, в первую очередь, вызвано нежеланием Германии обострять франко-германские отношения. Подобной позиции придерживался М.М. Литвинов, считавший, что Германия стремится «все эти переговоры затягивать до тех пор, пока не разрешится вопрос о репарациях, чтобы не дразнить французов»⁴⁰⁵.

24 июля 1922 г. Г.В. Чичерин и Н.Н. Крестинский нанесли визит канцлеру Й. Вирту. Среди обсуждаемых вопросов было включение союзных республик в сферу действия Рапалльского договора, а также приглашение Германии в Лигу Наций и влияние этого события на развитие двусторонних отношений. В период проведения переговоров явно обозначилось то, что

⁴⁰⁵ Москва-Берлин. Т. 1. С. 86.

Германия находилась под воздействием западных стран, стремившихся не допустить признания советских республик и установления с ними дипломатических отношений. Основным инструментом давления на Германию, по-прежнему, служил вопрос о репарациях. Советские представители старались ускорить достижение договоренностей, ссылаясь на обещания, данные погибшим В. Ратенау о распространении договора на все республики.

В результате длительных переговоров к середине октября 1922 г. были согласованы основные условия проекта договора о расширении сферы действия Рапалльского договора. В служебной записке от 30 октября У. Мальцан обращал внимание на то, что новый договор не содержал никаких дополнительных условий «он лишь расширяет Рапалльский договор от 16 апреля 1922 г.»⁴⁰⁶. Подписание соглашения произошло 5 ноября 1922 г. в Берлине.

По мнению Н.Н. Крестинского изменение настроений в правящих кругах Германии и решение вопросов, связанных с согласованием договора во многом было связано с улучшением советско-французских отношений⁴⁰⁷. Еще одним фактором, который, по мнению советского руководства, оказывал влияние на проводимую Германией политику, была ее несамостоятельность и зависимость от западных держав: «Германия не имеет вообще свободы действий, ... в особенности ни одна из буржуазных групп Германии не намерена идти на разрыв с Антантой»⁴⁰⁸.

Возможность франко-советского сближения в момент, когда отношения Великобритании с обеими странами были трудными, вызвала испуг в Форин Офисе. В сентябре 1922 г. Эдвард Хериотт, мэр Лиона и ведущий французский политик, поехал в Москву для установления торговых отношений между Россией и Францией⁴⁰⁹. Это свидетельствовало не только о

⁴⁰⁶ Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Ч.1. С. 63.

⁴⁰⁷ Москва-Берлин. Т. 1. С. 86.

⁴⁰⁸ Там же. С.169.

⁴⁰⁹ Cabel P.M. Op.cit. P.54.

франко-советском сближении, но и о возникновении трудностей в отношениях Франции и Великобритании. Советская Россия даже с коммунистическим правительством была важным международным игроком, который мог действовать в интересах германской политики и в будущем французской. Секретная депеша из Москвы в Берлин, перехваченная Великобританией, свидетельствовала о том, что позиции Франции и России не сталкивались как ранее, в то время как политика М.М. Литвинова стала антибританской. М.М. Литвинов полагал, что франко-советские переговоры в Лозанне, показавшие враждебность Франции по отношению к России, остались в прошлом. Для того, чтобы противостоять англо-американскому сближению, которое было вызвано, по мнению М.М. Литвинова, охлаждением между Францией и Великобританией, Франция нуждалась в улучшении отношений с Москвой. Однако официальная позиция Франции оставалась прежней, поскольку полное урегулирование отношений с Россией могло вызвать негодование общественности. Г.В. Чичерин отмечал еще в августе 1922 г. возросшую заинтересованность французских деловых кругов к сотрудничеству с Россией, желание целого ряда французских капиталистов «помещать капиталы в Россию»⁴¹⁰.

Важным вопросом сразу после заключения Рапалльского договора стало развитие двусторонних экономических отношений. Уже с осени 1922 г. советское внешнеполитическое ведомство занималось вопросами разработки нового торгового договора. Однако, в условиях начавшегося в Германии кризиса, она не рассматривалась в качестве приоритетного внешнеэкономического партнера, комиссия по подготовке материалов к торговому договору с Германией делала вывод: «нет никаких оснований предоставлять Германии преимущественную перед другими странами роль в экономической политике России»⁴¹¹. Вместе с тем, высказывалось мнение,

⁴¹⁰ Завадский А.И. Влияние внешних долгов дореволюционной России на становление отношений со странами Запада в 1920-1924 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001. С. 86-87.

⁴¹¹ Москва-Берлин. Т.1. С. 81.

что Германия могла быть использована Советской Россией как «посредница при деятельности других стран»⁴¹².

После Первой мировой войны основными производителями машин и оборудования, в которых нуждалось Советское государство, в мире были Великобритания, США и Германия, при этом Германия рассматривалась скорее как временный торговый партнер. Позиция советского руководства состояла в том, что главной задачей являлось установить отношения с США, до этого времени ориентируясь на партнерство с Великобританией. При этом, «отношение к ней есть элемент, ставящий пределы нашей свободе действий по отношению к Германии»⁴¹³.

Германия, все же потерявшая позиции после окончания войны, стремилась в 1920-х гг. не только восстановить их, но и выйти на мировые рынки с продукцией электротехнической и химической индустрии. Германским монополиям нужны были рынки сбыта, особенно СССР, который развернул на тот момент широкие планы индустриализации. Для Советского Союза важным было закупить самые совершенные машины и получить передовой технологический опыт. Взамен советское государство могло предложить промышленное сырье и сельскохозяйственную продукцию. Кроме того СССР интересовался предоставлением краткосрочных и долгосрочных кредитов. В то время, как западные страны связывали предоставление кредитов с признанием довоенных долгов, претензиями на возмещение национализированной собственности, германское правительство в Рапальском договоре отказалось от всяких претензий к Советскому государству, создав тем самым предпосылки для широкого экономического сотрудничества. Советские торговые организации увеличивали экспорт продовольственных и сырьевых товаров⁴¹⁴.

Для реализации экономического сотрудничества была активизирована деятельность смешанных обществ, созданных еще до заключения

⁴¹² Там же. С.82.

⁴¹³ Там же. С. 168.

⁴¹⁴ Там же. С. 155.

Рапалльского договора. Целый ряд организаций, такие как «Русско-германское торговое акционерное общество», «Русско-германское торгово-транспортное общество», «Германо-русское химическое общество» начали свою работу после подписания соглашения. Советское руководство ставило перед дипломатами задачи достижения со смешанными обществами соглашений, которые будут направлены на восстановление экономики СССР. В качестве критерия отбора направлений для создания смешанных обществ также предполагалось исходить из их значения для советской промышленности: «В план работ Русгерторга на ближайший период входит также восстановление нашей металлопромышленности путем снабжения ее усовершенствованными станками и машинами»⁴¹⁵.

Рапалльское соглашение ставило своей целью урегулирование политических и экономических разногласий между Германией и Советской Россией и не преследовало цели создание военно-политического альянса двух стран. Активизация экономических отношений происходила, тем не менее, и по вопросам сотрудничества в военно-технической сфере. Для Германии деятельность в данном направлении имела важное значение в силу наличий ограничений, установленных Версальских договором. Основными направлениями взаимодействия стали производство различных видов оружия и техники, обучение и подготовка военных. Советское государство в данном направлении выглядело более привлекательным партнером, чем другие страны, с точки зрения сохранения втайне процессов, связанных с германским перевооружением в условиях существования ограничений Версальского договора. Закрытость советского общества давала возможность Германии размещать без огласки современные базы войск: информация об этом просто не могла попасть в прессу, которая контролировалась партией и государством. Очевидно, что каждая сторона стремилась реализовать собственные цели в этом партнерстве. Германия намеревалась обойти ограничения Версальского договора, особенно военные статьи и

⁴¹⁵ РГАЭ. Ф. 3104. Оп. 1. Д.7. Л. 6.

подготовиться к реваншу. Советская Россия согласно концепции защиты социализма в условиях капиталистического окружения стремилась любой ценой создать мощную военную промышленность и получить от Германии опыт в создании военного оборудования и техники. Военное сотрудничество стимулировало двустороннюю экономическую деятельность. Рапалльский договор соответствовал курсу НЭПа и его практической реализации в сфере внешнеэкономической деятельности. Кроме того, он оценивался как практическое воплощение принципа мирного сосуществования стран, имеющих различные системы. Германия рассматривала рапалльское сотрудничество не только с точки зрения получения прямой выгоды от торгового обмена, но и как средство оказания влияния на западные страны, способ устранения или минимизации негативных последствий Версальского мира. В Берлине наделись на то, что в условиях возможного советско-германского союза, Великобритания и Франция пойдут на уступки Германии. Подобная позиция была распространена в военных кругах Германии. Так, Х. фон Сект считал, что важнейшим итогом Рапалльского договора стало не то сотрудничество, которое было начато на практике между двумя государствами, а психологическое воздействие договора на политику других стран, что приводило к усилению Германии как в двусторонних отношениях с другими государствами, так и повышало ее престиж в мире. Он указывал на то, что на практике не существовало военно-политических соглашений между СССР и Германией, но западные страны предполагали наличие подобных договоренностей. Данные подозрения западных держав отвечали интересам Германии, поскольку давали возможность достижения соглашений, направленных на экономическую помощь Германии: «Я буду предпринимать все, чтобы добиться этого. Но пока это будет достигнуто, нам должна помочь видимость этого. Наши силы слишком малы. Мнение врагов должно их мультиплицировать»⁴¹⁶.

⁴¹⁶ Ruland B. Deutsche Botschaft Moskau. 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West. Bayreuth, 1964. S.179.

Германские военные считали необходимым заключить отдельное соглашение, нацеленное на взаимодействие между ведомствами двух стран, увеличению обмена в военно-технической сфере. Взаимодействие двух государств происходило в разных формах: обмен информацией об уровне и методах подготовки обеих армий с направлением состава на маневры, полевые учения, академические курсы и т.д. В конце 1922 г. в связи с уклонением Германии от выполнения репарационных обязательств по Версальскому договору усилилась напряженность в ее отношениях с Францией. Это сильно повлияло на политику германского руководства, заставило его действовать более решительно под давлением со стороны военных, которые считали важным заручиться нейтралитетом советского государства и предотвратить его участие в случае начала конфликта с Францией. Вследствие этого активизировались переговоры по сотрудничеству в области производства и поставок боеприпасов⁴¹⁷.

После восстановления дипломатических отношений, послом Германии в Советской России был назначен У. фон Брокдорф-Ранцау. Он с самого начала разработал и предложил программу взаимоотношений двух государств, которая отражала «дух Рапалло» и отвечала интересам германского правительства. Он отрицательно относился к развитию военного взаимодействия, в особенности в тех сферах, которые предполагали нарушение Версальского мирного договора⁴¹⁸. У. фон Брокдорф-Ранцау считал необходимым при развитии отношений с советским государством придерживаться такой политики, которая окажет негативного воздействия на обсуждение вопросов и урегулирование со странами Запада. Основным соперником на дипломатической арене он считал Францию, в связи с этим отношения с Советской Россией он рассматривал как средство давления на Францию, фактор манипуляции в переговорах с Францией и Великобританией и ставил их в зависимость от того, насколько эти два

⁴¹⁷ Москва-Берлин. Т.1. С. 71-72.

⁴¹⁸ Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Ч.1. С. 86-89.

государства были склонны идти на уступки Германии. Германский посол считал, что основной целью германской внешней политики являлось достижение уступок по статьям Версальского договора, ограничивавших военные силы Германии и предполагал, что имелось два основных варианта и метода достижения данной цели. Первая позиция была основана на том, что Великобритания и Франция имели целый ряд разногласий, а также между этими странами происходила борьба за доминирование на европейском континенте. Политика Германии могла быть направлена на улучшение отношений с Великобританией, которая могла поддержать пересмотр ряда условий Версальского договора и тем самым ослабить позиции Франции. Второй вариант предполагал развитие отношений с советским государством, однако расценивался как менее перспективный, поскольку Германия продолжала находиться в международной изоляции, подобное сотрудничество вызывало множество подозрения, а, следовательно, не давало возможности развивать экономические отношения с западными державами. Все эти негативные аспекты не могли быть компенсированы за счет развития экономического взаимодействия с советским государством. У. Брокдорф-Ранцау понимал хрупкость надежд на поддержку со стороны Великобритании в масштабах, достаточных для отказа от сотрудничества с Советской Россией. В период проведения переговоров с представителями германской армии по вопросам военного и технического сотрудничества в 1923 г., германское руководство высказывало позицию, что Великобритания вряд ли будет выступать на стороне Франции в случае начала военных действий в Европе: «В случае войны Англия займет выжидательное положение, а затем станет на ту сторону, которая будет действовать с успехом»⁴¹⁹.

В связи с этим германские дипломаты считали необходимым добиться таких соглашений с советским государством, чтобы в случае нападения Франции и Польши на территорию Германии, с советской стороны

⁴¹⁹ Москва-Берлин. Т.1. С.115.

последней была оказана помощь. Но достижение этой цели предполагало активное участие в экономическом восстановлении советского государства, что сделало бы его зависимым в экономическом плане от Германии. В случае нападения Франции и Польши, ожидалось, что Россия должна вмешаться, в том числе и военным путем, а, следовательно, Германия была заинтересована и в восстановлении военного потенциала России.

К 1923 г. все большее значение при разработке внешней политики начинает играть позиция военных. В связи с этим возникает противоречие между позициями военных, одним из ярких представителей которых был Х. фон Сект, отстаивавший позицию развития военно-технического взаимодействия с СССР и дипломатами, например У. Брокдорф-Ранцау, высказывавшийся за более взвешенные и аккуратные шаги в данном вопросе. Х. фон Сект придерживался позиции, что Германия должна проводить собственную внешнюю политику независимо от стран Запада, таким образом восстанавливая свой престиж и авторитет. Он был противником назначения У. Брокдорфа-Ранцау послом в СССР⁴²⁰.

В январе 1923 г. в Берлине советская делегация проводила переговоры по поводу возможности размещения заказов на поставки вооружений. Однако после того как стала понятна нереальность французской оккупации Рурской области и отпала необходимость ее военному противодействию, немецкие военные руководители перестали выдвигать далеко идущие планы, а дипломатия стремилась обеспечить благожелательный нейтралитет Советской России на случай повторного обострения конфликта.

Переговоры, проводимые советско-германскими военными, поступали во французское министерство иностранных дел и расценивались как возможная угроза безопасности Франции. Многочисленные донесения⁴²¹ о сосредоточении войск СССР на польской границе, а также о советско-германских договоренностях относительно совместных действиях против

⁴²⁰ Лучников А. В. Ульрих фон Брокдорф-Ранцау о секретном военно-техническом взаимодействии с государством большевиков. С. 89.

⁴²¹ Documents diplomatiques français. 1923. T. I. P. 86, 109-110.

Франции заставляли французское руководство переходить к более решительным действиям. Как полагает И.Э. Магадеев, Рурский кризис поставил перед Францией вопрос «о советско-германской комбинации в той или иной форме»⁴²².

При этом Рурский кризис расценивался советской дипломатией как возможность для развития экономических отношений с Германией. Предполагалось, что в условиях захвата Рура, в Германии сложилась политическая и экономическая ситуация, в которой крупнейшие германские предприятия в сфере металлообработки, были переполнены заказами. Не обладая достаточными мощностями для их выполнения, они могли перенаправить часть заказов советским металлургическим заводам: «Это дало бы нашим заводам необходимую нагрузку и надолго освободило бы их от постоянных кризисов... Большая программа Русгерторга рассчитана на ввоз в Россию в течение 1923 года машин и металлических изделий и необходимого оборудования на общую сумму 20-25 млн. зол. рублей»⁴²³.

Поддержка Германии в период Рурского кризиса неоднозначно оценивалась советским руководством. Об этом весьма эмоционально высказывался Г.В. Чичерин, обозначая именно Францию в качестве приоритетного политического и экономического партнера и считая, что прогерманская политика не в полной мере отвечает интересам СССР, поскольку Германия не стремится «компенсировать» поддержку советского государства: «За какую компенсацию мы сразу уничтожили все плоды кропотливой работы сближения с Францией»⁴²⁴. Совершенно иной точки зрения придерживался И.В. Сталин, который предполагал, что Франция не стремится к сближению с Советским государством: «Никакого соглашения, никакого намека на соглашение с Францией у нас нет, и, думаю, не будет в

⁴²² Магадеев И.Э. Рурский кризис 1923 г. и трансформация международных отношений в Европе после окончания Первой мировой войны. С. 72.

⁴²³ РГАЭ. Ф. 3104. Оп.1. Д. 7. Л. 6.

⁴²⁴ РГАЭ. Ф. 3104. Оп.1. Д. 7. Л.14.

ближайшее время»⁴²⁵. В Великобритании в этот период времени рассматривали разнообразные варианты развития ситуации – от складывания франко-советского союза до революции в Германии⁴²⁶.

В дипломатическом плане Рапалльские отношения повлияли на Рурский кризис 1923 г., так как нарком иностранных дел оказал давление на польское правительство, чтобы оно не использовало оккупацию Рура для атаки на Германию с востока. Москва действовала с целью предотвратить получение Францией контроля над западной Германией, что, по мнению Г.В. Чичерина, могло привести ко второй интервенции в Советское государство. Во время Рурского кризиса советские представители заявили⁴²⁷, что он стал следствием буржуазного правления, капиталистического строя и связанного с ними неверного устройства. Тем не менее, Россия не оказывала прямой помощи Германии.

Особое внимание к германо-советским отношениям в период Рурского кризиса было связано с тем, что в западных государствах существовало устойчивое убеждение в том, что Рапалльский договор 1922 г. содержал дополнительные тайные военные статьи. Подобные предположения были характерны не только для Франции, которая опасалась военного сотрудничества Германии и СССР с точки зрения собственной безопасности. В США также задавались вопросом «состоят ли Германия и советское государство в секретном союзе против Франции...»⁴²⁸

Советская дипломатия отмечала интерес Франции к развитию экономических отношений в этот период времени. Британских и французских наблюдателей интересовало состояние военного сектора СССР⁴²⁹. Оба правительства считали, что Советский Союз создает опасность для урегулирования отношений в Восточной Европе. Несмотря на то, что Восточная Европа была относительно защищена от действий со стороны

⁴²⁵ РГАЭ. Ф. 3104. Оп.1. Д. 7. Л. 18.

⁴²⁶ Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939. P. 51.

⁴²⁷ Москва-Берлин. Т.1. С. 97-98.

⁴²⁸ The Evening Star. 16.01.1923

⁴²⁹ Москва-Берлин. Т.1. С. 179.

СССР, Рапалльский договор заставил и Великобританию, и Францию обратить пристальное внимание на взаимоотношения Германии и советского государства. Английские и французские дипломаты пытались преуменьшить те выгоды, которые государства получали от заключения Рапалльского договора. Франция и Великобритания также знали, что при определенном условии, таком как экономическое возрождение Советской России, сотрудничество двух стран могло стать опасным. Форин Офис сначала не воспринимал всерьез угрозу Рапалльского договора, понимая его скорее как демонстративный шаг, а не основу для сотрудничества. Первые оценки Рапалльского договора Великобританией показали, что германские фирмы получили определенные выгоды от сотрудничества, но в целом торговля между двумя странами находилась на низком уровне. Великобритания считала, что СССР не выступит на стороне Германии в случае конфликта в Восточной Европе.

Для английских и французских дипломатов германо-советские отношения являлись важным фактором для выработки собственной внешней политики. Французские военные специалисты обращали внимание на военное взаимодействие двух государств, поскольку оно вызывало опасения. Предполагалось, что СССР окажет военную поддержку Германии в случае войны с Францией, или что начало войны советского государства с одной из восточноевропейских стран, приведет к вмешательству в конфликт Германии. Советско-германское сближение нарушало расстановку сил в Восточной Европе, что воспринималось французскими военными как угроза безопасности и стабильности. В феврале 1923 г. французский дипломат М. Перетти⁴³⁰ сообщал, что заключение Рапалльского договора вызвало опасения о наличии в нем тайных военных статей. Однако в действительности, их не существовало. Вместе с тем, сообщалось, что чехословацкие власти располагали сведениями о проведении переговоров по германо-советскому военному сотрудничеству в период министерства Й.

⁴³⁰ Documents diplomatiques français. 1923. T. I. P. 255.

Вирта. В сообщении также указывалось на то, что существовал договор, согласованный с советской стороной и парафированный У. Мальцаном. Однако он не был подписан. Высказывалась позиция, что основной причиной откладывания сроков подписания договора было то, что власти Германии опасались резко негативного отношения к нему со стороны Великобритании и США.

Изначально Франция стремилась создать барьер для отделения большевизма от Западной Европы, а не России от Германии. Необходимость этого не существовала во Франции до 1921-1922 гг. «Франция заключила договоры с Польшей и Чехословакией в 1921 и 1924 гг. в результате обеспокоенности, вызванной заключением Рапалльского договора»⁴³¹. Французская политика проходила в 2 этапа. Первый заключался в подписании в 1921 г. соглашения с Польшей и поиске поддержки со стороны Малой Антанты. Вторым состоял в серии политических соглашений с членами Малой Антанты. Необходимость создать противовес германскому доминированию в Центральной Европе толкала французское политическое и военное руководство на объединение сил с Польшей, что могло вызвать нестабильность в Европе. В то время как французское командование поддерживало идею противовеса на востоке в виде государства, отделяющего Германию от России, оно ставило под сомнение участие в этом союзе именно Польши, в силу ее неустойчивости. Тем не менее, Франция рассматривала Польшу и государства Малой Антанты как жизненно важных партнеров, поскольку они создавали между Германией и Советской Россией заслон из 70 миллионов человек.

В отношении советско-германского военного сотрудничества Франция делала выводы, что оно неэффективно, так как военная промышленность в России находилась на низком уровне. В конце 1923 г. МИД Франции заключил, что советско-германские торговые отношения улучшились,

⁴³¹ Nicole J. The Popular Front and the Central Europe: dilemmas of French impotence, 1918-1940. Cambridge, 1992. P. 6.

особенно этому способствовали соглашения о морском транспорте и авиации, создании смешанных обществ.

Вопрос о перспективах советско-германского сотрудничества вызывал беспокойство и в США. В период Рурского кризиса обсуждались возможности вмешательства с него СССР на стороне Германии, при этом итоги подобного развития ситуации оценивались как крайне негативные для стабильности в Европе и мире. Американская пресса высказывала предположения о возможном военном союзе и зависимости от него других всей европейской обстановки⁴³².

В феврале 1923 г. в Москву для переговоров прибыла делегация германских представителей, прежде всего военных⁴³³. Обсуждались вопросы производства вооружения и его финансирование. В результате переговоров удалось подписать договор о строительстве химического завода.

Кроме того рейхсвер усилил свое положение в качестве основного партнера советского государства по вопросам восстановления военного потенциала. У. Брокдорф-Ранцау негативно относился к подобной тенденции, поскольку это мешало работе, угрожало позициям Германии в СССР, также могло привести к ухудшению положения Германии в случае огласки данной информации.

Кроме того, У Брокдор-Ранцау основывался на том, что развитие отношений и заключение договоров было в первую очередь необходимо советской стороне, поскольку СССР был заинтересован в технической и кадровой поддержке со стороны Германии⁴³⁴. По его мнению, без участия Германии советская страна была практически неспособна восстановить военно-техническую промышленность. Кроме того, при выработке политики в отношении СССР У. Ранцау считал важным исходить из положения о том, что советское правительство будет использовать улучшение отношений с Германией и двусторонние связи для реализации планов развития

⁴³² The Evening Star. 16.01.1923.

⁴³³ Москва-Берлин. Т.1. С. 110-117.

⁴³⁴ ADAP. Ser.A. B. VI. S.355-358.

революционного движения и поддержки коммунистов в Германии. Концепция У. Ранцау приобрела законченную форму к 1924 г. Она основывалась на двух тенденциях: с германской стороны было велико желание показать силу и независимость от Запада, в связи с чем основной упор делался на восточном направлении внешней политики; со стороны советского руководства последовал ряд уступок, целью которого была союзническая политика.

После смены правительства в Германии и отставки канцлера В. Куно, кабинет Г. Штреземана вернулся к политике следования репарационным обязательствам и балансирования между Востоком и Западом. Для налаживания мирных экономических связей все больше начали использоваться политические и дипломатические методы, военное сотрудничество отошло на второй план. В Германии Г. Штреземан опирался на внутреннюю оппозицию, а за пределами Германии искал баланс между Западом и Востоком. В Германии не было единого мнения по поводу военного сотрудничества с СССР, а также в отношении внешнеполитической ориентации. Г. Штреземан полагал, что необходимо договариваться с западными странами на антисоветской основе⁴³⁵.

В СССР стремление Германии к вступлению в Лигу Наций рассматривали как отказ от Рапалльской политики и возвращение к основам международных отношений, заложенных Версальским мирным договором. При этом подчеркивалось, что вступление Германии в Лигу Наций отвечает в первую очередь интересам Великобритании, которая могла использовать новое положение Германии и ее политику для оказания давления на Францию. Несмотря на это, в СССР видели и положительный эффект от присоединения Германии к Лиге Наций, который мог заключаться в том, что «Германия сможет оказывать в Лиге услуги и СССР, выступая против затеваемых там интриг»⁴³⁶.

⁴³⁵ Лучников А. В. Указ. соч. С. 90.

⁴³⁶ РГАЭ. Ф. 3104. Оп.1. Д. 7. Л. 11.

Со вступлением Германии в Лигу Наций и после отставки Х. Секта в правящих кругах усилился прозападный курс. В изменившейся политической обстановке военные начали обмен опытом и обучение технических специалистов вместо налаживания материально-технического взаимодействия. В рамках сотрудничества была открыта летная школа под Липецком, происходил обмен опытом управления войсками на фронте, работы штабов и систем связи, применения технических средств⁴³⁷.

Мнения правящих классов Веймарской республики по поводу Рапалльского договора и советско-германского сотрудничества были противоречивыми. Можно отметить две основные позиции: Х. Секта и У. Брокдорфа-Ранцау. Первый намеревался решить проблему, связанную с Версальским договором, как можно быстрее, второй был более прагматичен и принимал во внимание реалии европейской жизни. Первую позицию поддерживали генералы, вторую позицию – политические и дипломатические круги МИД Г. Штреземана.

Генерал Х.Сект стал инициатором советско-германского военного взаимодействия. Будучи противником ведения войны на двух фронтах, Х.Сект полагал, что Советская Россия заинтересована в сотрудничестве с Германией, а это делает возможным исключить объединение Запада и Востока. Польша также не может быть использована против Советской России, так как ее сдерживает Германия. Кроме того, Советская Россия имеет территориальные претензии на земли Западной Украины и Западной Белоруссии, которые стали принадлежать Польше. Но Х. Сект полагал, что Германия может продемонстрировать Советской России свое расположение только на основе взаимовыгодных отношений. Только после этого Германия перестанет беспокоиться по поводу территориальных претензий Советской России и подпишет соглашение с Польшей и Францией⁴³⁸.

⁴³⁷ Тихонов Ю.Н. Засекреченный город. Саратов, 2011.

⁴³⁸ ADAP. Ser. A. B. VII. S.199-200.

В результате этой позиции Х. Секту приходилось играть роль защитника договоров с Советской Россией много раз. Командующий Рейхсвером высказывал свои настоящие взгляды в меморандуме от 11 сентября 1922 г., направленном канцлеру Германии Й. Вирту, из которого было ясно, что целью сотрудничества являлось не усиление Советской России, а помощь в развитии тех областей промышленности, которые могли быть выгодны для восстановления Рейхсвера. Х. Сект считал важным ускорение реализации своих идей о военном развитии: подготовка технической базы для дальнейшего расширения военных сил до нескольких миллионов, предоставления армии вооружения, которое соответствовало бы уровню военно-технического прогресса.

Необходимо отметить, что Германия преуспела в реализации этого плана. Известно, что гитлеровский генерал фельдмаршал Э. Манштейн утверждал, что «все или практически все вооружение немецкой армии времен второй мировой войны было создано еще до того как фашисты пришли к власти»⁴³⁹. В то же время Х. Сект не исключал возможность совместных операций Рейхсвера и Красной Армии против Польши и Франции. Такие идеи возникали не только у Х. Сект. Даже после его отставки часть военных продолжала составлять планы на базе идей Х. Секта. Как можно понять из письма влиятельного промышленника Арнольда Рехберга, адресованного Р. Бернгарду, по поводу инструкций командования Рейхсвера, разрабатывались планы совместной операции Рейхсвера и Красной Армии против Польши и Франции: просоветская политика среди некоторых групп министерства Рейхсвера не была поддержана большинством офицеров.

Линия У. Брокдорфа-Ранцау была более реалистичной и, следовательно, более влиятельной. Посол Германии в Советском Союзе понимал, что для советского государства была не естественной помощью капиталистической системе. У. Брокдорф-Ранцау прекрасно понимал, что

⁴³⁹ Wunsche W. Op.cit. S. 29.

Рапалльская политика Германии раздражает Запад, но также видел, насколько важна поддержка Советского Союза, который в свою очередь также пытался достичь взаимопонимания с другими капиталистическими странами. С экономической точки зрения У. Брокдорф-Ранцау видел сложности реализации Рапалльского договора в том, что «германские предложения в области концессий и торговли не получают с нашей (советской) стороны больше внимания, чем предложения французские и другие»⁴⁴⁰.

У. Брокдорф-Ранцау считал, что Германия должна была избежать ситуации, в которой западные державы могли бы заподозрить ее в военном сотрудничестве с советским государством. В ином случае это грозило бы складыванию альянса Франции и Великобритании, направленного против Германии и СССР. При этом германская дипломатия продолжала оглядываться на позицию Великобритании при проведении политики в отношении СССР: «Германия подготавливает себе путь отступления от рапалльской позиции на случай разрыва с Англией, чтобы сразу начать, хотя бы в угоду Англии, новый обстрел Совроссии»⁴⁴¹.

Таким образом, в период после заключения Рапалльского договора западные государства рассматривали развитие германо-советских отношений исходя из двух позиций. С одной стороны, расширение экономического германо-советского сотрудничества создавало предпосылки для восстановления европейской и общемировой экономики. В связи с этим, деловые круги не только Великобритании, но и США и Франции начали высказываться за улучшение отношений с советским государством с целью получения благоприятных торговых условий. Серьезное беспокойство, вместе с тем, вызывало развитие военно-технического сотрудничества, особенно в период Рурского кризиса 1923 г., поскольку в западных странах высказывались опасения по поводу складывания союза Германии и СССР.

⁴⁴⁰ Москва-Берлин. Т. 1. С. 166.

⁴⁴¹ Там же. С. 165.

3.2 Подготовка и подписание Московского торгового договора 1925 г. и позиция стран Запада.

Одной из важнейших задач для Германии было развитие долговременных экономических отношений с СССР, поскольку это отвечало потребностям развития германской экономики. В связи с этим в 1923 г. дипломатические представители Германии в СССР стремились наладить полноценное торговое партнерство с советским государством. К марту 1923 г. между странами были достигнуты договоренности по условиям обмена советского зерна на германские промышленные товары⁴⁴². Однако, дальнейшее развитие торговых отношений вызывало ряд сложностей, связанных с требованиями, выдвигаемым германской стороной, которые советское руководство считало неприемлемыми, например отказ от государственной монополии внешней торговли. При этом для Германии важным было заключить контракты в короткие сроки до того момента, пока на советском рынке не были представлены английские и французские компании, конкуренция с которыми могла привести к вытеснению германских фирм и отказа от заключения с ними контрактов.

В феврале 1923 г. начался обмен мнениями по экономическим вопросам. Советское правительство стремилось решить сразу весь комплекс проблем и выработать общий экономический договор. К апрелю 1924 г. советской стороной был согласован проект консульской конвенции, которая должна была содействовать продвижению переговоров по экономическим вопросам. Урегулирование вопросов установления консульских отношений началось еще в 1921 г. по время переговоров У. Мальцана, возглавлявшего в то время Восточный отдел МИД Германии в Петрограде с Е.Б. Пашуканисом. Во время обсуждения возможностей открытия консульства Германии в Петрограде и Советской России в Гамбурге и Штеттине выявились

⁴⁴² Москва-Берлин. Т.1. С.143-145.

противоречия по вопросам численного состава консульств, права экстерриториальности, права пользоваться шифром и посылать курьеров⁴⁴³.

Подписание Рапалльского договора дало новый толчок для обсуждения вопросов организации консульств двух стран. Третья статья Рапалльского договора предполагала восстановление дипломатических и консульских отношений, а также давала основание для урегулирования консульских отношений отдельными соглашениями. Сразу после подписания Рапалльского договора начался обмен мнениями для выработки данного соглашения, однако активные переговоры были начаты лишь в июне 1923 г. Основой переговоров стали германские проекты договоров. Однако во время обсуждения возник целый ряд сложностей⁴⁴⁴. Первой из них стало то, что советская делегация не обладала достаточно широкими полномочиями для урегулирования ряда вопросов, в связи с чем советские представители были вынуждены обращаться с запросами о согласовании положений договора в Москву, что затягивало и усложняло переговорный процесс. Кроме того консульский договор строился на основе прежнего консульского соглашения между странами, в котором основные спорные пункты были связаны с правами и привилегиями консульских представителей. Основные противоречия возникали по вопросам возможности ареста консула, а также по определению круга лиц, которые могла пользоваться экономическими привилегиями. В течение первого месяца переговоров были достигнуты договоренности по 4 спорным вопросам, однако после переговоров были приостановлены до осени 1923 г.

На следующем этапе переговоров советская сторона, заинтересованная в достижении скорейшего подписания соглашения, была вынуждена пойти на уступки и принять точку зрения германских представителей практически по всем спорным пунктам. Итогом переговоров стала выработка соответствующих соглашений, что было окончательно оформлено

⁴⁴³ Там же. С.181-182.

⁴⁴⁴ Там же.

«Консульским договором между Германским рейхом и Союзом Советских Социалистических республик» 12 октября 1925 г.⁴⁴⁵ Данное соглашение устанавливало права и полномочия консулов на территориях двух государств. Оно представляло собой продолжение Рапалльского договора и разработку практических мер для реализации сотрудничества. Причиной значительной отсрочки в окончательном подписании соглашения стало то, что советское руководство считало необходимым его утверждение только после подписания других соглашений, подразумевавшихся Рапалльским договором, и прежде всего, двустороннего торгового договора.

Весной 1924 г. проводником отношений с Советской Россией стал Э. Валрот. Он полагал, что за последние годы СССР достиг значительных успехов в вопросах политической стабильности: в государстве утвердилась единая власть, была сохранена территориальная целостность, советское руководство стало полноценной политической силой в стране. Однако, Э. Валрот негативно оценивал тенденции экономического развития страны, что было связано с такими показателями, как уменьшение экспорта и импорта, объемов выпуска промышленных товаров. Придерживаясь мнения, что Германия и Россия являются естественными партнерами, он настаивал на том, что предпосылкой для нормализации экономических отношений был отказ Советской России от проведения политики военного коммунизма. Он считал поворот к НЭПу значительным шагом, способствовавшим началу германо-советского экономического сотрудничества. Однако, оценивая развитие экономических связей в период после Рапалльского договора, он делал вывод, что «сегодня наоборот можно только с сожалением заключить, что и экономически, и политически все эти большие надежды привели к разочарованию»⁴⁴⁶.

В течение 1924 г. германское руководство стремилось к развитию отношений с СССР, поскольку продолжало видеть в Рапалльском

⁴⁴⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. 3. М., 1927. С.19-35.

⁴⁴⁶ Цит. по: Cameron D. J. To Transform the Revolution into an Evolution. P. 21.

партнерстве значительные выгоды для собственного экономического развития. Несмотря на отдельные разногласия, возникавшие между государствами, политические и финансовые круги продолжали придерживаться курса на сотрудничество с СССР, чему особенно способствовало начало проведения политики НЭПа. В то же время беспокойство в Германии вызывали попытки советской стороны сблизиться с Францией и Великобританией. Также для германского руководства анализ ситуации в стране осложнялся борьбой за власть, которая возникла после смерти В.И. Ленина. Германское руководство опасалось, что в СССР может произойти смена правительства, что приведет к отказу новой власти от всех обязательств перед иностранными инвесторами. Изменения во внутриполитической и экономической обстановке в СССР привели к тому, что начался период серьезного охлаждения между СССР и Германией, который привел к напряженности в феврале 1924 г. Г.В. Чичерин указывал на то, что причиной ухудшения германо-советских отношений стала революционная пропаганда, которую проводил в первую очередь Г. Зиновьев⁴⁴⁷. Важным фактором стало и то, что СССР стал ориентироваться на установление отношений с Великобританией и Францией. На негативное влияние коммунистической пропаганды на развитие двусторонних отношений указывал и У. Брокдорф-Ранцау, заявив, что Германия считает неприемлемым вмешательство Коминтерна во внутренние политические процессы, «и если оно будет продолжаться, то это приведет к ликвидации дружественных отношений с Россией»⁴⁴⁸. Несмотря на возникшие противоречия, советская дипломатия продолжала отстаивать неизменности курса Рапалло и выказывала оптимистические прогнозы развития германо-советских политических и экономических отношений, что было отражено в заявлении Г.В. Чичерина по случаю второй годовщины заключения договора.

⁴⁴⁷ Москва-Берлин. Т. 1. С. 242.

⁴⁴⁸ Цит. по: Макаренко П.В. Курсом Рапалло: СССР и Германия в 1922-1927 гг. // Вопросы истории. 2011. №10. С. 34.

Одним из наиболее сложных дипломатических моментов стал майский инцидент в советском торгпредстве в 1924 г.⁴⁴⁹. Данная провокация была весьма рискованным мероприятием; МИД Германии выступал против, поэтому Г. Штреземан не был даже проинформирован о предстоящей акции. Вначале он выступил с резким замечанием в адрес полицейских властей Германии, заявив, что МИД Германии не был предупрежден о планируемом обыске в здании советского торгпредства в Берлине. Однако позже 3 мая он оправдал действия полиции, обратив внимание на то, что не произошло нарушения ни германского, ни международного права, поскольку торгпредство не обладало правом на неприкосновенность помещений. Вместе с тем, оценивая последствия инцидента для советско-германских отношений, германские дипломаты высказывали позицию, что это могло не только негативно сказаться на развитии экономических связей, но, по мнению У. Брокдорфа-Ранцау, поставить на карту всю политику Германии в отношении СССР. Советская сторона заявляла о нарушении соглашений между Германией и СССР. Н.Н. Крестинский высказал позицию, согласно которой советская сторона исходила из принципа экстерриториальности здания советского торгпредства, в связи с чем считала, что со стороны Германии произошло нарушение данного принципа⁴⁵⁰.

Урегулирование данного инцидента советские руководство видело в соглашении германской стороны с условиями, изложенными комиссариатом иностранных дел в ноте от 12 мая 1924 г., что предполагало извинения со стороны Германии за произвол и насильственные действия полицейских властей в форме, установленной международным правом; наказание ответственных должностных лиц; компенсация материального ущерба; признание принципа экстерриториальности помещений торгпредства и гарантии того, что подобное нарушение экстерриториальности не будет

⁴⁴⁹ Макаренко П.В. Первая трещина в политике Рапалло: к истории майского инцидента 1924 г. с советским торгпредством в Берлине // Научные ведомости. 2009. №9.

⁴⁵⁰ Москва-Берлин. Т.1. С. 262.

нарушено в дальнейшем⁴⁵¹. Со стороны Германии последовал отказ от предъявленных условий нормализации отношений, что привело к фактическому разрыву торговых отношений с Германией, инициированных советской стороной: переговоры с германскими промышленными и финансовыми кругами были прекращены, приостановлен экспорт советского зерна и продуктов в Германию, закупки по ряду товаров из Германии были приостановлены, заказы переданы в другие государства. Несмотря на все меры, германское правительство не соглашалось пойти на уступки в вопросе о неприкосновенности торгпредства и его сотрудников. Ноты, которыми обменивались дипломаты, не помогли достичь взаимопонимания и сохранили разногласия как в оценке хода инцидента, так и его причин. Немецкая сторона предприняла попытку наладить отношения только в конце мая. Г. Штреземан направил германскому посольству в Москве указание обратиться к советской стороне с предложением о возобновлении переговоров по выработке совместного протокола для восстановления отношений. Со стороны Г.В. Чичерина поступил отказ от проведения двусторонних переговоров, так как он считал возможным решить разногласия с участием третейского суда или смешанной комиссии. Несмотря на все старания У. Брокдорфа-Ранцау и длительные переговоры с Г.В. Чичериным и М.М. Литвиновым, достичь компромисса так и не удавалось. В этот период охлаждение отношений воспринималось как поворот Германии в сторону стран Запада, о чем сообщали и Г.В. Чичерин и Л.Б. Красин: «ориентация в Германии сейчас по преимуществу на Запад»⁴⁵². Одновременно с этим германское правительство начало использовать экономические рычаги давления на советское руководство, призывая германских промышленников «не заключать с Россией сколько-нибудь длительных договоров»⁴⁵³. Германское министерство иностранных дел пугало риском нового переворота или революции в СССР. Выход из

⁴⁵¹ Там же. С.268-269.

⁴⁵² Там же. С. 329.

⁴⁵³ Там же. С. 347.

кризисной ситуации был найден Г. Штреземаном. Министр считал необходимым пойти на уступки в вопросе о площади помещений, признаваемых экстерриториальными. Во многом этому поспособствовала позиция, занятая Великобританией. В июле 1924 г. Х.Г. Раковский сообщал о «согласии английского правительства признать в торговом договоре монополию внешней торговли, иммунитет торгпреда и советников, включая экстерриториальность конторы в посольстве»⁴⁵⁴. Для урегулирования инцидента германская сторона была вынуждена пойти на уступки, подписав 29 июля 1924 г. протокол, в котором выражала сожаление по поводу действий полицейских властей, сообщало о наказании ответственного за происшествие начальника полиции Б. Вайса, а также соглашалось возместить материальный ущерб, причиненный во время погрома в торгпредстве. По мнению исследователя П.В. Макаренко, на решение Германии принять условия советской стороны повлияли факторы внешнеполитического характера: германское руководство было вынуждено признать необходимость реализации задач во внешней политике, связанных с развитием отношений с СССР, несмотря на те цели, которые существовали во внутренней политике: «Экономически и политически изолированной от Запада Германии не оставалось ничего, как идти на примирение – не во всем выгодное для нее»⁴⁵⁵.

После инцидента в советском торгпредстве, принятия Германией плана Дауэса и решения о вступлении в Лигу Наций, Политбюро ЦК и Наркоминдел склонились к изменению политики в отношении Германии. Московское правительство рассматривало Рапалльский договор как противовес Лиге Наций и стремилось удержать Германию от вступления в эту организацию. В то же время Г. Штреземан пытался убедить советское руководство, что вступление в Лигу Наций не будет означать отказ от курса Рапалло, и Германия не собирается отступать от устоявшихся связей с

⁴⁵⁴ Там же. С. 356.

⁴⁵⁵ Макаренко П.В. Первая трещина в политике Рапалло: к истории майского инцидента 1924 г. с советским торгпредством в Берлине. С. 78.

Советской Россией. В октябре 1925 г. Г.В. Чичерин в письме М.М. Литвинову подробно излагал позицию Г. Штреземана: «В ходе разговора я указал на различные способы употребления выражения «Рапалло», причем толкование этого слова в смысле единения недовольных или оппозиционных государств прекратит существование после вступления Германии в Лигу наций, на что он мне ответил, что Германия и в Лигу Наций останется недовольным и оппозиционным государством»⁴⁵⁶.

При этом германское руководство волновала неоднозначная и противоречивая политики СССР, о чем высказывался У. Брокдорф-Ранцау. Он считал, что со сторон СССР предпринимались действия, направленные на установление более тесных отношений с Германией, а с другой стороны советское руководство «выступает в печати и речах против этого правительства»⁴⁵⁷. Г. Штреземан обращал внимание на то, что выход Германии из экономического и политического кризиса и полноправное участие в международных отношениях не отвечала интересам советского государства. В связи с этим, он полагал, что целью советской дипломатии было не установление и развитие дружественных отношений с Германией, а создание препятствий для урегулирования отношений Германии со странами Антанты, что могло привести к нарастанию революционной обстановки в Германии⁴⁵⁸.

Несмотря на противоречивость советской внешней политики и неоднозначное восприятие ее со стороны Германии к концу 1924 г. активизировалась подготовка к подписанию советско-германского торгового договора. Во многом это было вызвано с окончанием срока действия положения Версальского мирного договора, согласно которому Германия была обязана до января 1925 г. предоставить странам-победительницам право наибольшего благоприятствования на основе таможенного тарифа 1902 г. Вследствие этого, Германия до 1925 г. была весьма ограничена в

⁴⁵⁶ Москва-Берлин. Т.1. С.640.

⁴⁵⁷ Цит. по: Макаренко П.В. Курсом Рапалло: СССР и Германия в 1922-1927 гг. С. 35.

⁴⁵⁸ Там же. С. 36.

возможностях внешнеэкономической политики и заключения торговых договоров. В октябре-ноябре 1924 г. Германия начала проведение переговоров с целым рядом государств с целью подготовки и согласования новых торговых договоров. Обсуждая условия торгового соглашения с Германией, советская дипломатия принимала во внимание соглашения Германии с третьими странами. При этом, если по вопросам переговоров с Италией, Францией и Бельгией советская дипломатия имела представление о существующих сложностях и возможных вариантах их решений, то в отношении переговоров с Великобританией отмечалось то, что они проводятся совершенно секретно, не было «возможности сообщить о ходе переговоров что-либо помимо слухов и информации частного характера»⁴⁵⁹. При этом советская дипломатия в период подготовки к подписанию советско-германского торгового договора отмечала тот факт, что немецкие официальные круги и пресса стремились преуменьшить значение СССР как торгового партнера и поставить вопрос о заключении торгового договора с советским государством в зависимость от итогов переговоров с другими странами.

Советская дипломатия исходила из заинтересованности Германии в развитии двусторонних экономических отношений и считала, что в германских кругах существовала обеспокоенность относительно возможности более тесного сотрудничества СССР и США по вопросам концессий: «Он (У. Брокдорф-Ранцау) очень благодарил за этот знак благорасположения к Германии, что мы не отдаем концессии американцам, не постаравшись привлечь Германию»⁴⁶⁰.

При обсуждении договора выяснилось, что оставалось еще множество нерешенных вопросов, которые изложил в своей записке председатель советской торговой делегации Я. Ганецкий. Необходимо обратить внимание на то, что советская сторона затягивала переговоры, отказываясь принимать

⁴⁵⁹ Москва-Берлин. Т.1. С.382.

⁴⁶⁰ Там же. С.435.

уступки, сделанные германской делегацией, а также идти на встречные уступки: «остались невыполненными германские требования о транзите, обойден молчанием целый ряд вопросов: о присоединении торгпредства к советскому полпредству, о пропаганде, о сроке действия экономического соглашения, защите германских подданных от уголовного преследования за торговый шпионаж»⁴⁶¹.

Параллельно с обсуждением торгового договора шла дискуссия по возможностям и условиям предоставления Германией кредита СССР. Германская позиция заключалась в том, что необходимо создать группу банкиров и промышленников, которая предоставит кредит в размере 250 млн. марок на покрытие советских закупок в Германии. Кроме того, германская сторона предлагала включить условия предоставления кредита в текст экономического договора. Советскую сторону категорически не устраивал как размер кредита, так и формулировки, связанные с включением кредитных положений в договор⁴⁶².

Ранее прерванные переговоры возобновились в Москве в ноябре 1924 г. Предметом переговоров стало обсуждение основ для развития экономических отношений между государствами с различными формами собственности. Советская делегация настаивала на том, что германская сторона должна признать монополию государства на ведение внешней торговли и при обсуждении экономических вопросов руководствоваться развитием торговли через государственные ведомства, а не взаимодействием с частными лицами. Вторым спорным вопросом стало осуждение условий предоставления долгосрочного кредита СССР. Германская сторона была готова принять первое условие, о чем глава делегации фон Кёрнер сообщал в Берлин: «Мы признали русскую монополию внешней торговли, которая является основной опорой русской экономической политики и даже

⁴⁶¹ Цит. по: Макаренко П.В. Московский торговый договор (1925 г.) и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. №13. С.142.

⁴⁶²Трусова М.А. Германский кредит СССР в двусторонних переговорах и с позиции западных держав // Известия Смоленского государственного университета. 2023.№3 (63). С. 138.

конституции, так как в противном случае было бы вообще невозможно начать переговоры»⁴⁶³.

Готовность германского руководства признать государственную монополию внешней торговли была, в первую очередь, связана с опытом эффективного развития экономических отношений между государствами с различными системами собственности, происходившего после заключения Рапалльского договора. Однако дальнейшее согласование договора вызывало ряд затруднений. Советская сторона настаивала на том, что Германия должна признать недопустимость участия в договорах, целью которых является политическая и экономическая изоляция советского государства. Германия была готова согласиться с подобным положением, однако считала целесообразным включение его в содержание политического соглашения, а также настаивала на том, что публикация подобного положения не допускалась. Это было необходимо для того, чтобы государства-участники Лиги Наций не имели возможности с ним ознакомиться. Советский представитель М.М. Литвинов предполагал, что такая позиция Германии была связана с колебаниями внешнеполитического курса, поскольку «Германия стоит перед выбором: или продолжать совместную с Советским Союзом рапалльскую политику, или отказаться от этой политики»⁴⁶⁴.

К концу августа стало очевидно, что дальнейшие дискуссии по данному положению могут затянуть согласование экономического соглашения. Стороны приняли решение проводить одновременно отдельные переговоры по согласованию политического и экономического соглашений. Между государствами возникали и разногласия, связанные с развитием экономических отношений с третьими странами. Одним из ярких примеров стало применение советским союзом принципа наибольшего благоприятствования в отношении ряда стран. Германия предполагала, что это нарушило положения Рапалльского договора, советская позиция

⁴⁶³ Anderle A. Op.cit. S. 109.

⁴⁶⁴ Цит. по: Макаренко П.В. Курсом Рапалло: СССР и Германия в 1922-1927 гг. С. 37

заклучалась в том, что советско-германский договор подобными действиями не был нарушен⁴⁶⁵.

Оценивая экономическое и политическое положение Германии в конце 1924 г. советское руководство отмечало, что советский импорт и экспорт не играет значительной роли для Германии, однако изменение отношений с другими государствами, а именно: «закрытие для германских изделий американского и английского рынков и трудность в проникновении на французский рынок вследствие низкой французской валюты»⁴⁶⁶, вынуждали Германию видеть в СССР более привлекательного экономического партнера. Советская дипломатия, по-прежнему, рассматривала политику Германии как находящуюся в зависимости от отношений со странами Антанты, подчеркивая, что «предстоит дальнейший торг между Германией и Антантой, от исхода которого зависит определение дальнейших отношений между Германией и СССР»⁴⁶⁷. При этом отмечалось, что сохранялась тенденция к дружественным отношениям с СССР, отступление от которой было связано с необходимостью борьбы за ослабление условий Версальского договора.

Позицию Германии в период проведения переговоров о заключении торгового договора ярко характеризует выступление Г. Штреземана в рейхстаге в мае 1925 г. Он подчеркивал, что географическое положение Германии в центре Европы создает условия и необходимость для развития отношений как с СССР, так и с другими государствами. В связи с этим, постоянной задачей германской внешней политики будет реализация в равной мере интересов на Востоке и на Западе, «причем это «уравновешение» интересов не требует и никогда не примет такой формы, которая могла бы сделать невозможным или хотя бы неблагоприятно отразиться на плодотворном развитии русско-германских отношений»⁴⁶⁸.

⁴⁶⁵ Советско-германские отношения 1922-1925. Ч.1. С. 338.

⁴⁶⁶ Москва-Берлин. Т.1. С. 449.

⁴⁶⁷ Там же. С. 451.

⁴⁶⁸ Правда. 20.05.1925.

Последним дискуссионным аспектом стал вопрос о возмещении германским гражданам ущерба, нанесенного национализацией имущества, о чем германская сторона заявила 14 сентября 1925 г. Со стороны советской делегации последовал отказ, после чего германские представители не продолжили настаивать на своих требованиях⁴⁶⁹.

Текст договора был согласован и подписан в Москве 12 октября 1925 г. накануне Локарнской конференции⁴⁷⁰. Перед подписанием договора, советская сторона отмечала необходимость заключения договора непосредственно до начала Локарнской конференции, поскольку по мнению советских дипломатов Германия была заинтересована в торговом договоре, что давало возможность СССР получить более выгодные условия⁴⁷¹.

Для Германии Московский договор имел важное политическое значение, поскольку наглядно демонстрировал способность проводить независимую от западных держав внешнюю политику. Он изменил планы западных стран, намеревавшихся сделать из Германии зависимого союзника. После заключения договора У. Брокдорф-Ранцау заявил, что Московское соглашение в полной мере совпадало с направлением внешней политики Германии, начало которой было положено Рапалльским договором. Высказываясь о реализации соглашения, он считал, что договор был взаимовыгодным, в результате его реализации «каждая из договаривающихся сторон в одинаковой степени окажется в выгоде»⁴⁷².

После заключения договора в значительной мере усилилось торговое и экономическое партнерство государств. Наблюдался постепенный, но стабильный рост объемов советско-германской торговли. Многие германские промышленники видели перспективы реализации продукции на советском рынке. Договор находил поддержку и в дипломатических кругах Германии,

⁴⁶⁹ Советско-германские отношения. 1922–1925 гг. Ч. 1. С.343.

⁴⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 8. С.582-617.

⁴⁷¹ Москва-Берлин. Т. 1. С.644.

⁴⁷² Советско-германские отношения. 1922–1925 гг. Ч. 1. С. 361.

так как он становился основой для расширения экономических и политических связей.

США пристально следили за развитием двустороннего германо-советского сотрудничества. Одним из важнейших для США вопросов было обсуждение вступления Германии в Лигу Наций на фоне набравшего обороты германо-советского сотрудничества. Американская пресса, подробно освещавшая эту тему, склонялась к тому, что для Германии первоочередными являются отношения с западными государствами, поскольку: «Германо-советские промышленные и коммерческие отношения в большей степени вопрос будущего, Германия в данный момент остро нуждается в кредитах, а также в освобождении от комиссии по военному контролю, что делает наиболее важным сохранение дружественных отношений с западными державами»⁴⁷³.

С другой стороны, в прессе отстаивалась позиция, согласно которой Германия стремилась не только развивать отношения с СССР, сколько использовала двусторонние отношения с советским государством для того, чтобы вынудить европейские страны предоставить Германии более благоприятные условия. Подобное отношение прослеживается и в статье, опубликованной после заключения Московского договора в «Вашингтон Таймс». Соглашение оценивалось как средство давления на европейские страны в вопросах германской политики, что было особенно важно в период обсуждения возможности и условий вступления Германии в Лигу Наций. Указывалось, что Московский договор подтверждал условия Рапалльского договора таким образом, что давал возможность Германии выдвинуть предварительные условия по содержанию соглашения о ее вступлении в Лигу Наций, при этом он давал возможность манипулирования и отказа от взаимодействия с западными странами и переориентации

⁴⁷³ The Evening Star. 24.06.1925.

внешнеполитического курса Германии на более тесное сотрудничество с СССР⁴⁷⁴.

В ноябре 1925 г. Г.В. Чичерин поднял вопрос о перспективах подписания политического соглашения, однако детальное обсуждение было перенесено на более поздний срок в связи с выходом в отставку германского правительства⁴⁷⁵. В декабре 1925 г. советская сторона повторно обратилась с предложением заключения соглашения о дружбе и нейтралитете. На начальном этапе переговорный процесс проходил довольно медленно. Во многом причиной этого было нежелание Германии развития отношений с СССР в тот период. Для Германии более важным было обсуждение перспектив и возможностей вступления в Лигу Наций, что могло положительно сказаться на ее отношениях с западными странами и значительно укрепить позиции в мировой политике. Г. Штресман отстаивал прозападный курс внешней политики, а не развитие отношений с СССР⁴⁷⁶.

Британские власти не принимали всерьез стремление Москвы к установлению торговых и политических отношений с иностранными государствами. С 1925 г. Британия рассматривала отношения Германии и России с позиции своих планов достижения урегулирования отношений между западноевропейскими странами. В Форин Офисе знали, что российские дипломаты не раз предупреждали германских коллег воздерживаться от сближения со странами Антанты.

Таким образом, в период подготовки и подписания Московского торгового договора 1925 г. советско-германские отношения находились в зависимости от переговоров о заключении Локарнских соглашений и вступлении Германии в Лигу Наций. Необходимо обратить внимание на то, что позиция Франции и Великобритании по отношению к Германии начинает претерпевать изменения, на смену изоляции приходит включение Германии в экономические и политические процессы в Европе. При этом Германия

⁴⁷⁴ The Washington Times. 2.10.1925

⁴⁷⁵ Москва-Берлин. Т.1. С.659.

⁴⁷⁶ Гереке Г. Я был королевско-прусским советником. Мемуары политического деятеля. М. 1977. С. 124.

продолжала проводить политику лавирования между западными странами и СССР. Советский союз, в свою очередь, использовал противоречия между Германией и западными странами для получения наибольших выгод в двусторонних переговорах.

3.3 Заключение Берлинского договора 1926 г. и политика западных государств.

Заключение Московского экономического договора 1925 г. поставило задачи по расширению торгового взаимодействия, увеличению товарооборота, дало возможности по развитию хозяйственного сотрудничества. Особое значение в этом вопросе имело обсуждение германских кредитов Советскому Союзу. Советская сторона надеялась на финансовую помощь Германии в виде крупных займов и долгосрочных кредитов для осуществления индустриализации страны. В августе 1925 г. И.М. Файнгара направил в Москву сообщение, в котором указывал, что германский банк был готов предоставить кредит в размере 100 млн. золотых марок, направить которые можно было на покупку продукции германской промышленности⁴⁷⁷. Детали и условия предоставления кредита стали предметом обсуждения между странами в 1926 г. Советское руководство с вниманием относилось к обсуждению германо-советских экономических отношений. В январе 1926 г. И.В. Сталину был представлен доклад, посвященный положению германской экономики. В процессе подготовки доклада были использованы отчеты Г. Шеффера и К. Ланге. В данных докладах авторы обосновывали необходимость экспорта промышленных товаров в СССР и с этим связывали перспективы увеличения промышленного производства в Германии. По их мнению, проблемы увеличения экспорта была тесно связана с предоставлением СССР кредитов. Среди правительственных кругов Германии все чаще обращали внимание на то, что экономическое сотрудничество с СССР было крайне необходимо. В конце 1926 г. Г. Штреземан и министр экономики Ю. Курциус направили правительству меморандум, в котором излагали позицию, что расширение торговли с СССР могло предотвратить кризис перепроизводства⁴⁷⁸.

⁴⁷⁷ Москва-Берлин. Т.1. С. 607-613.

⁴⁷⁸ADAP. В. 2.1. S. 145-153.

В начале 1926 г. началось проведение переговоров между Германией и СССР по вопросам поставки нефтяного оборудования, при этом германские промышленники предполагали, что СССР будут предоставлены кредиты. При этом советское руководство рассматривало подобное желание Германии по предоставлению кредитов и развитию взаимодействия в нефтяной сфере не только в рамках двустороннего сотрудничества, но и как средство давления на другие государства. Л.Д. Троцкий заявлял по этому вопросу: «Телеграмма Бродовского и Бегге о решении немецкого правительства организовать для нас кредит еще на 200 млн, кроме 100 млн Вольфа, создает, или, по крайней мере может создать совершенно новую ситуацию в отношении переговоров с Францией»⁴⁷⁹.

В течение января 1926 г. проходили переговоры о предоставлении Германией СССР кредитов, основными спорными пунктами в которых были сроки кредитования и проценты, выплачиваемые по кредиту. СССР был крайне заинтересован в предоставлении немецкого кредита, поскольку рассматривал его как средство улучшения своего внешнеэкономического положения. Б.С. Стомоняков сообщал по поводу кредитов, что принятие Германией окончательного решения должно привести к улучшению положения Советского Союза на мировых рынках, а также развитию торговли с другими странами. Он обращал внимание на то, что многие европейские страны, например, Австрия, Чехословакия, Швеция, Франция будут стремиться к недопущению ситуации, в которой Германия сможет занять монопольное положение на советском рынке, в связи с чем «в той или другой форме пойдут на аналогичные мероприятия для усиления своей торговли с нами»⁴⁸⁰. При этом дипломаты СССР стремились достичь наиболее благоприятных для себя условий кредитования и не были склонны

⁴⁷⁹ Москва-Берлин. Т.1. С. 679.

⁴⁸⁰ Там же. С. 719.

идти на уступки, так как видели в договоре с Германией образец для последующих соглашений с другими странами⁴⁸¹.

К середине февраля переговоры с банковским концерном Германии зашли в тупик и в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) возобновились сепаратные переговоры о заключении договоров с промышленниками, основными из которых являлись «Демаг», «Крупп», «Всеобщая компания электричества», «Сименс-Шукерт», «Отто Вольф», «Бергман». Заключение договоров с германскими промышленниками оценивалось советским руководством как противовес политики Великобритании, направленной на разработку законов, создающих препятствия для развития торговых отношений с СССР: «... в то время, как в Англии закон об облегчении экспорта распространяется на все государства, кроме СССР, аналогичный германский закон о гарантиях будет распространяться только на СССР и ни на одну страну»⁴⁸².

Сведения об обсуждении кредитов СССР привели к активизации промышленных кругов Германии. Среди наиболее активных сторонников развития торговли и кредитования СССР был О. Вольф, оптовый торговец железом, намеревавшийся предоставить частный кредит Советскому государству. В период обсуждения условий и сроков кредитования проявились противоречия между германским правительством и промышленниками, заинтересованными в экономических связях с СССР. На первом этапе удалось утвердить сумму кредита, а также условия по разделению кредита на две части - 150 млн. марок планировалось предоставить через компанию О. Вольфа, 150 млн. через Рейхсбанк, и общий срок кредитования (4 года). Однако споры вызывали отрасли, в которые могли быть направлены предоставленные финансы. О. Вольф настаивал на том, что кредиты могли быть использованы только на развитие нефтяной отрасли. Правительственные круги считали, что кредиты могли быть

⁴⁸¹ Там же. С. 720.

⁴⁸² Там же.

направлены и в другие отрасли промышленности. Данные разногласия не оставались без внимания советских дипломатов. В январе 1926 г. Б.С. Стомоняков в связи с этим сообщал, что «заседание с группой Вольфа выяснило ее энергичное стремление воспротивиться использованию кредита для другой немецкой промышленности и сохранить его для тяжелой и электрической промышленности»⁴⁸³.

В западных державах, прежде всего Великобритании, переговоры по кредитованию СССР вызывали интерес и озабоченность. Английская дипломатия считала важным препятствовать заключению соглашения и предпринимала для этого различные шаги. С одной стороны, правительство Великобритании вмешивалось в советско-германские переговоры, о чем Б.С. Стомоняков сообщал в Москву, указывая, что «Лапинский докладывает в НКВД о том, что по достоверным сведениям Чемберлен уже протестовал в Берлине против предоставления нам этих кредитов»⁴⁸⁴. Также Великобритания стремилась оказать давление на Германию посредством воздействия на банковскую сферу. Данные шаги не оставались без внимания советских дипломатов. В феврале 1926 г. Б.С. Стомоняков докладывал в Москву о том, что «крупные лондонские банки оказали давление на берлинские банки с целью побудить их отказаться от финансирования 300-миллионных кредитов для СССР»⁴⁸⁵.

Во время переговоров британские дипломаты старались оказывать влияние на их ход и позицию германских представителей. В апреле 1926 г. д'Абернон предостерегал Германию от предоставления кредита СССР. Английский представитель обращал внимание на экономические трудности в СССР, которые могла грозить нестабильностью в стране, что создавало риск для Германии: «Во время своего сегодняшнего визита лорд д'Абернон сказал

⁴⁸³ Москва-Берлин. Т. 1. С. 682.

⁴⁸⁴ Там же. С. 744.

⁴⁸⁵ Там же. С. 766.

мне, что он опасается, что в ближайшем будущем в трех странах – Франции, Польше и СССР – произойдут крупные финансовые катастрофы»⁴⁸⁶.

Параллельно с советско-германскими переговорами проходило и обсуждение возможностей предоставления Советскому союзу кредитов со стороны других стран, в том числе и Великобританией. В июне 1926 г. Г.В. Чичерин сообщал о необходимости достижения договоренностей по закупкам английского оборудования и по поводу предоставления займов, что вызывало недовольство со стороны правительственных кругов, но отвечало интересам английских промышленников. Г. В. Чичерин сообщал о том, что правительственные круги Великобритании предпринимали шаги для противодействия получению кредитов от английских фирм. Однако, в ходе встречи с представителем Великобритании Р.М. Ходгсон, последний «сообщил с большим удовлетворением о ряде крупных сделок в кредит, заключенных нашими организациями в Англии за последнее время»⁴⁸⁷.

Переговоры СССР с другими странами не оставались без внимания со стороны Германии. М. Шлезингер обращался к правительству с призывом к заключению кредитного соглашения, поскольку видел опасность того, что английские промышленники и банкиры начнут вкладывать деньги в советскую экономику. Он обращал внимание на тот факт, что политические разногласия между СССР и Великобританией усугублялись, но при этом происходило улучшение экономических отношений. В связи с изменениями экономических советско-английских отношений он высказывал надежду на скорейшее решение вопроса о германском кредите⁴⁸⁸.

Для советских дипломатов выгодным было не только урегулирование советско-германских двусторонних вопросов и получение кредита, но и использование самого переговорного процесса для воздействия на страны Запада. По-прежнему, предполагалось, что таким образом будет возможно получить более выгодные условия от западных держав. Подобную позицию

⁴⁸⁶ ADAP. В. 2.1. S.386.

⁴⁸⁷ Москва-Берлин. Т. 1. С. 900.

⁴⁸⁸ ADAP. В 2.1. S. 327.

высказывал Б.С. Стомоняков, отмечая, что заключение кредитного договора важно для повышения авторитета СССР, поскольку он мог продемонстрировать платежеспособность советского государства, а также способствовать тому, что другие страны вступят с Германией в конкуренцию за советский рынок и заключат соглашения с СССР⁴⁸⁹.

Вместе с тем, в двусторонних переговорах возникал и целый ряд разногласий. Однако в июне 1926 г. удалось достичь соглашения, которое давало возможность использовать германские кредиты для восстановления и развития советской промышленности в условиях начавшейся в стране индустриализации. О перспективах развития советско-германских экономических отношений германская сторона информировала Великобританию, одновременно с этим обратив внимание на значимость германских кредитов в СССР. Об этом 7 августа К. Шуберт сообщал в Лондон: «Прямые запросы от американских, французских, японских, чешских, австрийских правительств и экономических кругов показали их особое внимание, уделяемое развитию германо-советских экономических отношений»⁴⁹⁰. Он также обосновывал необходимость пересмотра подходов к ведению торговли с СССР с тем, чтобы способствовать экономическому развитию СССР. При этом он указывал на то, что Германия планирует занять ведущую позицию в вопросах торговых отношений с СССР, тесно сотрудничать с СССР; правительственные ведомства будут всячески поддерживать фирмы, которые нацелены на развитие экономического партнерства с СССР.

При этом К. Шуберт предполагал, что Германии, с одной стороны, выгодно усиление политических и экономических связей СССР с другими государствами, но, с другой стороны, «мы должны стараться направлять приток иностранного капитала через нас, чтобы экономическое усиление

⁴⁸⁹ Москва-Берлин. Т.1. С. 705.

⁴⁹⁰ ADAP, Bd. 2.2. S. 174.

России не привело к независимому от нас политическому развитию»⁴⁹¹. Он также отмечал, что советская дипломатия умело использовала фактор отношений с Германией для оказания давления в переговорах с третьими странами: «сейчас приходится констатировать, что затягивание кредитных переговоров привело к потере преимуществ, когда советское правительство, ссылаясь на наш 300-миллионный кредит, попыталось использовать это в своих целях при проведении прямых переговоров с другими странами»⁴⁹². Сообщения о возможностях взаимодействия с третьими странами в экономическом восстановлении СССР воспринимались с явным интересом. В сентябре 1926 г. А. Дюфур сообщал из Лондона о том, что британский представитель бизнеса лорд Инвертфорт собирался в СССР с целью обсуждения вопросов создания англо-русского банка и финансирования кредитов СССР. Идеи о совместном англо-германском участии в экономике СССР были весьма распространены среди германского руководства. Вместе с тем ряд политиков считали необходимым взаимодействие с США. Подобной позиции придерживался М. Шлезингер, который рассматривал США в качестве партнера в экономическом восстановлении СССР, о чем он сообщал в Вашингтон: «Наше стремление найти точки соприкосновения с американцами в Советской России начинает обретать реальные черты после того, как в течение последнего года большое количество американцев, представляющих очень серьезные предприятия, начали изучать возможности установления контактов с Россией»⁴⁹³.

В германских деловых кругах все же не существовало единодушного мнения по поводу предоставления кредита СССР. Часть финансистов предполагали, что развитие экономических отношений должно было происходить с крайней осторожностью, а предоставление кредитов было допустимо только при условии получения от советского правительства гарантий их возврата. Для защиты интересов германских кредиторов

⁴⁹¹ Ibid. P. 176.

⁴⁹² Ibid. P. 177.

⁴⁹³ Ibid. P. 318.

считалось необходимым создать консорциум. Данное предложение было негативно воспринято в СССР, поскольку ставило вопрос о возможном требовании возврата дореволюционных долгов. Особенно планы создания консорциума стали вызывать озабоченность после того, как ряд банковских кругов предприняли попытку оспорить статьи Рапалльского договора, которые касались отказа советской и германской стороны от взаимных претензий.

На заключительном этапе переговоров ряд американских банкиров и промышленников выразили заинтересованность и оценивали возможности своего участия. Одним из них стал У. Гарриман, предложивший проект финансирования германских кредитов. План американского миллиардера предусматривал следующее: «Гарриман [эмистирует] краткосрочный целевой заем в Нью-Йорке для германской промышленности, причем в размерах 60% отвечают германские промышленники и германское правительство, на 40% - промышленники и германские банки. При этом плане весь кредит должен обойтись нам в 9%»⁴⁹⁴. В результате длительных переговоров с американским правительством, а также с дипломатическими кругами Германии, проект У. Гарримана не был реализован. Американские правящие круги считали, что экономическое сотрудничество могло вызвать проблемы политического характера, поскольку поддержка восстановления советской экономики предполагала признание советского правительства, что противоречило позиции США: «Из имеющейся информации ясно следует, что по своей сути предполагаемая сделка будет представлять собой финансирование России и, по сути, использование американского кредита для предоставления преимуществ советскому режиму. Этот режим, как вы знаете, отказался от обязательств перед США и американскими гражданами»⁴⁹⁵.

⁴⁹⁴ Москва-Берлин. Т.1. С. 799.

⁴⁹⁵ Papers relating to the foreign relations of the United States, 1926. Vol. II. P. 1454.

Несмотря на возникшие сложности в процессе двустороннего урегулирования сумм, сроков и условий кредита, а также предпринятые со стороны США и Великобритании попытки оказать влияние на достижение договоренностей, кредитное соглашение было заключено 24 июня 1924 г. Как отмечает академик Г.Н. Севостьянов, «это был самый большой кредит, когда-либо предоставлявшийся Советскому Союзу иностранным государством»⁴⁹⁶.

Немецкий банковский консорциум должен был выделить кредит в размере 300 миллионов марок, однако вначале он смог предоставить только 120 млн. марок. Дополнительные сложности возникли с реализацией выделенной суммы, поскольку бюрократическая волокита в СССР, а также изначально сжатые сроки кредита не давали возможность эффективно его использовать. В то же время Политбюро требовало вести переговоры об увеличении средств кредита, что в целом положительно было встречено промышленным капиталом Германии. При этом возникала непростая ситуация, в которой невозможность реализации предоставленных сумм рассматривалась германской стороной как свидетельство слабости советской экономики, что вызывало опасения у германских промышленников. В данной непростой ситуации советское руководство требовало от ВСНХ и других наркоматов обеспечения советских заказов. Однако, несмотря на все предпринятые меры, 100 млн. кредита так и не были использованы.

Сложности в использовании советским государством выделенных средств привели в дальнейшем к усложнению переговорного процесса по вопросам займов. В декабре 1926 г. Г.В. Чичерин во время визита в Германию выдвинул идею заключения соглашения о долгосрочном займе Германии Советскому Союзу. Он полагал, что подобный займ мог способствовать укреплению двусторонних экономических и торговых отношений. Германская сторона связывала обсуждение данного вопроса с решением репарационной проблемы, настаивая на том, что в тот период

⁴⁹⁶ Москва-Берлин. Т.1. С. 10.

времени средств для предоставления кредита у Германии не было. В связи с этим германские дипломаты считали необходимым получить поддержку от СССР для ведения переговоров по пересмотру плана Дауэса и отказа от репарационных выплат наличными деньгами. Советская сторона предполагала, что Германия располагала необходимым финансовыми возможностями, о чем Г.В. Чичерин сообщал в письме А.И. Микояну: «у Германии деньги есть, но она не хочет их показывать в данный момент»⁴⁹⁷. Н.Н. Крестинский в свою очередь также придерживался мнения, что финансовое положение Германии было не столь тяжелым, как об этом заявляли представители власти. Для давления на Германию в процессе переговоров он считал необходимым указывать на вероятное перенаправление советских заказов в другие страны⁴⁹⁸.

Германская сторона в переговорах обращала внимание на то, что предыдущие кредиты не были реализованы в полном объеме, не сказались положительно на развитии германской промышленности и двусторонней торговле. Дополнительным фактором, влиявшим на германскую позицию, было ее стремление сохранить СССР в определенной доли зависимости, препятствовать изменениям, которые могли привести к экономической независимости советского государства, заключении им торговых сделок с западными странами без посредничества со стороны Германии. Как указывает П.В. Макаренко «одна треть иностранных концессий в СССР были немецкими, на их оборудование и оснащение было израсходовано более 50 миллионов долларов. Немецкие концессионеры не только не получали ожидаемых прибылей в СССР, но даже разорялись, в то время как от советской стороны звучали нарекания в их адрес, что германские концессии сильно спекулятивны и направлены против советской власти»⁴⁹⁹. Германская сторона также протестовала против привлечения к концессиям промышленников США и Великобритании. Постепенно германские

⁴⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 9. С. 562.

⁴⁹⁸ АВП РФ. Ф. 09. Оп. 2. П. 15. Д.27. Л. 3.

⁴⁹⁹ Макаренко П.В. Зигзаги курса Рапалло после заключения Берлинского договора. С. 121.

промышленники приходили к мнению, что советские власти используют предоставленные финансовые средства без учета германских экономических интересов.

Кроме решения экономических вопросов в 1926 г. началось обсуждение политического соглашения, что привело в начале марта к работе над проектом договора о дружбе и нейтралитете. Г.В. Чичерин полагал, что скорейшее согласование текста договора отвечало интересам Германии. При этом советские дипломаты обозначали, что Великобритания получила информацию о содержании советско-германского договора⁵⁰⁰. С точки зрения М.М. Литвинова укрепление отношений с Германией отвечало интересам СССР, поскольку позволяло уменьшить негативные последствия от Локарнских соглашений. Несмотря на то, что в указанный период проводились переговоры не только с Германией, но и с другими государствами, М.М. Литвинов полагал, что наиболее перспективным было развитие политических отношений именно с Германией, поскольку переговоры с Францией могли не привести к желательным результатам. Кроме того, он полагал, что достижение соглашения с Германией создавало благоприятные условия для того чтобы «нейтрализовать» те последствия, которые имело ее присоединение к Лиге Наций, деятельность в соответствии с политикой Великобритании, а также минимизировало значение достигнутых между Германией и странами Антанты договоренностей в ходе Локарнской конференции⁵⁰¹. Он также обращал внимание на то, что советско-германский политический договор неизбежно создавал сложности в дальнейших переговорах с Францией и Польшей.

Г.В. Чичерин полагал, в свою очередь, что важнейшей задачей германской внешней политики было восстановить авторитет, при этом «каковы бы ни были отношения Германии с западными державами, в конечном счете, германские политические деятели всегда будут считать

⁵⁰⁰ Москва-Берлин. Т.1. С.796-798.

⁵⁰¹ Там же.

необходимым обеспечить свой тыл с Востока»⁵⁰². Он полагал, что независимо от изменений в правящих кругах Германии, а также колебаний внешнеполитического курса Германии, между странами будут продолжаться дружественные отношения.

Тем не менее, обсуждение политического соглашения проходило в тяжелых внешнеполитических условиях. Происходило улучшение отношений Германии со странами Антанты, что не могло не влиять на проведение двусторонних советско-германских переговоров. Советское руководство исходило из позиции, что Германия может быть поставлена в положение, при котором будет вынуждена проводить недружественную по отношению к СССР политику. Кроме того, участие Германии в Лиге Наций создавало условия для полноценного участия страны в международных отношениях, лишало ее статуса изгоя, что было невыгодно СССР.

Подписание Берлинского договора откладывалось германской стороной во-многом из-за обсуждения с западными державами вопроса о вступлении в Лигу Наций. Г. Штреземан направил в феврале 1926 г. У. Брокдорфу-Ранцау телеграмму, в которой указывал на то, что подписание договора может состояться только после Женевского совещания Лиги Наций, на котором будет рассматриваться вопрос о принятии в организацию Германии.

Локарнские соглашения стали серьезной попыткой Запада сдвинуть Германию с позиций балансирования. Руководство Великобритании полагало, что результатом заключения соглашений станет переориентация Германии на антисоветскую политику, сворачивание Рапалльского партнерства⁵⁰³. Подобные настроения и перспективы проведения внешней политики действительно существовали в Германии после заключения Локарнских соглашений. На непродолжительное время Г. Штреземан, стремившийся проводить политику балансирования между Востоком и

⁵⁰² Известия. 06.03.1925.

⁵⁰³ Cabel P.M. Op.cit. P. 82.

Западом, отказался от нее в пользу сближения с западными странами для мирного пересмотра Версальского договора. Однако ожидания не оправдались, и Г. Штресман, чьи симпатии были на стороне Запада, не позволил включить себя в политику, направленную против Советского Союза⁵⁰⁴.

После подписания Берлинского договора, У. Брокдорф-Ранцау в сообщении в Берлин указывал, что текст договора был составлен еще в 1924 г. Примерно с того же времени существовала необходимость и объективные предпосылки для заключения соглашения. Однако в 1925 г. Германия начала переориентацию внешней политики на переговоры с западными державами, что привело к заключению соглашений в Локарно и препятствовало дальнейшему укреплению отношений с СССР. У. Брокдорф-Ранцау был последовательным сторонником и проводником позиции, согласно которой внешняя политика Германии не должна быть ориентирована только на улучшение отношений со странами Запада, усилия должны быть «направлены на то, чтобы создать противовес Западу через тесные отношения с Советской Россией»⁵⁰⁵.

Во время советско-германских переговоров обнаружились различия в оценках сторонами перспектив развития двусторонних отношений. Германская сторона предполагала, что обсуждение договора происходило в рамках Рапалльского соглашения, являлось его продолжением и конкретизацией. Советская делегация настаивала на пересмотре Рапалльского соглашения, полагая его устаревшим и не отвечающим ни изменившейся внешнеполитической обстановке, ни уровню развития двусторонних отношений государств. Для советской стороны были очевидны колебания Германии, связанные с выбором внешнеполитического курса, нацеленного на отказ от рапалльской политики и согласование действий со странами Запада или развитие отношений с СССР для

⁵⁰⁴ Salzmann St.Op.cit. P.64.

⁵⁰⁵ ADAP. B. 2.1 S. 98.

достижения задач рапалльского сотрудничества. Также советская сторона проводила переговоры в условиях сильного давления со стороны западных стран и была вынуждена противодействовать их дипломатии.

По мнению французского дипломата Л. Хёша, при обсуждении Берлинского договора важное значение имела не вероятная угроза со стороны западных держав по отношению к СССР, которая требовала создания условий для гарантии собственной безопасности. Первостепенной задачей было создать обстановку недоверия между Германией и западными государствами, «затруднить будущее положение Германии в Лиге Наций и даже ее вступление в нее, и, тем самым, создать себе возможность продолжать игру европейских держав друг против друга»⁵⁰⁶.

С данной позицией во многом соглашался К. Шуберт, предполагая, что советское государство рассматривало Лигу Наций как административный совет, находившийся под влиянием Великобритании. Поскольку между СССР и Великобританией существовали противоречия в Азии, а также Великобритания стремилась изолировать СССР в экономическом плане, то Германия «вступив в Лигу Наций нанесет русским серьезный удар»⁵⁰⁷.

Г. Штамер считал, что Германии было необходимо четко определить, будет ли она развивать отношения с СССР или стремиться к урегулированию с западными странами. При этом он полагал, что для Германии было более выгодным ориентироваться именно на западные державы и воздерживаться от заключения соглашения с советским государством. Он также полагал, что реакция западных государств на советско-германский договор будет схожа с реакцией на Рапалльское соглашение и непременно приведет к ухудшению позиций Германии⁵⁰⁸. Г. Дирксен высказывал позицию, согласно которой Берлинский договор не означал отказ от локальной политики. Он также считал, что сравнение Берлинского и Рапалльского договоров было абсолютно неуместным, поскольку «этот договор является дополнением

⁵⁰⁶ Ibid. S. 137.

⁵⁰⁷ Ibid. S. 124.

⁵⁰⁸ Ibid. S.137.

соглашению, заключенному с западными державами. В то время, как Рапалло был «односторонней сделкой с Россией без соответствующей договоренности со странами Запада»⁵⁰⁹.

Советско-германский договор и процесс его обсуждения привлекали не только внимание политиков, но и становились предметом анализа для западной прессы. С самого начала переговоров появлялись сообщения об основных положениях договора, что не могло не вызывать обеспокоенность у властей западных держав. Особую озабоченность новый этап советско-германского сближения вызывал в Великобритании. В ответ на замечания английских представителей, германское министерство иностранных дел подчеркивало, что советско-германский договор о дружбе и нейтралитете не противоречит и не заменяет Локарнские соглашения, и должен рассматриваться как «дополнение и завершение Локарно»⁵¹⁰.

В апреле 1926 г. английская газета «Таймс» напечатала статью, в которой излагались подробности советско-германских переговоров по договору о нейтралитете. Германские дипломаты склонялись к позиции, что утечка информации произошла из английского министерства иностранных дел и, скорее всего, была целенаправленным шагом. Это событие не только повлияло на переговорный процесс, но и создало напряженность и недоверие германских представителей к Великобритании.

Германские дипломаты также полагали, что публикация информации создала трудности и в переговорном процессе, поскольку вынуждала германскую делегацию достичь соглашения в короткие сроки. Именно данным обстоятельством германские представители объясняли свой отказ на просьбы французских дипломатов о переносе момента окончательного согласования текста советско-германского договора и подписания соглашения.

⁵⁰⁹ Ibid. S. 226.

⁵¹⁰ Documents on British Foreign Policy. Ser. 1A. Vol. I. P. 573.

В результате длительных переговоров были достигнуты приемлемые формулировки соглашения. Советско-германский договор предусматривал отказ сторон от участия в военных союзах, а также в экономических и политических объединениях, созданных другими странами. Для Германии подобные положения были крайне важны, поскольку не исключали, но минимизировали риск сближения СССР с Францией и Польшей. В условиях вероятного улучшения отношений между СССР, Францией и Польшей, а также в условиях возрастающего внутри страны недовольства сближением с западными державами в рамках локарнской политики, германское руководство было вынуждено ориентироваться на проведение более дружественной политики по отношению к СССР.

Итогом переговоров стало подписание 24 апреля 1926 г. советско-германского договора о дружбе и нейтралитете. Германские власти расценивали соглашение как демонстрацию западным державам способности Германии проводить самостоятельную и независимую от них внешнюю политику. Берлинский договор становился противовесом существовавшему блоку западных держав, а также уменьшал значимость участия Германии в Лиге Наций. Советское руководство оценивало Берлинский договор как продолжение Рапалльского соглашения.

В Германии соглашение было воспринято позитивно, расценивалось как реализацию политики балансирования между Востоком и Западом. Предполагалось, что задачи внешней политики, связанные с получением максимальной пользы от взаимодействия со всеми государствами, нашли отражение в заключенном соглашении. В газетах «Таг» и Берлинер Тагеблатт» были размещены статьи, которые положительно оценивали соглашение, а «Кройц-Цайтунг» видела в нем решимость Германии противостоять попыткам западных стран «использовать ее в качестве тарана против России»⁵¹¹.

⁵¹¹ Родин Д.В. Указ. соч. С. 180-181.

Германские дипломаты, обсуждая договор в беседах с представителями западных стран, транслировали позицию, согласно которой договор имел важное значение не только для двусторонних советско-германских отношений, но и оказывал позитивное влияние на развитие отношений западных стран с СССР. Американскому послу в Германии Г. Шуберт сообщал о том, что для Германии большое значение имело восстановление дружеских отношений с Советским Союзом. Он отстаивал позицию, что промедление в заключении договора могло привести к серьезному ухудшению советско-германских отношений⁵¹².

При этом К. Шуберт настаивал на том, что заключение договора было крайне важным как для Германии, так и для европейских стран, поскольку политика западных держав, нацеленная на изоляцию СССР и отстранение его от обсуждения экономических и политических вопросов не могла привести к положительному итогу. Он считал, что важно было предпринять все возможные усилия для того, чтобы улучшить отношения с СССР. Он также полагал, что развитие германо-советских отношений было необходимо для улучшения положения в советском государстве и возвращении его к капиталистическим основам, видя в этом важнейшую роль Германии как посредника между СССР и странами Европы: «В этой связи наше соглашение с Россией станет мостом между Россией и остальной Европой»⁵¹³.

Г. фон Дирксен, анализируя негативную реакцию Великобритании на заключение соглашения, а также обращая внимание на статьи, появлявшиеся в английской прессе и критиковавшие политику Германии в отношении СССР, полагал, что английские власти предпринимали целенаправленные шаги для ухудшения советско-германских отношений. Официально со стороны Великобритании не последовало возражений по поводу заключения соглашения, но общественные круги высказывали беспокойство

⁵¹² ADAP. B. 2.1. S. 282-283.

⁵¹³ Ibid.

положениями договора. При этом он обращал внимание, что стремление западных держав ослабить СССР экономически противоречило интересам Германии, для которой советское государство было значимо как торговый партнер.

После подписания Берлинского договора О. Чемберлен предполагал, что текст его уже был давно согласован между двумя государствами, однако, Германия не посчитала нужным представить итоговый вариант проекта договора западным государствам: «В течение всего времени пребывания в Женеве в марте прошлого года немецкая делегация держала наготове текст русско-германского договора почти в тех же словах, в которых он впоследствии был подписан»⁵¹⁴. О. Чемберлен предполагал, что германская делегация не ознакомила западные страны с договором, поскольку это «было бы представлено как попытка шантажировать державы, так как это выглядело бы как угроза вступить с более тесные отношения с Россией, если ей не будет обеспечено вступление в Лигу Наций»⁵¹⁵.

Многие зарубежные исследователи оценивали Берлинский договор как противовес Локарнскому соглашению и продолжение политики, заложенной Рапалльским соглашением⁵¹⁶. Берлинский договор являлся основание полагать, что «битва за душу Германии» со стороны западных держав была проиграна⁵¹⁷.

К концу 1926 г. внешнеполитический курс Германии изменился, что было связано в первую очередь с позицией Г. Штреземана. Основные изменения касались того, что происходило сближение с Францией при одновременном сохранении дружеских отношений с Великобританией. Советская дипломатия основывалась на том, что «Штреземан добивается решения задач германской буржуазии на западе, подчиняя этим задачам свою политику на востоке по отношению к Польше, Чехословакии, СССР и

⁵¹⁴ Documents on British foreign policy. Ser. 1A, Vol.II. P. 21.

⁵¹⁵ Ibid.

⁵¹⁶ Salzmann St. Op.cit.. P.253-71.

⁵¹⁷ Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939. P. 51.

Литве»⁵¹⁸. Однако, постепенно в Германии усиливались позиции политиков, выступавших за сближение с Великобританией, чему во многом способствовала английская политика, направленная на достижение соглашений с Германией по вопросам уступок в области создания авиации и флота.

Сложности развития отношений в рамках Берлинского договора были связаны и с изменениями в военном ведомстве Германии. После отставки генерала Х. Секта, считавшегося противником Антанты и проводником курса на сближение и военное сотрудничество с СССР. Еще одним немаловажным фактором стало влияние прессы. В газете «Манчестер Гардиан» были опубликованы статьи «с изложением якобы имевшихся фактов соглашения в области военной промышленности между рейхсвером и советским правительством»⁵¹⁹. Данные публикации по сообщениям германских дипломатов были основаны на докладах посольства Великобритании в Берлине. Позднее статьи были перепечатаны французской прессой и вызвали крайнюю озабоченность среди французских политиков. Советские дипломаты видели целью этих сообщений «повести атаку против восточной ориентации рейхсвера»⁵²⁰. Результатом появления в английских и французских газетах статей, разоблачавших военно-технические связи Германии и СССР, стало прекращение взаимодействия по целому ряду направлений и проектов. В целом, к концу 1926 г. наблюдалось снижение заинтересованности Германии и СССР в военном сотрудничестве, в результате чего Политбюро приняло решение о ликвидации совместных предприятий. Историк С.А. Горлов полагает, что такое решение советского руководства было связано с тем, что после обнародования данных о германо-советском военном сотрудничестве, советская сторона ожидала репрессивных мер со стороны стран Антанты в отношении Германии. Это могло привести к сокращению германо-советского сотрудничества по другим

⁵¹⁸ Москва-Берлин. Т.1. С. 968.

⁵¹⁹ Там же. С. 945.

⁵²⁰ Там же. С. 970.

вопросам, поэтому «предприняв инициативу прекращения военного сотрудничества, Москва попыталась лишить Лондон и Париж повода «наказать» СССР и удержать Берлин в русле легальной рапалльской политики»⁵²¹. В январе-феврале 1927 г. в немецких правящих кругах обсуждался вопрос о легализации военно-политического сотрудничества с СССР, подобный курс «на продолжение военного сотрудничества с немцами, но только в легальной форме»⁵²² был взят и руководством СССР.

Таким образом, в 1925-1926 гг. сохранилась общая тенденция расширения германо-советских отношений с учетом произошедших экономических и политических изменений. Вместе с тем, в политике обеих стран начала прослеживаться тенденция рассмотрения двусторонних отношений не как основной линии выхода из международной изоляции, а как элемент многосторонней дипломатии и развития отношений со всеми государствами. Во-многом, развитие политических отношений было обусловлено нежеланием западных держав, прежде всего Великобритании и США, участвовать в развитии экономики Германии и СССР посредством предоставления кредитов. Однако, в указанный период времени, произошел пересмотр основ послевоенного устройства, что приводило к изменению положения Германии и СССР как изгоев мировой экономики и политики и ставило развитие двусторонних отношений в меньшую зависимость от политики стран Запада.

⁵²¹ Горлов С.А. Совершенно секретно. С. 205.

⁵²² Макаренко П.В. Зигзаги курса Рапалло после заключения Берлинского договора. С. 124.

Заключение

Германо-советские отношения в 1918-1926 гг. носили сложный и противоречивый характер. Во многом решения, принимаемые государствами, зависели не только от их интересов и целей, но также и от международной обстановки и воздействия на них мировых лидеров. В то же время развитие германо-советских отношений влияло на Европу и мир в целом, поскольку геополитическое и экономическое положение этих стран, позволяло им активно вмешиваться в мировую политику. Проведенное исследование сделало возможным проанализировать и осмыслить те исторические события, которые способствовали урегулированию противоречий и восстановлению Европы после Первой мировой войны. Изучение германо-советских отношений в 1918-1926 гг. и политики стран Запада дало возможность приблизиться к пониманию сложностей, свойственных современным многосторонним отношениям.

В период после окончания Первой мировой войны и на начальном этапе существования советского государства (1918-1926 гг.) Советская Россия оказалась в политической и экономической изоляции, что ставило перед правительством не только вопросы восстановления экономического и финансового положения страны, но и налаживания отношений с другими государствами, а также поиска союзников для совместного выхода из кризиса. В европейских государствах в этот период времени также существовало много задач, связанных с послевоенным положением: возобновление производства и восстановление его до довоенного уровня, налаживание утраченных экономических связей, переустройство хозяйства в связи с исключением из экономической жизни Европы ряда государств, прежде всего Германии, решение проблем, связанных с задолженностью стран Антанты друг другу и Соединенным Штатам Америки. Решение этих вопросов осложнялось постоянной борьбой Германии за пересмотр статей Версальского договора, ее попытками поиска партнеров для собственного восстановления в обход статей договора, существованием

противоречий и различий во взглядах на дальнейшее развитие Европы и мира среди стран Антанты, появлением в европейской политике революционных идей и идеологического противостояния в связи с победой в России социалистической революции и идеей большевиков о мировой революции. После Первой мировой войны складывалась обстановка, в которой два крупных государства, Германия и Советская Россия оказались практически исключены из экономических и политических мировых связей, по разным причинам находились в противостоянии со странами Антанты и были вынуждены искать возможности для мирного восстановления и развития. Все это подталкивало обе страны к двустороннему сотрудничеству и согласованию своих взглядов для отстаивания их перед фронтом западных держав. Вместе с тем нельзя утверждать, что становление германо-советских отношений происходило без трудностей. Обе страны стремились использовать фактор восстановления двусторонних отношений для давления на западные державы, и в то же время зачастую работали друг против друга. Однако в конечном итоге обе страны были вынуждены пойти на сближение и подписание сначала торгового соглашения в 1921 г., а затем и дипломатического договора в Рапалло в 1922 г.

Во многом налаживание германо-советских отношений было результатом противоречивой политики стран Антанты, которые пытались оказывать давление на Германию и выдвигали условия для установления отношений с Советской Россией. В рамках складывавшейся в то время Версальской системы существовало несколько сильных держав, каждая из которых обладала своими интересами и стремилась к их реализации за счет проигравшей в Первой мировой войне стороны. Кроме того, западные державы продолжали вести борьбу за упрочение своих позиций, укрепление, прежде всего, собственного экономического и политического превосходства. Западные державы стремились к использованию Германии и Советской России в собственных целях, в то же время полагая, что оба государства находятся под достаточным контролем и не пойдут на двустороннее

сближение, которое может повредить их отношениям с европейскими государствами. Все эти просчеты европейских политиков привели к тому, что Германия и Советская Россия пришли к пониманию необходимости поиска и выработки совместных договоренностей. Вместе с тем, германо-советское сближение не могло не влиять на политику западных держав, оно заставляло, прежде всего, Великобританию и Францию, идти на уступки, так как в ином случае Германия и Советская Россия могли стать полноценными партнерами, что создало бы опасность для геополитической, экономической и военной ситуации в Европе.

До сих пор сложным является анализ того, как одно из капиталистических государств, Германия, смогло прийти к решению о налаживании отношений с Советской Россией, страной, провозгласившей социалистическую систему. В 1920-ые гг. идеологическое и политическое противостояние уступило под натиском экономических интересов. Во многом решение о восстановлении дипломатических отношений между Германией и Советской России было результатом экономического анализа и тщательной работы экономических экспертов МИД Германии. Традиционно, изучая становление германо-советских отношений, отечественные исследователи выделяют особую роль основных представителей Германии. Тем не менее, выводы видных политических деятелей основывались на предварительном анализе и отчетах большого числа экспертов, таких как Карл Граап, Карл Гельферих, Мориц Шлезингер, Герберт Гаушильд и др. В диссертационном исследовании были освещены мнения экономических экспертов, приводятся их обоснования необходимости признания Советской России и налаживания с ней экономических и политических отношений. Это позволило лучше понять объективные причины и предпосылки германо-советского сотрудничества, а также дает возможность проследить эволюцию взглядов внутри германского дипломатического руководства по вопросам поиска союзников и партнеров в послевоенной Европе.

Еще одним важным фактором международных отношений была позиция экономических и финансовых кругов стран Запада. Многие промышленники Германии были заинтересованы в увеличении поставок сырья из России и расширении рынков сбыта своей продукции. Активизация экономических отношений требовала установления дипломатических связей между Германией и Советской Россией, поэтому правительственные круги Германии не могли оставлять без внимания постоянные обращения предприятий с просьбами о налаживании германо-советских отношений. Мнение экономических элит влияло и на выработку решений в других странах Запада. Великобритания, которая была заинтересована в восстановлении европейской экономики и являлась кредитором многих европейских государств, понимая необходимость установления связей с Советской Россией и включения ее в европейскую экономику, была готова идти на уступки. В свою очередь Франция, имевшая в России собственность, национализированную в результате Октябрьской революции, была менее склонна вести переговоры до момента урегулирования долговых вопросов. Малоизученной до настоящего времени остается позиция США в отношении германо-советского сотрудничества. В диссертационном исследовании была сделана попытка проанализировать воздействие политических и финансовых кругов Соединенных Штатов Америки на становление германо-советских отношений. Несмотря на то, что США воздерживались от установления отношений с советским государством, не приняли участия в Генуэзской конференции 1922 г., они с вниманием относились к вопросам советско-германского экономического взаимодействия, о чем свидетельствуют как сообщения американской прессы, так и обсуждение вопросов использования американского капитала для предоставления кредита СССР Германией.

Важным для понимания причин и предпосылок налаживания германо-советских отношений является анализ и изучение работ современников, а также анализ работ эмигрантов. На протяжении долгого периода времени изучение этих публикаций было невозможно по идеологическим

соображениям. Вместе с тем, исследование всех существовавших точек зрения, в том числе и политических сил, противостоявших большевистскому правительству, позволило воссоздать наиболее объективную картину послевоенного положения Европы и отдельных государств. Несмотря на то, что эмигранты осуждали политику большевиков, они не отрицали положительных тенденций развития внешней политики России, связанных прежде всего со становлением германо-советского сотрудничества.

Одним из ключевых этапов становления германо-советских отношений стало заключение Рапалльского договора 1922 г. Несмотря на заверения многих политических и общественных деятелей того времени о несвоевременности и даже ошибочности решения заключить договор, на основе многочисленных документов, воспоминаний участников, а также оценок, данных впоследствии отечественными и зарубежными историками, стало ясно, что подписание договора было закономерным итогом длительных переговоров Германии и Советской России. Нельзя, однако, оставить без внимания обстановку, которая способствовала заключению этого соглашения. Переговоры, которые страны Антанты вели в ходе Генуэзской конференции, не устраивали ни Россию, ни Германию, что приводило оба государства к поиску взаимовыгодных двусторонних решений. В конечном итоге прорыв политической блокады Советской России и экономических ограничений для Германии означал то, что европейские отношения стали зависеть не только от ведущих стран Запада, и в дальнейшем им приходилось учитывать фактор германо-советского сотрудничества и его влияния на политику и экономику.

Рапалльский договор 1922 г. заложил основы не только для экономического и политического сотрудничества государств. В период 1922-1926 гг. германо-советские отношения развивались по всем направлениям: в науке, военно-технической, культурной и медицинской сферах. Такое широкомасштабное взаимодействие не могло остаться без внимания европейских держав. С одной стороны, Великобритания и Франция видели

угрозу в налаживании отношений Германии и Советской России, особенно в военной сфере, в связи с чем в прессе появлялись статьи, обвинявшие Германию и Россию в нарушении Версальского договора. С другой стороны, германо-советское сотрудничество создавало прецедент урегулирования разногласий между советским государством и капиталистической страной, что открывало путь для дальнейшего улучшения отношений между Советской Россией и странами Запада. В большой степени ответом на проведение рапальской политики стала полоса признания Советской России, связанная с нежеланием западных государств упустить выгоды от налаживания отношений с ней.

Дальнейшее развитие германо-советских отношений, закрепленное подписанием Московского 1925 г. и Берлинского 1926 г. договоров также находилось под сильным влиянием политики, проводимой западными странами. В период обсуждения соглашений о предоставлении германского кредита СССР, положений торгового соглашения, договора о ненападении и нейтралитете наблюдалось вмешательство и давление со стороны США, Великобритании и Франции, что приводило к дальнейшему колебанию «курса Рапалло», возникновению периодов напряженности в двусторонних отношениях. В то же время, германо-советское сотрудничество постоянно использовалось как фактор давления на страны Антанты, заставляя их пересматривать положения Версальской системы, основанной на изоляции Германии и ее экономической эксплуатации.

При написании диссертационной работы были достигнуты следующие результаты:

- анализ экономической и политической обстановки в Советской России и странах Запада после Первой мировой войны позволил выявить предпосылки для установления экономических и политических отношений между Германией и Советской Россией, обосновать объективные причины необходимости двустороннего урегулирования отношений;

- изучение и изложение основных точек зрения политических деятелей Советской России и Германии на необходимость установления отношений продемонстрировали сложность выработки решения о подписании двусторонних соглашений;
- изучение основных этапов становления германо-советских отношений, анализ соглашения между двумя государствами, рассмотрение процесса выработки этих соглашений, реакции на них в правительственных и коммерческих кругах западных государств, а также мнений относительно германо-советского сотрудничества в отечественной и зарубежной прессе позволило выявить ключевые тенденции как в развитии германо-советских отношений, так и в позиции западных стран относительно двустороннего сотрудничества;
- рассмотрение мнений политических кругов стран Запада о дальнейшем развитии европейской и мировой политики и включения в нее Германии и Советской России позволило выявить воздействие, которое оказывали на принятие внешнеполитических решений коммерческие и промышленные круги различных стран;
- исследование результатов налаживания германо-советского сотрудничества в контексте его воздействия на выработку и изменение внешней политики стран Антанты позволило сделать выводы о необходимости для западных государств учитывать фактор двустороннего германо-советского сотрудничества при выработке внешнеполитических решений;

При исследовании советско-германских отношений с 1918-1926 гг. и политики, проводимой Великобританией, Францией, США по отношению к указанным государствам в данный период удалось установить характерные черты, связанные со следующими факторами: появлением на мировой арене Советской России – государства, противостоящего западным странам по идеологическим, экономическим и государственно-политическим основаниям; наличием большого числа неурегулированных после Первой

мировой войны экономических и политических разногласий между странами Антанты и проигравшими государствами; необходимостью включения Советской России в торговую и экономическую жизнь Европы и мира при одновременном желании западных стран получить как можно больше выгод от сотрудничества с Советским государством; существованием большого числа разногласий среди капиталистических государств, что осложняло процесс многостороннего урегулирования отношений в Европе. Следствием этого было то, что экономические и политические отношения в Европе носили сложный и противоречивый характер, что приводило в 1920-х гг. в постоянной дипломатической борьбе и попыткам отдельных государств искать союзников для реализации собственных интересов. В результате многочисленных попыток урегулировать весь комплекс проблем два государства, Германия и Советская Россия пришли к решению о налаживании экономического и политического сотрудничества, что коренным образом сказалось не только на развитии двустороннего взаимодействия, но и оказало влияние на дальнейшее развитие Европы и мира.

Приложения

Таблица 1

Внешняя задолженность Советской России⁵²³

Дата 1.01.	Государственный долг в целом		Внешний долг		Заграничные платежи	
	Объем (млн. руб.)	Платежи в год (млн. руб.)	Млн. руб.	% ко всему долгу	Млн. руб.	% к общим платежам
1895	5775	279	1732	30	62	22
1899	6122	267	2265	37	98	37
1904	6651	292	3059	46	138	46
1909	8850	396	4071	46	181	46
1914	8811	402	4229	48	194	48

Таблица 2

Займы, предоставленные государствами в ходе Первой мировой войны.

Предоставленные займы (в млн. фунтов стерлингов)	Соединенными Штатами	Великобританией	Францией	Всего
Великобритания	842	-	-	842
Франция	550	508	-	1058
Италия	325	467	35	827
Россия	38	568	160	766
Бельгия	80	98	90	268
Сербия и Югославия	20	20	20	60
Другие	35	79	50	164
Всего	1900	1740	355	3995

Таблица 3

Инвестиции Англии и Франции в России (в млн. руб.)

	Англия	Франция
Довоенные займы	640	3786
Вложения	501,6	648,2

⁵²³ Пазвольский Л., Моультон Г. Русский государственный долг и восстановление России. С. 22, 125.

промышленность	5300	1400
Военные займы		
Всего	6441,6	5834,2

Таблица 4

Распределение внешней задолженности досоветской России по странам и видам долга на начало 20-х гг., %

	Довоенный правительственный долг	Облигации промышленных предприятий	Военный долг
Великобритания	14	25	70
Франция	80	32	19
Германия		16	
США		6	7
Бельгия		15	

Источники и литература

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской Федерации:
Фонд 4. Секретариат наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина.
Фонд 418. Генуэзская конференция (1922 г.).
Фонд 082. Референтура по Германии.
2. Российский государственный архив экономики:
Фонд 2305. Коллекция документов по подготовке к Генуэзской конференции.
Фонд 3104. Министерство внешней торговли СССР.
Фонд 413. Русско-германское торговое акционерное общество «Русгеторг» и его контора и отделения.

Опубликованные документы

1. Версальский мирный договор / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина. М.: Изд. Литиздата НКВД. 1925. 198 с.
2. Генуэзская конференция. 1922. Материалы Генуэзской конференции: (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.) / ред. Г.Б. Сандомирский. М.: НКВД, 1922. 459 с.
3. Документы внешней политики СССР / Т. 1-9. М.: Госполитиздат, 1957-1964.
4. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / отв. ред. И.А. Хренов. Т.1. Февраль 1917 г. - ноябрь 1918 г. М.: Изд-во АН СССР, 1973. 552 с.
5. Дух Рапалло: Советско-германские отношения. 1925-1933 / Составители: Г.Н. Севостьянов, А.А. Ахтамзян, П.И. Проничев, В.В. Соколов. Екатеринбург; Москва: «Университет», 1997. 288 с.
6. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933: Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992. 384 с.

7. Из истории советско-германских экономических отношений. Документы из германских архивов // Международная жизнь. 1957. №1. С. 183-191.
8. Ленин В.И. Неизвестные документы 1891-1922 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42, 44, 45, 54. М.: Издательство политической литературы, 1970-1975.
10. Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП (б) на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. 1992. №1. С. 12-22.
11. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях / Ю. В. Ключников и Андрей Сабанин. Москва: Изд. Литиздата Н.К.И.Д., 1925-1929. Ч. 3. М.: Изд. Литиздата Н.К.И.Д, 1928. 430 с.
12. Москва-Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920-1941. Сб. док. в 3-х т. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов; научн. совет по истории социальных реформ, движений и революций РАН; Архив Президента РФ. М.: Наука, 2011. Т. 1. 1920-1926. 1031 с.
13. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б): Август 1917-1918 / под ред. М.Д. Стучебникова и Н.И. Шатагин. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1958. VIII. 307 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1917-1918 гг. М.: Управ. Дел Совнар. СССР, 1942. 1483 с.
15. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. док. В 2 т. Т. 1 1917-1918 / ред. коллегия: С. Дернберг и др. М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1968. 782 с. Т. 2. 1919-1922. М.: Политиздат, 1971. 596 с.
16. Советско-германские отношения. 1922–1925 гг. Документы и материалы. В 2 частях. М.: Политиздат, 1977. Часть 1. М.: Политиздат, 1977. 408 с.; Часть 2. М.: Политиздат, 1977. 384 с.

17. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. A. / Peter Grupp. B. I – XIV. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1982-1995. Ser. B. / Peter Grupp. B.I-II. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1955-1967.
18. Documents on British foreign Policy. 1919-1939 / edited by E.L. Woodward. 1st series. Vol. IV-XXII. London: H.M.S.O, 1952-1974.
19. Documents diplomatiques français / Ministère des Affaires étrangères. Vol. 2-11. Peter Lang, 2003-2015.
20. Documents of Soviet-American relations / edited by Harold J. Goldberg Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press, 1993. Vol.1. 426 p.
21. Papers relating to the foreign relations of the United States. 1918-1926 / ed. Fuller J. V. Washington: US Government Printing Office. 1931-1941.

Источники личного происхождения:

22. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922-1923. М.: Издательство Института международных отношений, 1960. 224 с.
23. Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. / Ред. кол.: А. Н. Сахаров и др. М.: Институт российской истории РАН, 1997. 146 с.
24. Гереке Г. Я был королевско-прусским советником. Мемуары политического деятеля. М.: Прогресс. 1977. 367 с.
25. Д'Абернон. Посол мира. Страницы из дневника лорда Д'Абернона. (Берлин, 1920-1926) / пер. Сегаль Н.М. // Т. I. От Спа до Рапалло (1922). М.: Соцэкгиз, 1931. 216 с.
26. Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Мемуары. Пер. с англ. Н.Ю. Лихачевой. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 445 с.
27. Иоффе А. А. От Генуи до Гааги. М.: Госиздат, 1923. 43 с.
28. Ллойд Джордж Д. Европейский хаос / пер. П. Константинов. М.: Издательство Юрайт, 2023. 145 с.

29. Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М.: Изд-во «Института международных отношений», 1963. 156 с.
30. Майский И.М. Путешествие в прошлое. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 328 с.
31. Раковский Х. Г. Накануне Генуи. М.: Госиздат, 1922. 32 с.
32. Тардьё А. Мир / пер. с французского под редакцией и с вступ. статьей Б.Е.Штейна. М.: Госполитиздат. 1943. 424 с.
33. Фокке Д.Г. Брестский мир. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров)) / Предисл. А.В. Лучникова, В.В. Хасина; прим. В.Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.
34. Черчилль В. Мировой кризис / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. М.; Л.: Государственное военное издательство, 1932. 328 с.
35. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Соцэкгиз, 1961. 516 с.
36. Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М.: Госиздат, 1922. 127 с.
37. Штейн Б. Е. Гаагская конференция М.: Госиздат, 1922. 57 с.
38. Brocdorff-Rantzau U. Dokumente und Gedanken um Versailles. Berlin: Beck, 1925. 343 s.
39. Ebert F. Kämpfe und Ziele. Mit einem Anhang Erinnerungen von seinen Freunden. Dresden: Carl Reissner Verlag, 1926. 410 s.
40. Rathenau W. Briefe an eine Liebende. Dresden: Karl ReissnerVerlag, 1931. 93s.
41. Rathenau W. Politische Briefe. Dresden : C. Reissner, 1929. 348 s.
42. Rosen F. Aus einem Diplomatischen Wanderleben. Wiesbaden, 1959. 279 p.
43. Schlesinger M. Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst. Aus dem Nachlaß hrsg. und eingeleitet von Hubert Schneider. Köln, 1977. 315 s.

44. Wiefenfeld K. Zwischen Wirtschaft und Staat. Aus den Lebenserinnerungen, aus dem nachgelassenen Manuskript Kurt Wiefenfelds. Berlin, 1960. 238 s.

Пресса и периодические издания 1918-1926 (отдельные номера).

45. Бюллетень НКВД, 1922.
46. Известия, 1922 г.
47. Руль, 1922.
48. Международная жизнь, 1922.
49. Правда, 1922 г.
50. Berliner Tageblatt, 1919, 1922.
51. Christian Science monitor, 1922.
52. Daily Chronicle, 1922.
53. Daily News, 1922.
54. Advocate of Peace through Justice, 1922.
55. Die Frankfurter Zeitung, 1921.
56. Der Tag, 1921.
57. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1921.
58. Deutsche Tageszeitung, 1922.
59. Foreign Relations, 1922.
60. Frankfurter Zeitung, 1921, 1922.
61. New York Herald, 1922.
62. New York Tribune, 1922.
63. Temps, 1922.
64. The Evening Star, 1922, 1925.
65. The evening world, 1922.
66. The morning post, 1922.
67. The Pall Mall Gazette, 1922.
68. The public ledger, 1922.
69. The Washington Herald, 1922.
70. The Washigton times, 1922, 1925.

71. Philadelphia Public Ledger, 1922.
72. Vossische Zeitung, 1922.
73. Washington Post, 1922.
74. Westminster Gazette, 1922.
75. World, 1922.

Научная литература.

76. Абрамова О. М. Актуальные проблемы истории России: развитие Советско-германского экономического сотрудничества в 1920-е гг. // Астраханские Петровские чтения: Материалы IV Международной научной конференции / Ответственный редактор и составитель: Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. Астрахань, 2020. С. 69-71.
77. Артемов В.А. Кардашова Е.В. Фридрих Эберт - первый президент Германии. Воронеж, 2001. 340 с.
78. Ахтамзян А. А. Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920-1933 // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 3-24.
79. Ахтамзян А.А. Из истории германской политики накануне Рапалло // Вопросы истории. 1972. №1. С. 65-80.
80. Ахтамзян А.А. Профили Рапалльской дипломатии (очерки). М.: МГИМО-Университет, 2009. 288 с.
81. Ахтамзян А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1932 гг. М.: Изд-во «Международные отношения», 1974. 304 с.
82. Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения 1922-1932 гг // Новая и новейшая история. № 4. 1988. С. 42-56.
83. Баев В. Г., Фролов С. А., Мещерякова С. В. Советско-германский Рапалльский договор: причины, цели, подписанты // Вопросы истории. 2022. № 6-2. С. 87-93.
84. Баев В. Г., Воликова И. А. Рапалльский договор 1922 г. в парадигме международно-правовых отношений: исторические параллели // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако: Материалы VI Международной

научно-практической конференции. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 11-15.

85. Безыменский Л.А. Советско-германские договоры 1939: Новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 5-6.

86. Бетмакаев А.В. Между Версалем и Рапалло. Германо-американские мирные переговоры летом 1921 г. // Известия Алтайского государственного университета. 1999. №4 (14). С.7-12.

87. Биск И.Я. История повседневной жизни населения в Веймарской республике: Учебное пособие. Иваново: ИвГУ, 1990. 217 с.

88. Бобров Р.Л. Международное признание Советского государства // Ученые записки ЛГУ: Серия юридических наук. 1948. Вып. 1. С. 68-75.

89. Богдашкин А. А. Советско-германские экономические отношения 1922-1933 гг. в оценках американских историков // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство: доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР. Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2022. С. 66-72.

90. Борисов А. А. Рапалльский договор - первый шаг к международному признанию законности актов о национализации промышленности // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы : сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 68-77.

91. Борщукова Е. Д. Брестский мир и формирование нового мировоззрения в российском обществе в 1918 году // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №115. С.16-21.

92. Быстрова Н.Е. Из истории дипломатических отношений Советской России. 1917-1918 годы // Российская история. 2012. №5. С. 121-139.

93. Ватлин А. Ю. Личный фактор в процессе становления Советской внешней политики (по переписке наркома Г.В. Чичерина и полпреда в Берлине А.А. Иоффе, 1918 г.) // Становление советской государственности: выбор пути и его последствия: Материалы XIV Международной научной конференции. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2022. С. 440-448.
94. Ватлин А. Ю. Советская Россия и Веймарская Германия на рубеже 20-х годов: переплетенная история // Международный диалог историков. Россия и Германия: проблемы межкультурного взаимодействия. 1990-2020. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2019. С. 16-33.
95. Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208-230.
96. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
97. Волков Ф. Д. Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917–1924 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. 400 с.
98. Выгодский С.Ю. У истоков Советской дипломатии. М.: Изд-во «Политической литературы», 1965. 351 с.
99. Гарви П. Закат большевизма: Десять лет диктатуры. Рига: Nakotnes Kultura, 1928. 52 с.
100. Гамидов Н. Г. Густав Штреземан и подписание берлинского договора между Веймарской Республикой и СССР // Вестник магистратуры. 2018. № 12-4(87). С. 62-64.
101. Гинцберг Л.И. Друзья новой России. Движение в защиту Советской страны в Веймарской Германии. М.: Наука, 1983. 229 с.
102. Греков Б.И. Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов (1914—1922 гг.) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 102-113

103. Голубев А. В. Германия 1920 -х-1930 -х годов глазами советского общества // "Свой" / "Чужой" в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. Санкт-Петербург: Издательство Алетея, 2019. С. 445-470.
104. Горлов С. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 4-11.
105. Горлов С.А. Совершенно секретно. Москва-Берлин 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999. 364 с.
106. Горлов С. А. Советско-германское военное сотрудничество в 1920—1933 гг. // Международная жизнь, 1990. № 6. С. 107-124.
107. Девятова Л.Ф. Германия в системе европейской безопасности в конце XX - начале XXI века. Казань: Ун-т, 2003. 237 с.
108. Далин Д. Ю. После войн и революций. Берлин: Издательство «Грани», 1922. 285 с.
109. Дегтярева Н. А. Проблема международного признания СССР // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2022. С. 30-33.
110. Джордан В.М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918- 1939 гг. // пер. с англ. М.: Госполитиздат, 1945. 302 с.
111. Дианова Е. В. Прорыв международной изоляции СССР и киноимпорт 1920-х годов // Международное сотрудничество: историко-психологические аспекты: Материалы II Международной научной конференции / Под редакцией С. Н. Полторака. Санкт-Петербург: ООО "Полторак", 2022. С. 90-99.
112. Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918-1999 гг.). В 2-х томах: Пер.с итал.Г.М. Михайловой, Т.В. Павловой / Под ред. М.М. Наринского. М.: Логос, 2003. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 744 с.

113. Доклад Э.Я. Рудзутака о Генуэзской конференции // под ред. ЦПА; Матковский Н.В. и др. //Исторический архив. 1962. №2. С. 80-95.
114. Евдокимова Т.В. Йозеф Вирт как политик Веймарской республики // Германия и Россия: события, образы, люди: сб. рос.-герм. исслед.: Воронеж: ВГУ, 2006. Вып. 4. С. 127–136.
115. Евдокимова Т.В. Правящая политическая элита Веймарской Германии: Матиас Эрцбергер и Вальтер Ратенау // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь–Пятигорск: ПГЛУ. 2007. Вып. 9. С. 26–41.
116. Иерусалимский Е.С. Германия, Антанта и СССР. М.: Ком. акад., 1928. 188 с.
117. Ивашин И.Ф. Международные отношения и внешняя политика СССР в 1919-1935 гг. М.: ВПШ, 1956. 192 с.
118. Ивашин И.Ф. Международные отношения и внешняя политика СССР в 1922-1924 годах. М.: ВПШ, 1953. 46 с.
119. Иоффе А. Е. Советская историография Рапалльского договора// Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования М.: Наука. 1963. С. 240-254.
120. История дипломатии / под ред. А.А. Громыко [и др.] 2-е изд., перераб. и доп. / Т.3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / сост. Выгодский С.Ю. [и др]. М.: Политиздат, 1965. 831 с.
121. История дипломатии: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919-1939 гг). Т.3 / Сост.: Колчановский Н.П., Минц И.И., Панкратова А.М., Потемкин В.П., Тарле Е.В.; Под ред.: Потемкин В.П. М., Л.: Госполитиздат, 1945. 883 с.
122. Карпова Р.Ф. Л.Б. Красин – советский дипломат. М.: Соцэкгиз, 1966. 204 с.
123. Клышевич М.А. Советско-германские отношения (1917-1922 гг.) и политика Италии и Ватикана// Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8. Ч. 1. С. 108-111.

124. Клышевич М.А. Эксперты Министерства иностранных дел Германии о перспективах установления отношений с Советской Россией (1919-1922 годы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 8. Ч. 2. С. 81-85.

125. Кобляков И.К. Борьба Советского государства за нормализацию отношений с Германией в 1919–1921 гг. // История СССР. 1971. № 2. С. 17-31.

126. Кобляков И.К. В.И. Ленин и советско-германские отношения в 1917–1923 гг. (в свете новых документов) // Ежегодник германской истории. 1971. С. 181-184.

127. Кобляков И.К. От Бреста до Рапалло: Очерки Советско-Германских отношений 1918-1922 г. М.: Госполитиздат, 1954. 251 с.

128. Космач В. А. Сюрприз для англо-саксов в Генуе: Рапальский договор между Москвой и Берлином 16 апреля 1922 года // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. С. 117-121.

129. Котов А. В. Столетие Рапальского договора: юбилей на фоне кризиса экономических связей России и Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2(26). С. 117-127.

130. Красин Л.Б. Вопросы внешней торговли. М.;Л.: Госиздат, 1928. 429 с.

131. Ланник Л. В. Германский фактор в разворачивании Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: проблема переоценки // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. Новосибирск: Издательство Параллель, 2022. С. 257-270.

132. Ланник Л. В. Имплементация Брестского мира как проблема современной историографии // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 21-36.
133. Ланник Л. В. Миссия Гельфериха в Москве: Забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г // Россия и современный мир. 2020. № 4(109). С. 186-209.
134. Ланник Л. В. Наследие Брестской системы в ходе становления "версальского порядка" в Восточной Европе // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2019. № 6(80). С. 14.
135. Ланник Л. В. Судьба наследия Брестской системы между Компьеном и Версалем // Чичеринские чтения. "Революционный 1917 год": поиск парадигм общественно-политического развития мира: материалы Международной научной конференции. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2018. С. 156-168.
136. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. М.: ОГИЗ, 1947. 488 с.
137. Лопатин В.Ф. Провал антисоветских планов США. Генуя – Гаага, 1922. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1963. 336 с.
138. Лучников А.В. Восприятие Германии большевистским руководством (1918-1922 гг.). // Новый век: история глазами молодых: Сб науч. трудов аспирантов и студентов / Под ред. В. Н. Данилова, Л. Н. Черновой, О. В. Кочуковой. Саратов, 2008. Вып. 6. С. 101-109.
139. Лучников А. В. Ульрих фон Брокдорф-Ранцау о секретном военно-техническом взаимодействии с государством большевиков // Власть. 2008. № 1. С. 88-92.
140. Любимов Н.Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М.; Л.: Экономическая жизнь, 1924. 112 с.
141. Лысенко А. В. В фокусе "особого общественного значения": германская власть и русские эмигрантские СМИ в период становления

Веймарской республики (по материалам Федерального архива Германии и Земельного архива Берлина) // Медиаскоп. 2016. № 2. С. 1.

142. Лысенко А. В. "Дух Рапалло" и Русский Берлин // Гетерогенность и плюрицентризм немецкоязычного пространства: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 2010. С. 229-239.

143. Лысенко А.В. Президент Эберт: «Из газетных новостей я узнаю, что германо-российский договор заключен и опубликован». Эпизод «непубличной» журналистики эмигрантской газеты «Руль» // Медиаскоп. 2017. Вып. 3.

144. Лысенко А. В. Рапальский договор в освещении прессой русской эмиграции в Германии // Журналистика в 2021 году: творчество, профессия, индустрия. М., 2022. С. 253-254.

145. Любин В.П. Итало-советские торгово-экономические отношения в 1920-е годы // Вопросы истории. 2002. №11. С. 54-72.

146. Майский И.М. Внешняя политика РСФСР. 1917-1922. М.: Красная Новь, 1923. 194 с.

147. Магадеев И. Э. Дух Рапалло и европейская политика Франции (апрель-ноябрь 1922 г.) // История. Общество. Политик. 2022. № 2(22). С. 6-15.

148. Магадеев И.Э. Рурский кризис 1923 г. и трансформация международных отношений в Европе после окончания Первой мировой войны // Genesis: Исторические исследования. 2024. №3. С.57-75.

149. Магадеев И. Э. "Русский вопрос" на конференции Антанты в Каннах // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 2. С. 723-738.

150. Магадеев И. Э. Французская дипломатия на Генуэзской конференции (апрель-май 1922 г.) // Преподавание истории и обществознания в школе. 2022. № 6. С. 15-28.

151. Макаренко П.В. Зигзаги курса Рапалло после заключения Берлинского договора // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. №2. С. 119-125.
152. Макаренко П.В. Курсом Рапалло: СССР и Германия в 1922-1927 гг. // Вопросы истории. 2011. № 10. С. 29-45.
153. Макаренко П.В. Московский торговый договор (1925 г.) и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости Белгородского Государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. №13 (123). С.141-145.
154. Макаренко П.В. Нарком Г.В. Чичерин и советская внешняя политика // Научная редакция «История». 2011. №1. С. 105-111.
155. Макаренко П.В. Первая трещина в политике Рапалло: к истории майского инцидента 1924 г. с советским торгпредством в Берлине // Научные ведомости. 2009. №9 (64). С. 73-78.
156. Матвеев Г. Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 100-122.
157. Мезга Н. Н. Деятельность дипломатии РСФСР, направленная на распространение Рапалльского договора на другие советские республики / // Мозырщина: люди, события, время: Материалы Международной научно-практической конференции. Мозырь, 2020. С. 54-60.
158. Мезга Н. Н. Рапалльский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922-1925) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 3. С. 61-70.
159. Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Опыт историко-критического обзора. Харьков, 1907. 1216 с.
160. Мигун Д. А. Советско-германский договор о нейтралитете 1926 г. // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Витебск:

- Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. С. 134-138.
161. Милуков П.Н. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. 400 с.
162. Миркин З.И. СССР, царские долги и наши контрпретензии. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. 126 с.
163. Мишанов С. А., Захаров В.В. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1921—1933 гг. Анализ западной историографии. М.: ВПА, 1991. 126 с.
164. Никон (Рклицкий) архиеп. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1961. Т. IV. 335 с.
165. Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории германо-советских отношений (1917-1921). М.: Из-во ИМО, 1961. 411 с.
166. Норден А. Уроки германской истории. М.: Изд-во иностр. литературы, 1948. 296 с.
167. Осипов Е. А. К вопросу о долгах царской России. Советско-французская конференция 1926-1927 годов по материалам архива МИД Франции // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 131-141.
168. Пазвольский Л., Моультон Г. Русский государственный долг и восстановление России. М.: Плановое хозяйство, 1925. 256 с.
169. Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. / пер. с англ. Кигай Н., ред. Еремина Л. М.: Росспэн. 1994. Ч.2. 584 с.
170. Парапанова М. Н. Европейское направление британской внешней политики после Первой мировой войны. Внешнеполитические стратегии Д. Ллойд-Джорджа // Научные труды магистрантов и аспирантов: Сборник научных трудов / Отв. редактор Д.А. Погоньшев. Вып. 17. Нижневартовск: Нижневартровский государственный университет, 2020. С. 43-46.

171. Плотниченко П.К., Ратманов П.Э. Трансфер идей и технологий в области зубо врачевания между Советской Россией и Веймарской республикой в 1920-1930-е гг // Стоматология. 2022. Т. 101. №1 . С 103-107.
172. Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М.: Финансы, 1968. 168 с.
173. Полторак С.Н. Брест-Литовск.100 лет истории переговоров о мире. СПб.: Остров, 2018. 292 с.
174. Попов М. Е. СССР и западные страны в 1920-х гг.: опыт разрешения противоречий // Аллея науки. 2018. Т. 7. № 6(22). С. 40-43.
175. Преображенский Е.А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М.: Госиздат, 1922. 51 с.
176. Рабинович А. Раскол между большевиками и левыми эсерами: поворотный пункт в ранней советской истории// Политическая история России первой четверти XX века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. Спб.: ДАРК, 2006.
177. Радек К. Генуэзская и Гаагская конференции. Цитируется по: Историческому Интернет-порталу «Хронос»: http://www.hrono.info/libris/lib_r/radek_genuya.html
178. Радек К. Внешняя политика Советской России. М.; Пг.: Госиздат, 1923. 150 с.
179. Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования // Материалы Науч. сессии, посвящ. 40-летию Рапалльского договора (25— 28 апр. 1962 г.). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 292 с.
180. Ратманов П. Э. Связи в области медицины между СССР и Веймарской республикой в 1921-1932 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Дальневосточный медицинский журнал. 2020. № 3. С. 158-168.
181. Репников А. В., Ланник Л.В. Историк М.Н. Покровский о мирных переговорах в Брест-Литовске // Россия и современный мир. 2021. № 3(112). С. 180-214.

182. Родин Д.В. Берлинский договор 1926 г. как противовес «западному» и «восточному Локарно» // В сборнике: Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов IX Всероссийской научной конференции. Отв. редактор А.Н. Сквозников. Самара, 2021. С. 176-183.
183. Розанов И.В. В. Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914-1922 гг. В сб. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории / РАН. Ин-т всеобщ. Истории: отв. ред. Писарев Ю.А., Мальков В.Л. М.: Наука, 1994. 504 с.
184. Розанов Г. Л. Очерки новейшей истории Германии (1918—1933). М.: Изд-во ИМО, 1957. 168 с.
185. Росенко И.А. Советско-германские отношения. 1921-1922 гг. Л.: Издательство ЛУ, 1965. 159 с.
186. Росенко И.А. Из истории советско-германских отношений после Рапалло // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. 1959. №258. Вып. 30. С. 173-199.
187. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921-1925 годах. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 568 с.
188. Рубинштейн Н.Л. Советская власть и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). М.: Госполитиздат, 1948. 462 с.
189. Руге Г. Германия в 1917-1933 гг.: От Великой Октябрьской социалистической революции до конца Веймарской республики / под ред. и с предисл. А. А. Галкина; пер. с нем. А. С. Варшавского и Н. С. Широкова. М.: Прогресс, 1974. 319 с.
190. Садовая Г. М. Вальтер Ратенау и Рапалльский договор. Материал к спецкурсу. Самара: Самарский ун-т, 2001. 116 с.
191. Садовая Г. М. Роль интеллектуала Георгия Чичерина в нормализации советско-германских отношений (январь-март 1922 г.) // Вестник Самарского государственного университета, 2009. № 1. С. 41-47.

192. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России / пер. с англ. А. Гуровича и др., под ред. Р. Гальпериной. М.: ГИИЛ, 1947. 456 с.
193. Сироткин В.Г. Золото и недвижимость России за рубежом. М.: Межд. отн., 1997. 283 с.
194. Системная история международных отношений / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: «Московский рабочий», 2000. Т. I. 520 с., Т. II 247 с.
195. Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918-1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1995. № 6. С. 14-24.
196. Советская Россия и капиталистический мир в 1917-1923 годах. М.: Госполитиздат, 1957. 696 с.
197. Станкевич В.Б. Россия и Германия: прошлое, настоящее, будущее. Берлин, 1922. 123 с.
198. Станков Н.Н. Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 3-15.
199. Сухоруков С.Р. Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений, 1917-1933 гг. М.: Наука, 1976. 232 с.
200. Тимоти Э. О'К. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918-1930. М.: ИМО, 1991. 318 с.
201. Тихонов С.Ю. Засекреченный город. Саратов, 2011. 239 с.
202. Ткачев С.М. Германский либерализм и проблема преодоления международной изоляции: советско-германские отношения в 1919-1922 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №34. С. 107-117.
203. Трусова М.А. Германо-советские отношения в 1918-1926 гг. как угроза безопасности с позиции стран Запада // Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития. М., 2023. С. 536-547.

204. Трусова М.А. Германский кредит СССР в двусторонних переговорах и с позиции западных держав // Известия Смоленского государственного университета. 2023. №3 (63). С. 135-145.
205. Трусова М.А. Освещение Рапалльского договора 1922 года в американской прессе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №10. С. 16-19.
206. Трусова М.А. Позиция США в отношении германо-советского взаимодействия в 1918-1922 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2023. С. 160-167.
207. Трухнов Г.М., Космач В.А. Общества германо-советского научно-технического и культурного сотрудничества в период веймарской республики (1919–1933) // Весн. Беларус. дзярж. ун-та імя У.І. Леніна. 1984. № 3. С. 18–19.
208. Трухнов Г. М. Рапалло в действии. Из истории советско-германских отношений (1926—1929 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1982. 215 с.
209. Труш М.И. Внешнеполитическая деятельность В.И. Ленина. 1921 - 1923. День за днем. М.: Международные отношения, 1967. 255 с.
210. Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / Пер. с англ. С. К. Меркулова. М.: Центрполиграф, 2009. 415 с.
211. Урядова А.В. Генуэзская конференция и русская эмиграция // Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 2009. № 17/09. С. 137-147.
212. Ушаков В.Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М.: Международные отношения, 1958. 158 с.
213. Хейфец Б.А. Внешние займы и долги царской России: история и современная ситуация. Российская экономика и финансы // Россия и современ. мир. 2002. № 1. С. 78-98.
214. Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля - 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. №3. С.80-106.

215. Целищев А.О., Гарипов Р.Ф. В. Ратенау об экономическом сотрудничестве с Советской Россией // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Сборник научных трудов к 100-летию Республики Башкортостан. Уфа: Мир печати, 2019. С.254-257.
216. Целищев А. О. Советско-германский хлебный договор 1923 года // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2023. № 1(169). С. 126-132.
217. Черноперов В. Л. Дипломат В.Л. Копп в становлении советско-германских научных связей и политике трудовой миграции из Веймарской республики в РСФСР (1919 - 1921 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-2(63). С. 246-252.
218. Черноперов В.Л Из истории становления советско-германских отношений (миссия В.Л. Коппа в Веймарской республике осенью–зимой 1920 г.) // Гуманитарное измерение меняющегося мира: Материалы IV Фестиваля гуманитарных наук. Иваново, 2002. С. 110-136.
219. Черноперов В. Л. Советско-германское сотрудничество в военной авиации 1919-1921 гг // От Версаля и Веймара до образования двух Германий (ФРГ и ГДР), 1919-1949 гг.: Актуальные вопросы исторической германистики, отечественной и всеобщей истории, геополитики и международных отношений, социально-гуманитарных наук и права: Материалы международной научной конференции. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. С. 48-50.
220. Черноперов В. Л. США в планах "полуофициального полпреда" РСФСР в Веймарской республике В.Л. Коппа по развитию советско-германских экономических связей в 1919 - 1920 годах // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: Сборник статей III Международной научно-практической конференции / Под редакцией И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2018. С. 186-193.

221. Черноперов В.Л. Факторы социально-экономического развития Веймарской республики глазами советских специалистов. Россия и Германия в XX веке. Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 1999. С. 80-106.
222. Чикава И. Л. Крах антисоветской политики западных государств на Генуэзской и Гаагской конференциях. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1960. 24 с.
223. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972. 315 с.
224. Швейцер В. Я. СССР и Германия в контексте событий 1920-1930-х годов // Современная Европа. 2020. № 5(98). С. 193-203.
225. Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919-1945) / пер. в немецкого Л. Лисюткиной. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 632 с.
226. Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: Революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. 432 с.
227. Шишкин В.А. В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика советского государства (1917–1923 г.). Л., 1977. 371 с.
228. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л.: Наука, 1969. 439 с.
229. Юдин А. Н. Испытание новейших боевых самолетов в Липецком авиационном центре рейхсвера (1924-1933) // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов. М.: Издательство "Политическая энциклопедия", 2022. С. 231-233.
230. Altrichter H., Bernecker W.L. Geschichte Europas im 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2004. 448 s.

231. Anderle A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922-1929. Berlin (Ost) 1962. 248 s.
232. Artaud D. La question des dettes interalliées et la Reconstruction de l'Europe (1917-1929), 2 vol. Lille: Atelier de reproduction des thèses de l'Université de Lille, 1978. 999 p.
233. Bariety J. Les relations franco-allemandes après la Première Guerre mondiale. Pédone, 1977. 797 p.
234. Bariety J., Poidevin R. Les Relations franco-allemandes (1815-1975). P.; Colin, 1977. 373 p.
235. Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, München. 1966. 462 s.
236. Becker W. The Role played by the German Embassies in Moscow and Rome in the Relations between Russia and the Vatican from 1921 to 1929 // The Catholic Historical Review. Vol. 92. No1 (Jan. 2006). P. 25-45.
237. Beitel Werner, Nötzold Jürgen. Deutsch-sowjetische Wirtschaftsbeziehungen in der Zeit der Weimarer Republik. Baden-Baden 1979. 273 s.
238. Blücher Wipert. Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951. 180 s.
239. Bournazel R. Rapallo: naissance d'un mythe. La politique de la peur dans la France du bloc national. P.: Presses FNSP/Armand Colin, 1974. 258 p.
240. Bournazel R. L'Union soviétique et les Allemagnes. P.: Presses FNSP, 1979. 259 p.
241. Cameron D.J. An Economic Bridgehead: Weimar Germany's Attempt to Mediate Between Soviet Russia and the United States // Diplomacy and Statecraft. V. 21. №. 4. 2010. P. 614-630.
242. Cameron D. J. Carl Graap and the Formation of Weimar Foreign Policy Toward Soviet Russia from 1919 until Rapallo // Diplomacy & Statecraft. 2002. V. 13. № 4. P. 75-95.

243. Cameron D. J. To Transform the Revolution into an Evolution: Underlying Assumptions of German Foreign Policy toward Soviet Russia, 1919-27 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 40. № 1. P. 7-24.
244. Carr E. H. German-Soviet relations between the two World Wars, 1919-1939. Baltimore, 1979. 146 p.
245. Carsten F. L. The Reichswehr and the Red Army 1920—1933 // *Survey. A Journal of Soviet and East European Studies*. 1962. №10. P.114–132.
246. Carsten F. L. Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln; Berlin, 1964. 484 s.
247. Child R. W. A diplomat looks at Europe. NY: Duffield. 1925. 301 p.
248. Dennis A. The foreign Policies of Soviet Russia. NY, 1924. 500 p.
249. Dennis Alfred L. P. The Genoa Conference // *The North American Review*. 1922. Vol. 215. №. 796. P. 289-299.
250. Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, 2e éd. P., 1953. 807 p.
251. Duroselle J.-B. La politique extérieure de la France 1914-1945. P., 1969.
252. Erickson J. Soviet High Command: Military Political History, 1918—1941.3rd ed. London, 2001. 889 p.
253. Eyck E. Geschichte der Weimarer Republik. Band 1. Zürich, 1957. 468 s.
254. Fink C. Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922. Ohio State University, 1991. 272 p.
255. Fink C. The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921-1922. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984. 388 p.
256. Fink C. Italy and the Genoa Conference of 1922 // *The International History Review*. 1986. Vol. 8. № 1. P. 41-55.
257. Fischer W. Deutsche Wirtschaftspolitik. 1918-1945. Opladen, 1968. 125 s.
258. Fisher L. The Soviet in World Affairs. A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World, 1917–1929. Princeton, 1951. 892 p.
259. Fraenkel E. German-Russian Relations since 1918: From Brest-Litovsk to Moscow // *The Review of Politics*. 1940. Vol. 2. №2. P. 34-62.

260. Francis C. Lloyd George et le traité de Rapallo // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1976. № 1. P. 44-67.
261. Gatzke H. W. Russo-German Military Collaboration during the Weimar Republic // *The American Historical Review*. 1958. № 6. P. 565-587.
262. Garsten F. L. Reichswehr und Politik. 1918—1933. Köln; Berlin, 1964. 484 s.
263. Girault R., Frank R. *Turbulente Europe et Nouveaux Mondes (1914-1941)*. P.; Masson, 1988. 279 p.
264. Goldbach M.-L. Karl Radek und die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1918-1923. Bonn, 1973. 163 s.
265. Gorlow S. A. Geheimsache Moskau – Berlin. Die militärpolitische Zusammenarbeit zwischen der Sowjetunion und dem Deutschen Reich 1920–1933. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, 1996. S. 133-165.
266. Gorlow S. A. Moskau – Berlin. Die militärpolitische Zusammenarbeit in der Rapallo-Periode (1920-1933) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1998. № 2. S. 256–268.
267. Grew F.G. *Turbulent Era. A diplomatic Record of Forty Years 1904-1945*, Boston, 1952. 1580 p.
268. Grieser H. *Die Sowjetpresse über Deutschland in Europa 1922-1932*, Stuttgart, 1970. 256 p.
269. Groehler O. *Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920-1941*. Berlin, 1992. 208 s.
270. Haffner S. *Der Teufelspakt. Fünfzig Jahre deutsch-sowjetischer Beziehungen*. Hamburg, 1968. 137 s.
271. Haigh R.H., Morris D.S., Peters A.R. *German-Soviet Relations in the Weimar Era (1919-1933). Friendship From Necessity*. NY, 1985. 206 p.
272. Hallgarten George W. F. General Hans von Seeckt and Russia, 1920-1922 // *The Journal of Modern History*. 1949. № 21 (1). P. 28-34.
273. Helbig H. *Die Träger der Rapallo-Politik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1958. 214 s.

274. Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen, 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt am Main; Berlin 1964. 322 s.
275. Hilger G., Meyer A. G. The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations 1918-1941. NY, 1953. 350 p.
276. Himmer Robert. Rathenau, Russia, and Rapallo // Central European History. 1976. № 2. P. 146-183.
277. Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1993. 388 p.
278. Jacobson J. Strategies of French foreign policy after World War I // The Journal of modern history. 1983. №1. P. 78-95.
279. Joeres N. Der Architekt von Rapallo: der deutsche Diplomat Ago von Maltzan im Kaiserreich und in der frühen Weimarer Republik. Heidelberg, 2006. 662 s.
280. Joost W. Botschafter bei den Roten Zaren. Die deutschen Missionschefs in Moskau 1918 bis 1945. Wien, 1967. 336 s.
281. Kennan G.F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1961. 411 p.
282. Kessler H. Tagebuecher. 1918-1937. Politik, Kunst und Gesellschaft der Zwanziger Jahre. Frankfurt a/M, 1961. 855 s.
283. Kochan L. Russia and the Weimar Republic. Cambridge: Bowes & Bowes, 1954. 190 p.
284. Kochan L. The Russian Road to Rapallo // Soviet Studies. 1950. № 2. P. 109-122.
285. Kruger P. Rainy Day, April 16, 1922: The Rapallo Treaty and the Cloudy Perspective for German Foreign Policy// Genoa, Rapallo and European Reconstruction in 1992. Washington, 1991. P. 49-64.
286. Krummacher F. A., Lange H. Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München, 1970. 565 s.

287. Kuczynski J., Wittkowski G. Die Deutsch-Russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin, 1947. 125 s.
288. Linke H. G. Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1972. 295 s.
289. Longerich P. Deutschland 1918 – 1933, Die Weimarer Republik. Hannover, 1995. 448 s.
290. Marks S. The illusion of peace: international relations in Europe, 1918-1933. NY: Palgrave Macmillan, 2003. 272 p.
291. Masaryk T.G. Pomoc Rusku Evropou a Amerikou// Masaryk T.G., Benes E. Otevrit Rusko Evrope. Dvě stati k ruské otázce v roce 1922 / ed. V. Olivova. Praha, 1992. S. 7-19.
292. Maurice B. Walther Rathenau et son système //Annales d'histoire économique et sociale. 1932. T. 4. №. 13. P. 50-58.
293. Mcaleavy T. Twentieth Century History. International Relations Since 1919. Cambridge University Press, 2002. 176 p.
294. Mills J. S. Genoa. Economic and Financial Conference. London: Hutchinson, 1922. 248 p.
295. Morgan R. P. The Political Significance of German-Soviet Trade Negotiations, 1922-5 // The Historical Journal. 1963. № 6 (2). P. 253-271.
296. Müller G. H. Rapallo Reexamined: A New Look at Germany's Secret Military Collaboration with Russia in 1922 // Military Affairs. 1976. № 40. P. 40-80.
297. Müller R. D. Das Tor zur Weltmacht. Die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard am Rhein, 1984. 403 s.
298. Neilson K. Britain, Soviet Russia and the Collapse of the Versailles Order, 1919-1939. Cambridge, 2006. 379 p.
299. Nekrich A.M. , Freeze G. L. Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relations, 1922-1941. Columbia Univ. Press, 1997. 320 p.

300. Nicole J. *The Popular Front and the Central Europe: dilemmas of French impotence, 1918-1940*. Cambridge: Cambridge University press, 1992. 368 p.
301. Noguee J. L. *The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests*. NY: Armonk, 1998. 322 p.
302. Norden A. *Zwischen Berlin und Moskau. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen*. Berlin (Ost), 1954. 387 s.
303. Nötzold J. *Die deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen* / In: Vierhaus R., Brocke B. vom (eds) *Forschung im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft : Geschichte und Struktur der Kaiser-Wilhelm-/Max-Planck-Gesellschaft : aus Anlaß ihres 75jährigen Bestehens*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 1990. S. 778-800.
304. Nuschke O. *Reden und Aufsätze 1919-1950*. Berlin. 1957. 263 s.
305. Olivova M. *Politika Ceskoslovenska v ruske krizi roku 1921 a 1922*// Masaryk T.G., Benes E. *Otevirit Rusko Evrope*. Praha, 1992. S. 25-63.
306. Orde A. *Great Britatin and international security, 1920-1926*. L.: Royal Historical Society, 1978. 244 p.
307. Philbin T. R. *The Lure of Neptune: German-Soviet Naval Collaboration and Ambitions, 1919–1941*. University of South Carolina Press, 1994. 192 p.
308. Phillips H. D. *Between the Revolution and the West: A Political Biography of Maxim M. Litvinov*. Boulder: Westview Press, 1992. 244 p.
309. Posser D. *Deutsch-sowjetische Beziehungen, 1917-1941*. Frankfurt am M., 1963. 84 s.
310. Renouvin P. *La Crise européenne et la Première Guerre mondiale*, Paris. Presses universitaires de France, 1969. 5e éd. 780 p.
311. Rosenbaum K. *Community of fate: German-Soviet diplomatic relations, 1922-1928*. Syracuse University Press, 1965. 325 p.
312. Rosenfeld G. *Sowjetrußland und Deutschland. 1917-1922*. Berlin: Akademie-Verlag, 1960. 407 s.
313. Rosenfeld G. *Sowjetunion und Deutschland. 1922-1933*. Berlin (Ost), 1984. 512 s.

314. Ruland B. Deutsche Botschaft Moskau. 50 Jahre Schicksal zwischen Ost und West. Bayreuth, 1964. 472 p.
315. Salzman St. C. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and After, 1922-1934. Rochester, N.Y.: The Boydell Press. 2003. 201 p.
316. Schieder T. Die Probleme des Rapallo-Vertrages. Eine Studie über die deutsch- russischen Beziehungen 1922–1926. Köln und Opladen, 1955. 98 s.
317. Seraphim E. Deutsch-russische Beziehungen 1918-1925. Berlin, 1925. 45 p.
318. Smith A. L. The German General Staff and Russia, 1919-1926 // Soviet Studies. 1956. №8. P. 125-133.
319. Solomon S.G. Introduction: Germany, Russia and Medical Cooperation between the Wars // In: Solomon S.G. (ed) Doing Medicine Together: Germany and Russia Between the Wars. Toronto: University of Toronto Press. 2006. P. 3-31.
320. Teddy J. U. Diplomacy and Ideology. The Origins of Soviet Foreign Relations 1917-1930. L., 1979. 239 p.
321. Vourkoutiotis V. Making Common Cause: German-Soviet Secret Relations, 1919-1923. 2007. 240 p.
322. Wagner G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden, 1979. 294 s.
323. Wheeler-Bennett J. W. The Treaty of Brest-Litovsk and Germany's Eastern Policy. Oxford, 1939. 32 p.
324. Wheeler-Bennett J. W. Twenty Years of Russo-German Relations: 1919-1939// Foreign Affairs. 1946. Vol. 25. №1. P. 23-43.
325. White St. The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921-1922. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1985. 272 p.
326. Wilson H. The Genoa Conference // Journal of the British Institute of International Affairs. 1922. Vol. 1. №5. P. 150-158.
327. Wolfers A. Britain and France between Two Wars: conflicting strategies of peace since Versailles. New York. 1940. 467 p.

328. Wunsche W. Strategie der Niederlage, Zur imperialistischen deutschen Mitarbeiterwissenschaft zwischen den beiden Weltkriegen. Berlin, 1961. 139 p.
329. Wulff D. Joffe und die russische Aussenpolitik. Unverffentlichte Dokumente // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995-1996.
330. Zimmermann L. Deutsche Außenpolitik in der Ära der Weimarer Republik. Göttingen, 1958. 486 p.
331. Zygmunt J. G. Poland's Policy towards Soviet Russia, 1921-1922 // The Slavonic and East European Review. 1975. Vol. 53. №. 131. P. 230-247.

Диссертации.

332. Авдеенко Е.Г. Карл Йозеф Вирт: партийно-государственная деятельность (1918—1933 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Челябинск, 2004. 235 с.
333. Байков А.Ю. Советско-германское военное и военно-техническое сотрудничество 1920-1933 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 280 с.
334. Завадский А.И. Влияние внешних долгов дореволюционной России на становление отношений со странами Запада в 1920-1924 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001. 181 с.
335. Кантор Ю.З. Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921-1939 гг.: дисс. ... канд. д. наук: 07.00.03. СПб, 2006. 483 с.
336. Кардашова Е.В. Фридрих Эберт: партийно-государственная деятельность в 1919— 1925 гг. : дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03 Воронеж, 2000. 361 с.
337. Космач В.А. Германо-советские научно-технические и культурные связи в 1922—1932 гг. (из истории культурной политики Германии в отношении СССР): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Минск, 1984. 228 с.
338. Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.00. М. 2012. 372 с.

339. Молодчик А.В. Социально-экономические и политические взгляды и концепции В. Ратенау, 1912—1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Челябинск, 2001. 243 с.
340. Семенов В.В. Рейхсканцлер Йозеф Вирт и «политика выполнения» 1921—1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Самара, 2004. 221 с.
341. Сорокин Н.Д. Великобритания в решении «ключевых германских вопросов» в 1918-1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Иваново. 2012. 253 с.
342. Черноперов В. Л. Дипломат В.Л. Копп и его роль в формировании советской политики в отношении Германии (1919-1924 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2006. 776 с.
343. Cabel P.M. The communist Challenge to Versailles: British and French assessments of Soviet strategic policy in Europe, 1922-27. Thesis. Calgary, 2011. 165 p.
344. Fritz S.E. Lloyd George and peacemaking, 1918-1922. Thesis. Kentucky, 1972. 250 p.
345. Goldberg E. Soviet-German relations: 1918-1926. Thesis. Ottawa, 1966. 125 p.